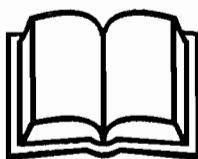

Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы

(конец XVIII - 70-е годы XIX в.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(конец XVIII – 70-е годы XIX в.)

Ответственный редактор
доктор исторических наук С. М. Фалькович

Москва, 1995

Рецензенты:

*доктор исторических наук Б. М. Туполев
кандидат исторических наук М. Ю. Досталь*

ISBN 5-7576-0009-8

**© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1995**

ОТ РЕДАКТОРА

Для народов Центральной и Восточной Европы период с конца XIX по 70-е годы XIX в. был временем глубоких перемен. Процесс экономического развития сопровождался преобразованием общественных отношений, формированием новых социальных слоев, возникновением новых политических институтов, перестройкой властных структур. Все эти перемены находили отражение в сознании людей, способствовали зарождению новых идей, идеологических программ, теорий и концепций. Интенсивно развивались все сферы общественной мысли – экономическая, социальная, политическая, эстетическая, педагогическая, историческая и т.д.

Отличительной чертой региона Центральной и Восточной Европы на этом этапе являлось наличие крупных многонациональных империй. Населявшие их народы переживали бурный рост национального самосознания и поднимались на борьбу за свои права, за свободу и независимость. С другой стороны, существование в этом ареале многочисленных мелких германских княжеств и королевств ставило перед формировавшейся немецкой нацией задачу объединения в единое государство. Все это определило выдвижение на одно из важнейших мест национального вопроса во всех его аспектах.

Наличие общих или сходных проблем, как национальных, так и социально-политических, было характерно для немцев и венгров, словаков и чехов, поляков и русских. В статьях настоящего сборника показано, какой отклик эти вопросы находили в общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы. Авторы не ставили нереальные цели в одном небольшом по объему труде охватить всю проблематику. В первую очередь исследуются социальные вопросы, проблемы отношения общества, государства и личности. Широко представлена национальная тематика; в частности, рассматриваются не только взаимосвязь социальных и национальных моментов, но и такие идеологические феномены, как национализм, панславизм, пангерманизм; прослеживается связь национального

вопроса с формированием эстетических концепций и установок.

Статьи сборника различаются как по подходам к материалу (имеет место, например, сравнительный анализ), так и по масштабам исследования. Анализу подвергаются и целые направления общественной мысли, и программы отдельных социальных и политических групп, организаций, и взгляды, мировоззрение конкретных мыслителей, общественных и политических деятелей. Объектом изучения являются также факторы, обуславливающие формирование определенных идеологических построений. В этом плане специально рассматривается проблема взаимосвязи и взаимовлияний общественной мысли разных стран, в частности, на примере России и Польши. Большое вниманиеделено также вопросу об идеологическом влиянии Запада, о распространении в Центральной и Восточной Европе философских, политических и других концепций крупнейших европейских мыслителей.

Настоящий сборник представляет собой первую попытку осветить важную и малоизученную тему. Коллектив авторов надеется продолжить издание трудов по истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы.

О.В.ХАВАНОВА

ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВЕНГЕРСКИМ
ДВОРЯНСТВОМ В КОНЦЕ ХУШ в.

(на примере Ф.Вольтера, Ш.Монтескье и Ж.-Ж.Руссо)

Хотя начало эпохи Просвещения традиционно относят к концу XVIII в. и связывают с Англией, с философией И.Ньютона и Дж.Локка, однако решающую роль в распространении передовых идей сыграла Франция, где в середине XVIII в. появляется целая когорта философов, чьи произведения дали мощный импульс развитию общественной мысли в странах Старого и Нового Света.

В Венгрию, как и в большинство стран Центральной и Восточной Европы, Просвещение пришло относительно поздно, во второй половине XVIII в., и, можно сказать, в нескольких "изданиях" – немецком, французском, итальянском. Пути проникновения в страну новых идей, сила их воздействия на умы, особенности восприятия философии Просвещения теми или иными слоями общества были различны. Неверно утверждать, что влияние французского Просвещения на венгерскую общественную мысль было решающим или доминирующим, однако труды Ф.Вольтера, Ш.Монтескье, Ж.-Ж.Руссо, Д.Дидро и энциклопедистов, Гольбаха и др. находили в Венгрии вдумчивых читателей и горячих сторонников. Цель настоящей статьи – показать, как в венгерском дворянстве появился интерес к французской культуре и философии; рассмотреть, в какой форме теоретическое наследие французского Просвещения было усвоено венгерским господствующим классом; и определить, какую роль они сыграли в развитии венгерской общественной мысли.

Уже сами современники в конце XVIII в. задумывались над тем, когда идеи Просвещения стали известны в Венгрии. Историк М.Д.Ковачич считал, что это произошло в годы Семилетней войны (1756–1763), когда, с одной стороны, распространению передовых западноевропейских учений способ-

ствовали студенты из Богемии, Моравии, Силезии, Саксонии, спасавшиеся от войны бегством в Венгрию, а с другой, венгерские дворяне, сражавшиеся на стороне Габсбургов, побывавшие в Пруссии и своими глазами увидевшие плоды просвещенного правления Фридриха Великого¹. Не оспаривая точность наблюдения историка, следует, однако, отметить, что в знакомстве венгерского общества с идеями Просвещения ведущую роль играли западноевропейские протестантские университеты и столица империи Вена.

В империи Габсбургов существовали лишь католические университеты, и венгерские протестанты, чтобы получить высшее образование, отправлялись в университеты Западной Европы – Геттинген, Галле, Лейден, Кембридж. Различные благотворительные фонды в этих странах нередко оказывали студентам из Венгрии посильную помощь: оплачивали дорогу, обучение, жилье, книги, одежду. В XУШ в. только за 16 лет за границей побывало около 700 студентов². Возвращаясь, они способствовали распространению новых рационалистических учений у себя на родине.

Низкий уровень католических университетов, где продолжали господствовать иезуиты, немало заботил Габсбургов. Государство нуждалось в грамотных инженерах, финансистах, чиновниках, поэтому с середины 50-х годов XУШ в. власти предпринимают целенаправленные усилия по совершенствованию системы высшего образования в империи. На смену иезуитам постепенно приходят пиары, прекрасно зарекомендовавшие себя в области преподавания естественно-научных дисциплин. Параллельно университетам создается система академий, в которых молодые дворяне из различных провинций империи получали современное всестороннее образование, чтобы впоследствии пополнить ряды государственных служащих в имперских структурах всех уровней. Наиболее известна венская академия Терезианум, в которой с 1746 по 1784 г. обучалось более 150 венгров³. Студенты академии изучали право, философию, историю, языки, естественные науки, инженерное дело, основы делопроизводства. Для венгерских дворян Тере-

зианум стал одним из важнейших учебных заведений. Там учились католики и протестанты, представители знатных родов королевства (Эстерхази, Зичи, Баттяни, Чаки) и мелкопоместные дворяне, о которых сохранились лаконичные записи в матрикулах: "Пал Золтан из Чепе, Жигмонд Добай оттуда же"⁴.

Если венгерскую аристократию после поражения в войне с Габсбургами за независимость Венгерского королевства (1703–1711) в большинстве своем удалось привязать к двору титулами, чинами и щедрыми земельными пожалованиями, то политический и культурный изоляционизм провинциального дворянства не мог не заботить Габсбургов. Для того чтобы преодолеть культурную замкнутость Венгрии и примирить дворянство с династией, императрица в 1760 г. решает образовать венгерскую лейб-гвардию. Став двадцати венгерским дворянам со всех концов королевства предстояло в течение пяти лет служить в одной из самых великолепных европейских столиц, являвшейся центром просвещения, культуры, искусства.

Для молодых венгров, учившихся в Терезиануме или служивших в лейб-гвардии, годы, проведенные в Вене, стали периодом знакомства с французской литературой и культурой, с философией французского Просвещения. Чтение новейших книг, вращение в придворных кругах и посещение аристократических салонов, где с легкой руки канцлера Кауница, большого поклонника Вольтера, все знали произведения фернейского философа и спорили об антиклерикализме и атеизме, – все это давало богатую духовную пищу молодым пытливым умам. В 1765 г. группа венгерских гвардейцев создает литературный кружок, чтобы способствовать распространению у себя на родине французской литературы и идей французского Просвещения. Возглавил кружок молодой талантливый писатель, будущий классик венгерской литературы Дьёрдь Бешшени, чьи ранние драматические произведения были написаны под несомненным влиянием Вольтера. На отзыв своему литературному кумиру – Вольтеру – послал свои стихи, посвященные венским аристократкам, выпускник Терезианума Янош Фекете. Из рядов гвардейцев вышли поэт Абрахам Барчай и переводчик Мармон-

теля Шандор Бароци.

Возвращаясь в Венгрию, дворяне культивировали тот образ жизни, с которым познакомились в столице. Магнат Миклош Эстерхази возводит в своем имении дворец, который современники называли не иначе, как "венгерский Версаль". Граф Иштван Чаки разбивает в своем поместье французский сад ("Сансуси"), открывает салон наподобие венского или парижского, выписывает из Франции антиклерикальную литературу, которую, не рискуя доверять почте, получает через специальных курьеров.

Лучшим показателем распространения в стране идей Просвещения и в том числе французской просветительской литературы может служить рост числа частных библиотек. Одним из приверженцев идей французского Просвещения был граф Миклош Форгач, о котором говорили, что он не пропускает ни одной книги революционного содержания из Франции. Выпускник Терезианума граф Ференц Сечени собрал более 20 тыс. томов, которые впоследствии составили ядро венгерской Национальной библиотеки. Его товарищ по академии Дьердь Фештетич, сестра которого вышла замуж за Сечени, в своем поместье Кестхей собрал богатую библиотеку и основал общество по изучению сельскохозяйственных наук "Георгикон". Постепенно собрания книг начинают появляться в домах среднепоместного дворянства, зажиточных горожан, зарождающейся интеллигенции. Например, в библиотеке кальвинистского священника, известного писателя и переводчика Йожефа Нецели было около 700 книг, причем больше половины на французском языке⁵. Таким образом, в стране возникли многочисленные частные библиотеки, в которых были книги по философии, всеобщей истории, естественным наукам, и в большинстве этих коллекций почетное место занимали труды Вольтера, Монтескье, Руссо, энциклопедистов. Характерно, что библиотекарями и секретарями аристократов служили молодые интеллигенты, многие из которых впоследствии становились радикальными общественными деятелями. Так, секретарями графа Форгача в разное время были будущие якобинцы: прогрессивный

юрист Йожеф Хайноци и поэт, одним из первых в Венгрии осознавший подлинный антифеодальный смысл Французской революции, Янош Бачани. Известно, что Хайноци лишился должности секретаря именно за то, что в ущерб своим служебным обязанностям слишком много времени проводил в графской библиотеке за чтением книг.

Подлинными центрами распространения новых идеиных течений, обмена мнениями, выработки политических программ стали масонские ложи, а также находившиеся под их влиянием всевозможные экономические общества и кабинеты для чтения. Первая масонская ложа на территории империи Габсбургов была основана в Вене в 1743 г., среди ее членов было несколько венгерских аристократов. В 1749 г. основывается ложа в Брашо, в 1764 г. – в Надьсебене, в 1769 г. – в Эперьеше. В 70-е годы ведущее место в общественной жизни Венгрии занимает так называемая обсерванция Драшковича – объединение масонских лож во главе с хорватским графом полковником Яношем Драшковичем. Изначально в обсерванцию входили ложи Хорватии и юго-западной Венгрии, но постепенно ее влияние распространилось на ложи Буды и Пожони (современной Братиславы).

Масонское братство, которое декларировало отказ от деления людей на дворян и недворян, на католиков и протестантов, объединяло лучших представителей венгерского общества. В рядах масонов была практически вся венгерская аристократия, значительная часть среднего дворянства и верхушка интеллигенции. Порой секретарь или гувернер того или иного аристократа достигал более высокой ступени в масонской иерархии, чем его титулованный работодатель. Иными словами, в рядах масонов были все те, кто выделялся происхождением, должностью, состоянием или талантом, что, с одной стороны, говорит о том, какую значительную политическую силу представляли из себя масоны, а с другой, свидетельствует о высоком культурном уровне венгерского господствующего класса. Несомненно, что часть дворянства и интеллигенции влекли таинственность обрядов,

громкие имена лож либо простое желание следовать моде. В то же время из рядов масонов вышли наиболее яркие общественные деятели той эпохи, приверженцы идей Просвещения, сторонники принципа естественного равенства, как, например, Янош Драшкович и его единомышленники, которые разработали конституционный проект, свидетельствовавший о знакомстве авторов с "Духом законов" Ш.Монтескье и трудами австрийских идеологов Просвещения И.Зонненфельза и К.Цинцендорфа⁶.

По мнению одного из виднейших венгерских историков Д.Кошари, особенности венгерского Просвещения определялись тем, что дворянство было более многочисленным и сильным, чем в Западной Европе, а буржуазия – более слабой и этнически разобщенной. В результате, идеи Просвещения, в том числе французского, нашли наибольший отклик у той части класса феодалов (аристократии и дворянства), которая начала осознавать необходимость модернизации феодальной системы. Это следует из типологии венгерского Просвещения, разработанной Кошари. По мнению историка, в венгерской общественной мысли можно выделить три направления, предложившие три варианта реформирования общественного устройства на принципах, провозглашенных философами Просвещения.

Вариант просвещенного абсолютизма осуществлялся австрийским правящим домом, но имел своих сторонников практически во всех провинциях империи, в том числе и в Венгрии. Он сводился к тому, чтобы путем реформ, не уничтожая феодальную систему как таковую, поднять существующий строй на более современный уровень и таким образом сократить все увеличивавшийся разрыв между капитализировавшимся Западом, главным образом Англией и Францией, и землями, входившими в состав империи Габсбургов.

Вариант сословного или дворянского Просвещения имел много общего с первым и в то же время противостоял ему. Его поддерживала та часть дворянства, которая хотела обновить старую сословную структуру общества и феодальную

систему сословного представительства как альтернативу просвещенному абсолютизму, посвягавшему в ходе своих преобразований на святая святых венгерского дворянства - их древние права, свободы и привилегии. После того как курс просвещенных реформ императора Иосифа II (1780-1790) принял явно германизаторский характер (введение немецкого государственного языка и упразднение исторически сложившейся системы административно-территориального управления) многие сторонники просвещенного абсолютизма перешли в лагерь сословной оппозиции, оставаясь на позициях Просвещения. Характерное для многих передовых дворянских мыслителей сочетание просвещенных идеалов с верностью сословным ценностям можно по праву считать одной из наиболее интересных особенностей мировоззрения венгерского дворянства.

В отличие от первых двух течений, диалог между которыми определял общественно-политическое развитие страны в 80-е годы XVIII в., третье направление, антифеодальный реформизм, в силу узости социальной базы (зарождающаяся интеллигенция - писатели, юристы, учителя, служащие и прогрессивно мыслящие дворяне) было представлено скорее как тенденция. Его сторонники восприняли истинную, антифеодальную сущность философии Просвещения, пошли дальше требования простого усовершенствования феодальных отношений и желали уничтожить старый режим вместе с его системой привилегий. Не обладая достаточной силой, они сначала поддерживали усилия просвещенного абсолютизма, стараясь развить его в более прогрессивном направлении, а после крушения реформ Иосифа II пытались объединиться с просвещенным крылом дворянства в надежде на ускорение процесса социальных и политических преобразований. Именно из их рядов вышли впоследствии члены заговора венгерских якобинцев (1795 г.)⁷. Таким образом, поддержка дворянством того или иного течения в общественно-политической мысли была решающей.

Обращаясь к трудам французских философов Просвещения, представители этих течений заимствовали у них те теоретические положения, которые более всего соответствовали раз-

рабатываемым ими моделям переустройства общества. Поскольку восприятие и трактовка новых идей были, как правило, опосредованы общественно-политической ориентацией, одни и те же труды французских просветителей становились источником довольно широкого спектра социальных программ.

Интересен пример Франсуа Вольтера, произведения которого оказали сильное влияние на развитие общественной мысли в землях империи Габсбургов. Антиклерикализм философа оказался неприемлем для Марии Терезии, которая не всегда могла примирить свою глубокую религиозность с осознанием необходимости ограничения всевластия церкви. Почтая Вольтера за человека испорченного до мозга костей, она однажды запретила своему сорокалетнему сыну и соправителю Иосифу встретиться с ним. Молодое поколение Габсбургов, будущие императоры Иосиф II и Леопольд II, напротив, чтили в Вольтере своего духовного учителя, потому что для них он, в первую очередь, был наиболее вдумчивым исследователем того пути, что ведет к объединению Просвещения и абсолютизма. Антиклерикализм Иосифа II, его убежденность в необходимости политики религиозной терпимости сформировались не в последнюю очередь под влиянием Вольтера. Иосифу также импонировало преклонение философа перед сильной центральной властью, которым проникнуто одно из главных сочинений Вольтера "Век Людовика XIV". Особенно любил император героическую поэму "Генриада", посвященную Генриху IV Бурбону, который в интерпретации Вольтера выглядел идеальным монархом, деятельным, активным, покровительствующим просвещению и ведущим борьбу с папским Римом.

Вольтер как страстный сторонник принципа религиозной терпимости и заклятый враг католической церкви нашел горячих приверженцев в лице венгерских протестантов и католиков-янсенистов. Переводчиком Вольтера на венгерский язык был протестант Йожеф Пецели, который с восторгом воспринял начало просвещенного правления Иосифа II, особенно издание декрета о веротерпимости. Свою задачу переводчика Пецели понимал своеобразно: когда граф Палфи через жур-

нал "Орфеус" выразил похвалу его переводу "Генриады", поэт признался, что его перевод отличается от оригинала, ибо он хотел показать, как звучала бы поэма, будь она написана по-венгерски⁸. Вера в сильную центральную власть и враждебность всем формам анархии, в том числе и сословному сепаратизму, были одним из принципиальных убеждений Вольтера. Именно поэтому он не пользовался широкой популярностью в Венгрии, где конфликт просвещенного абсолютизма и сословий носил несколько иной характер, чем во Франции второй половины XVIII в. В то время как французское дворянство не стремилось к активной политической деятельности или получению высшего образования и было озабочено лишь сохранением своего исключительного статуса в королевстве⁹, венгерские дворяне продолжали играть роль политического и духовного авангарда общества. Именно поэтому они не разделяли симпатии Вольтера к абсолютизму и не соглашались с тем, что сословия должны быть лишены своих феодальных привилегий. Исключение составляли лишь немногочисленные вольнодумствующие аристократы, вроде графа Яноша Фекете, в большинстве же своем даже самые просвещенные умы своего времени (Миклош Шкерлец, Миклош Форгач) считали, что улучшение положения непривилегированных сословий не должно ставить под вопрос сохранение древних дворянских вольностей.

Лучше понять эту особенность мировоззрения венгерского дворянства помогает взгляд на судьбу произведений другого классика французского Просвещения Шарля Монтескье. Его "Персидские письма" не пользовались в Венгрии широкой популярностью: социальный критицизм автора оставался чужд венгерскому, да и австрийскому читателю; зато "Дух законов" стал едва ли не самой популярной и читаемой книгой в империи. Уже в 1753 г. она была изъята из списка запрещенной литературы, и вскоре "Дух законов" Монтескье на французском, немецком, а впоследствии на венгерском языке можно было купить во всех крупных городах империи. Друг Монтескье, некий Колдуэлл, путешествовавший по Верхней Венгрии, был немало удивлен, когда в Пожони у скромного

уличного торговца обнаружил не менее двадцати экземпляров "Духа законов"¹⁰. В газетах можно было встретить такое объявление: "Господин Жигмонд Тёрёк из Буды, ходатай по делам обедневших дворян, обещает выплатить двадцать золотых тому патриоту, который переведет на венгерский язык "Дух законов" Монтескье. Расходы по изданию он берет на себя"¹¹.

Книга Монтескье пользовалась одинаковой популярностью у представителей всех трех направлений в венгерском просвещении. Сторонники просвещенного абсолютизма подняли на щит принцип религиозной терпимости, принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную и требование пересмотреть систему уголовных наказаний в пользу их смягчения. Несомненным было влияние Монтескье на формирование государственно-правовой концепции Иосифа II и Леопольда II (на известном портрете кисти Помпео Батони братья стоят у стола, на котором лежат томики "Духа законов" Монтескье).

Венгры были готовы богоотворить Монтескье за одну только высокую оценку той помощи, которую венгерское дворянство оказалось Габсбургам в войне за "австрийское наследство" (1740-1748), и обвинения Габсбургов в неблагодарности. "Известно, - писал Монтескье, - что дом австрийских государей непрестанно притеснял венгерское дворянство. Он не предвидел, какие драгоценные услуги окажет ему это дворянство. Он искал у этого народа денег, которых у него не было, и не обратил внимания на людей, которые там были. Иностранные государи делили между собой его государство, и все составные части его империи, так сказать, распадались на инертные и безжизненные массы. Жизнь была только в дворянстве; движимое негодованием, оно забыло свои обиды и бросилось в бой, послушное голосу славы, призывающей его прощать и умирать"¹².

Согласно Монтескье, правление бывает республиканским, монархическим и despoticеским. У каждого правления есть своя природа (то, что делает его таким, каково оно есть)

и принцип (то, что заставляет его действовать). Законы, соответствующие принципу, приводят в движение все пружины правления. Разложение каждого правления почти всегда начинается с разложения принципов¹³. Будучи спроектированными на монархическое правление, тезисы Монтескье звучат так: природа правления состоит в том, что управляет один человек, но посредством установленных, неизменных законов. Принцип монархии есть честь, а следовательно, законы должны поддерживать знать, которая есть и создатель и создание этой чести. Именно поэтому монархия разлагается, когда мало-помалу начинают меняться прерогативы сословий¹⁴. Таким образом, получалась схема, которая во многом совпадала с представлениями венгерского дворянства о своей исключительной роли в государстве, о святости древних законов королевства.

Образ дворянской монархии был особенно привлекателен для венгерских сословий, которые считали себя хранителями законов страны и гарантами свободы королевства. Действия центральной власти по изменению венгерского законодательства расценивались соответственно, как попытка введения в монархии деспотического правления, когда "все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица"¹⁵.

В политической литературе того времени расхожим было противопоставление "свободного королевства" Венгрии, где законы – результат совместного творчества сословий и государя, и "абсолютной монархии" Австрии, где все вершится по произволу императора¹⁶. Радикальный общественный деятель, пионер буржуазной экономической мысли в Венгрии Гергей Берзевици в своей ранней работе "О принципах Австрии в управлении Венгрией" писал: "Каждому, кто разбирается в людях, ясно с первого взгляда, и каждый штрих нашей истории доказывает, что деспотия не есть способ управления для Венгрии"¹⁷. Эпиграфом к этой своей работе Берзевици взял цитату из Монтескье о том, что от рабства нет пользы ни рабу, ни господину¹⁸.

Высокая оценка роли знати и ее сословно-представительных учреждений также льстила венгерскому дворянству, которое гордо именовало себя венгерской нацией и считало свои интересы тождественными интересам страны. Любой венгерский дворянин подписался бы под фразой: "Нет дворянства – нет монарха, ибо в монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом"¹⁹.

Главной привилегией дворянского сословия было освобождение от уплаты налогов, предоставленное в обмен на обязательство нести воинскую службу. Эта взаимозависимость казалась дворянству справедливой, более того, введение всеобщего налогообложения, по мнению дворянства, должно было повлечь за собой пересмотр всей системы общественных отношений. Просвещенных дворян, не желавших отказываться от налогового иммунитета, не могло не убеждать в их правоте следующее утверждение Монтескье: "Дворянские земли должны обладать привилегиями, подобно лицам, нельзя отделить достоинство государя от достоинства его государства, точно также нельзя отделить достоинство дворянина от его поместья"²⁰.

Монтескье пользовался у венгерских протестантов не меньшей популярностью чем Вольтер. Ведь в "Духе законов" он сформулировал основное правило для политических законов в деле религии: "Когда государь может вполне свободно принимать или не принимать у себя новую религию, не надо допускать, чтобы она вдоворилась в нем, но раз она уже вдоворилась, надо ее терпеть"²¹. Неудивительно, что в некоторых протестантских лицеях преподаватели делали специальные выписки из Монтескье, которые ученики заучивали наизусть буквально, как библейские тексты.

Так концепция дворянской монархии Монтескье, сохранившая ряд феодальных черт, вошла в круг теоретических представлений венгерского дворянства, которое охотно заимствовало из нее то, что его устраивало, феодализировало до известной степени идеи французского философа, перекраивало их на свой лад.

Судьба "Общественного договора" Жан-Жака Руссо в Венгрии не менее интересна. Правда, в отличие от "Духа законов" Монтескье, исключенного в 1753 г. из списка запрещенных книг, "Общественный договор" Руссо при Марии Терезии был запрещен, а при Иосифе II был дозволен для чтения (но не для распространения), что в купе с общим низким уровнем образованности венгерского мелкого и среднего дворянства не в последнюю очередь способствовало тому, что основополагающие принципы теории Руссо запечатлелись в обыденном сознании в искаженном виде. Суть этого феномена, получившего название "дворянского руссоизма", состояла в том, что позаимствовав внешнюю форму – народ вправе расторгнуть договор с правителем, не соблюдающим условия этого договора²², – венгерское дворянство наполнило его узкосословным и чисто национальным содержанием. Народом стало само венгерское дворянство, обладающее всей полнотой политических прав, которое требовало расторжения договора с домом Габсбургов под предлогом нарушения им статей Прагматической санкции²³.

Как справедливо заметил венгерский историк Хенрик Марцали, "Populus" у нас по закону только дворянство, и Руссо наверняка был бы немало удивлен, если бы узнал, что его теорию присвоил себе народ из "Трипартиума" Вербэци²⁴, противопоставивший себя как королю, так и не-привилегированным сословиям"²⁵. Такое представление об общественном договоре стало господствующим в среде венгерского дворянства, и те, кто не был знаком с подлинной сутью естественного права и вряд ли читал Руссо, не подозревали, что у него и речи нет о том, что права государя должны быть ограничены в пользу привилегированных сословий, а естественные права человека тождественны его сословным правам²⁶.

Апогеем венгерского "дворянского руссоизма" стала сессия Государственного собрания 1790–1791 гг., на которой после четвертьвекового перерыва предстояло упорядочить законодательство, выработать конституцию страны, урегулиро-

вать взаимоотношения Венгрии с имперскими властями. В последние годы правления Иосифа II недовольство антифеодальными по сути своей реформами императора, лишавшими дворянство его былого могущества, грозило перейти в открытое сопротивление. Теперь новому императору Леопольду II предстояло отстоять основные положения Прагматической санкции и не дать сепаратистски настроенным венгерским сословиям добиться большей степени обособления королевства в рамках империи. Сословия же, в свою очередь, собирались потребовать законодательных гарантий против попыток центральной власти менять государственно-правовые основы королевства и подтверждения своих прав и свобод.

Одним из наиболее известных примеров сословного варианта общественного договора стал конституционный проект мелкопоместного дворянина Петера Балога, в котором автор предлагал заключение нового договора с Габсбургами на условиях, выгодных мелкому и среднему дворянству. Балог декларировал, что законная власть в королевстве находится в руках народа, т.е. Государственного собрания, и что народ наделен исполнительной властью и правом контроля над королем. Предполагалось упразднение Наместнического совета²⁷ как органа, назначаемого королем, и учреждение Сената, члены которого избирались бы из числа депутатов нижней палаты Государственного собрания. Наконец, подлежало восстановлению право вооруженного сопротивления королю – древняя дворянская вольность, от которой сословия были вынуждены отказаться в 1687 г.²⁸

Наиболее радикальные политики требовали дегенерации Габсбургов. Известен проект речи, обращенной к депутатам Государственного собрания, принадлежащий перу Гергая Берзевици – "О господстве Австрии в Венгрии". В ней автор обрушивается с суровой критикой на Австрию, которая сражается венгерским оружием, питается венгерскими продуктами, пользуется венгерскими ресурсами, обогащается венгерскими металлами, а венграм от этого ничего не достается. "Кто будет отрицать, что у нашей нации есть право отказаться от

Прагматической санкции, условия которой не соблюдал ни один из австрийцев, и весь австрийский правящий дом, точнее его лотарингскую ветвь, устраниТЬ от наследования в королевстве?" – спрашивает Берзевици²⁹. Опираясь на тезис Руссо о праве нации на расторжение договора при несоблюдении его условий одной из сторон, он обосновывает свое требование так: "Яснее дневного света, что короли и земные властители должны в точности соблюдать те условия и заключенные ими договоры, в соответствии с которыми им была передана верховная власть, и поскольку обязательство подданства связано только с этим условием, то если государи не соблюдают соглашения, обязательства подданства утрачивают силу"³⁰. Очевидно, что теория общественного договора изложена автором так, как она ему видится через призму реалий венгерской политической системы, т.е. в виде договора "нации" в лице ее представителей, сошедшихся на Государственное собрание, с королем.

У теории общественного договора Руссо в ее изначальном, антифеодальном смысле не было и не могло быть большого числа сторонников. Это означало бы признание сословного полноправия крестьянства и всеобщности принципа налогообложения, к чему у венгерского дворянства не было ни готовности, ни желания, более того, в большинстве своем оно относилось к этому враждебно. Лишь представители зарождавшегося в то время течения антифеодального реформизма выдвигали требования отмены феодальных сословных привилегий и создания справедливого государственного устройства.³¹.

Итак, идеи французского Просвещения к концу XVIII в. стали органической частью политической культуры венгерского господствующего класса. В то же время можно отметить ряд особенностей в восприятии этих идей. Во-первых, обращение к трудам философов Просвещения было избирательным. Авторы шли не от концепций философов как таковых к своим собственным версиям, а путем подкрепления своих версий отдельными удобными тезисами философов. При таком под-

ходе были неизбежны искажения, разночтения, смещение акцентов, что видно из приведенных выше примеров. Во-вторых, новые идеи оказались тесно переплетены с историко-правовой традицией страны. То есть они еще не обрели самостоятельности на венгерской культурной почве, их восприятие было опосредованным и не всегда адекватным. Тем не менее идеи французского Просвещения сыграли значительную роль в развитии венгерской общественной мысли второй половины XIX в., существенно обогатили научные и политические представления образованной части общества, стали одной из идейных основ "Эпохи реформ" первой трети XIX в., когда сами дворяне выступили в авангарде движения за отмену таких пережитков феодализма, как крепостное право и налоговый иммунитет дворянства, и выработали проект построения гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Eckhardt S. A Francia forradalom eszméi Magyarországon. N.d. 10 old.
2. Mályusz E. Sándor Lipót főherceg nádor iratai. Budapest, 1923. 33 old.
3. Album der k.k. Theresianischen Akademie (1745-1913) Zusammengestellt von Max Freiherr von Gemmell-Flishbach. Wien, 1913.
4. Ibidem.
5. Kosáry D. Culture and society in eighteenth-century Hungary. Budapest, 1987. P. 144.
6. Balázs E. Bécs és Pest-Buda a régi század végén. Budapest, 1987. 157 old.
7. Kosáry D. Op.cit. P. 42-54.
8. Crpheus. 1790. 1 sz. 13-14 old.
9. Benda K. A magyar köznemesség művelődési törekvései a XVIII században // A Nograd megyei muzeumok évkönyve. VII évf. 1981. Salgotarjan, 1981. 87 old.
10. Balázs E. Op.cit. P. 153.
- II. Ibid. P. 278.
12. Монтецкье Ш. О духе законов. Кн.VIII, гл.IX.
13. Там же. Кн. III, гл.I; кн.У, гл.I; кн.УIII, гл.I.
14. Там же. Кн.II, гл.I; кн.У, гл.IX; кн.XVIII, гл.УI.
15. Там же. Кн.II, гл.I.
16. Eleutherius Pannonius. Josephus II in campis Elisii Somnium Eleutherii Pannonii. Buda, 1790. P. 26.
17. Berzeviczy G. Über Oesterreichs Grundsätze in Regierung Ungarns // Balázs E. Berzeviczy Gergely - a reformpolitikus (1763-1790). Budapest, 1967. 318 old.

18. Монтескье Ш. О духе законов. Кн.ХУ, гл.І.
19. Там же. Кн.ІІ, гл.ІУ.
20. Там же. Кн.У, гл.ІХ.
21. Там же. Кн.ХХУ, гл.Х.
22. "Статьи этого договора настолько определены природой акта, что малейшее видоизменение сделало бы их пустыми и недействительными; поэтому, не будучи никогда, может быть, формально выражены, они везде одинаковы, везде молчаливо допущены и признаны. Так продолжается вплоть до момента нарушения общественного договора: тогда всякий вновь вступает в свои первоначальные права и возвращает себе вновь свою естественную свободу, утратив свободу условную, для которой он отказался от первой" (Руссо К.-Х.
Об общественном договоре. М., 1938. С.12-13).
23. Прагматическая санкция - закон, изданный в 1713 г. австрийским императором Карлом VI, распространявший право наследования на женскую линию дома Габсбургов. Закон был поочередно принят органами сословного представительства всех провинций империи, подтверждавшими неделимость владений Габсбургов и наследственный (а не выборный) характер их власти. Венгрия, принявшая Прагматическую санкцию в 1723 г., получила в обмен признание своей обособленности в рамках империи.
24. "Трипартитум" - частная кодификация венгерского феодального права, составленная в 1514 г. венгерским юристом Иштваном Вербэци. "Трипартитум" формально не стал частью законодательства, но позднее посредством практики применения обычая получил обязательную силу. В нем провозглашались права и свободы, идея привилегированного положения венгерского дворянства.
25. Marczali H. Alkotmánytervezetek 1790-ben // Marczali H. Világörténelem - magyar történelem. Bp., 1982. 317
26. Szabó I. A burzsoa állam- és jogbölcslet Magyarországon. Budapest, 1980. 70 old.
27. Венгерский королевский наместнический совет был учрежден в 1723 г. для исполнения королевских распоряжений на территории Венгрии и постепенно превратился в центральный надзорный орган за деятельностью местной администрации. В его компетенцию входили все сферы управления за исключением правосудия и финансов. Роль совета особо возросла в годы правления Иосифа II.
28. Конституционный проект Петера Балога так и не был опубликован и циркулировал по комитетам (главным образом через масонские ложи) в списках. Подробнее см.: Benda K. A magyar nemesi mozgalom 1790-1792 // Magyarország története. V kötet. Budapest, 1980. 49-50 old.
29. Berzeviczy G. De dominio Austriae in Hungaria // Magyar jakobinusok iratai. I kötet. Magyar jakobinus mozgalom iratai / Szerk. Benda K. Budapest, 1956. 99 old.
30. Ibidem.
31. Hajnóczy J. Egy magyar hazafi gondolati néhány az országgyűléstre tartozó dologról // Hajnóczy J. Közjogi-politikai munkái / Szerk. Czizmadia Á. Bp., 1958. 28-46.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ГЕГЕЛЯ В ВЕНГРИИ В XIX в.

Влияние немецкой классической философии на развитие общественной мысли в Европе переоценить невозможно. Идеи Гегеля, Канта, Фихте и Шеллинга на протяжении всего XIX в. широко изучались во всех европейских странах, их по-разному интерпретировали, о них спорили.

Гегелевское философское наследие, тесно связанное с общей линией развития классической немецкой философии, оказало наиболее сильное влияние на умы современников. Трудно найти в Европе XIX в. мыслителя, который тем или иным образом не обращался бы к гегелевской философской системе.

Причин этого множество. Кроме несомненной притягательности философии Гегеля как таковой, среди них можно отметить и его непосредственную педагогическую деятельность и необыкновенно сильное, судя по свидетельствам современников, воздействие его личности на слушателей (как на сторонников, так и на оппонентов). Не в последнюю очередь следует сказать о возбуждающем умы, эпатирующем постулате Гегеля, что его философия есть венец и завершение развития человеческой философской мысли.

Возможно, это сочетание практически невиданной доселе открытости философской системы, базирующейся на идеи непрерывного развития, движения единого мира, дающей такой простор творческой мысли, с объявлением ее конечным пунктом этой мысли вызвало такой бурный всплеск дискуссий, которые продолжаются и до наших дней¹.

В венгерской научной литературе имя Гегеля впервые упоминается в 1818 г. в сборнике Общества венгерских ученых (будущей Венгерской академии наук) в статье историка и философа Дёрдя Фехера². Но лишь в 30-е годы XIX в. в ходе развернувшейся в печати дискуссии о Гегеле, выяснилось, как много у немецкого философа венгерских последователей и оппонентов.

Основной ареной дискуссии о Гегеле стал издававшийся в Пеште с 1837 г. (с перерывом в 1942–1943 гг.) журнал "Атенеум" (издатели: Ф. Толди, М. Вёрёшмарти, Й. Байза). Название журнала отсыпало читателя к издававшемуся в 1798–1800 гг. в Берлине одноименному журналу А. и Фр. Шлегелей, к его общей филологической и философской направленности. Каждый номер венгерского "Атенеума" открывался статьей на философские темы. Характерна статья Байзы в первом номере журнала "Обмен мыслями, его способы", в которой автор призывал "мужественно преподносить читателю проблемы науки и искусства"³.

В это время философская терминология на венгерском языке находилась еще в стадии становления. В 1826 г. Г. Вершеги издал "Словарь технических терминов", что собственно было первой попыткой систематизации в венгерском языке научных терминов. Первым делом образованного в начале 30-х годов философского отделения Общества венгерских ученых стало издание в 1834 г. "Философского словаря". Диана Корниш в своей книге "Венгерские философы" писал по этому поводу: "Этот словарь не прекратил терминологической анархии, а лишь усилил словесную неразберику. Она цвела тем пышнее, чем больше распространялся в среде венгерских мыслителей немецкий романтический идеализм. Таким образом, исключительно непонятным языком излагались мысли венгерских последователей Фихте, Шеллинга и в особенности Гегеля. На этой невспаханной почве венгерские философы, получившие образование в Берлинском университете, пытались укрепить гегелевскую терминологию, зачастую не до конца понятную самим немцам"⁴. Эта проблема неоднократно отмечалась участниками дискуссии о Гегеле, терминология часто оставалась непроясненной, создавая некий фон взаимной неудовлетворенности оппонентов.

В первый год издания "Атенеума" на его страницах не упоминалось имя Гегеля. Тем не менее его влияние уже можно обнаружить. В мартовском номере "Атенеума" за 1837 г. напечатано пронизанное духом гегелевской философии сти-

хтврение "Ночью" Я.Эрдэйи, ставшего одним из первых последователей Гегеля в Венгрии (в последующей дискуссии он участия не принял):

Если смотришь на звезды,
Светящиеся вдали,
На ум приходит мысль
Об их бесконечности. *

Глубоко погружаешься в ночь,
Вступаешь в святое молчание,
Видишь, как над тобой
Ликует природа.

Кипит благословенный родник,
Не признав Отца Твоего,
Там из лунных лучей
Рождаются капли росы.

Мои просыпающиеся мысли
Несут там музыку на крыльях,
О, скольким вещам начало –
Там, за ночной тенью⁵.

То, что это стихотворение вдохновлено идеей всеобщего единства перехода одного явления в другое, бесконечно порождаемого Мировым Духом, отмечалось и венгерскими исследователями⁶. По всей видимости, не случайно стихотворение помещено сразу после статьи "Философские отрывки" реформатского профессора Лайоша Тарци (он вел этот раздел постоянно), в которой автор пишет: "Нет круга или отношения в жизни, в котором не занял бы своего места антитезис, он необходим нам точно так же, как и общественному благу: борьба – жизнь, спокойствие – смерть, и находящийся в состоянии покоя народ – либо ребенок, либо старик"⁷. Из-за терминологической путаницы в венгерском языке этого времени трудно утверждать, что Тарци имеет в виду именно гегелевский "антитезис" (*ellentétel*) но общая направленность статьи, с нашей точки зрения, указывает на влияние Гегеля достаточно прозрачно, тем более что имя Тарци еще

встретится нам среди имен венгерских гегельянцев.

Спустя год, в марте 1838 г., в "Атенеуме" появилась обозначенная тремя звездочками статья "Дружеская просьба к последователям Гегеля – сыновьям нашей Отчизны". Автор ее с едкой ironией ополчился на статью вышеупомянутого Л. Тарци в "Научном сборнике" за 1836 год и статью Я. Варги в журнале "Фидельмезё" ("Обозреватель") № 25 за 1837 год, где венгерские ученые пересказывали суть гегелевского учения с воодушевлением неофитов. Варга использовал в качестве посредника немецкое издание и Шаллера "Философия нашего времени; к апологии гегелевской системы"⁸.

По-видимому, именно воодушевление венгерских последователей Гегеля наряду с невыработанным еще умением доходчиво изложить философскую концепцию больше всего раздражало анонимного автора "Дружеской просьбы". Постоянно переходя с венгерского на немецкий, французский, английский языки, он упрекал венгерских гегельянцев в туманности стиля, неумение выразить свою и гегелевскую мысль, ставя, впрочем, под сомнение и ценность всей гегелевской системы⁹. Анонимом был профессор Дебреценского колледжиума И. Вечей¹⁰. Инош Варга ответил ему 10 июня 1838 г. в № 46 "Атенеума" (вторая часть его выступления была опубликована в № 49 от 21 июня). Ссылаясь на свою заметку в "Фидельмезё", он коротко повторяет ее выводы, отвечает на некоторые вопросы своего оппонента и заканчивает фразой, полной искренней обиды за Гегеля: "Гегель не хочет ничего иного, кроме как содержательно и используя специальный метод, размышлять над каждым объектом, над самим бытием. Это и составляет цель философии. Жаль, если кто-то не может этого понять"¹¹.

Достаточно важны, с нашей точки зрения, не только содержание дискуссии, но и стиль выступлений ее участников. Вечей постоянно выдерживал легкий иронический тон, оппоненты же его этой легкости не принимали. С одной стороны, эта особенность стиля венгерских гегельянцев важна для

описания ситуации столкновения в Венгрии идей Гегеля и немецких романтиков. С другой, эта стилевая оппозиция позволяет в какой-то мере выявить точку зрения редакции журнала "Атенеум" ("Фидельмезё", парного к "Атенеуму" издания).

С антигегелевских позиций в это время уже активно выступали Г. Сонтаг и Я. Хетени, их статьи неоднократно публиковались в "Фидельмезё". С нашей точки зрения, издатели сознательно предоставили место зачинщику дискуссии Вечеи – не самомульному венгерскому философу той поры, но неплохому публицисту, – так как были озабочены не столько философской проблемой гегельянства, сколько желанием познакомить читателя с актуальной проблемой.

В дальнейшем в "Атенеуме" перемежаются статьи о гегелевской философии, как бы не относящиеся к дискуссии, и статьи эту дискуссию непосредственно продолжающие, о чем свидетельствуют пометки, например, "в ответ на ...". Так, в № 57 от 26 августа 1838 г. напечатана статья Я. Варги "Философские взгляды", находящаяся за рамками дискуссии, но наглядно иллюстрирующая, как венгерские гегельянцы рассматривали вопросы теории философии и практики жизни. Размышляя о соотношении субъективного и объективного, Варга ратует за гражданское самосознание своих соотечественников и заканчивает статью с присущим ему пафосом: "Остается лишь сожалеть! Сожалеть, что человек, несущий в себе все человечество, с таким трудом поднимается до человечности!"¹².

В этом же году в дискуссию вступает Габор Серемлеи, подписавшийся как "њярадский священник"¹³. Редакция сочла автора статьи "Гегель как он есть" скорее не гегельянцем, а мистиком, о чем и заявила в соответствующей сноске. Основанием для этого послужила, очевидно, полная убежденность Серемлеи в том, что система Гегеля есть последняя стадия человеческого познания, когда разум людей вступает в область Всеобщего

В ноябре 1838 г. в "Атенеуме" снова появляется статья

Вечеи как реакция на выступление Варги¹⁴. На сей раз все его упреки относятся исключительно к стилю как самого Гегеля, так и его венгерских последователей. Ответ Варги¹⁵, как и в предыдущих статьях, полон обиды за себя и своего великого учителя. В этом духе дискуссия продолжается весь 1839 год, по-прежнему перемежаясь статьями о философии вообще и философии Гегеля в частности¹⁶.

Таким образом, представляется, что дискуссия была спровоцирована редакцией "Атенеума" получившей благодаря ей возможность достаточно подробно информировать читателя о новейших философских проблемах. Поскольку новая философия часто сталкивалась в Венгрии с неприятием ее властями и церковными кругами, подобная позиция журнала, предоставившего венгерским гегельянцам свободную трибуну, заслуживала всяческого уважения. Нельзя не отметить, что анонимные антигегельевские статьи постоянно подталкивали венгерских гегельянцев к возможно более ясному изложению самых сложных философских проблем. Тем самым дискуссия о Гегеле на страницах "Атенеума" во многом способствовала развитию как собственно научного, философского, так и научно-популярного венгерского языка.

Другой ареной спора "за" и "против" философии Гегеля стали в это время венгерские высшие школы и созданные при них студенческие общества, которые объединяли как студентов, так и преподавателей и бывших студентов, не утративших интереса к науке и искусствам. В XIX в. они являлись центрами венгерской науки в не меньшей степени, чем Общество венгерских ученых и позже Венгерская академия наук. Выпускники гимназии или коллегиума (как правило, реформатских, ибо протестантская церковь живее, нежели католическая, откликалась на новые научные веяния) часто отправлялись продолжать обучение за границу – обычно в немецкие протестантские университеты Иены, Галле, Геттингена, Тюбингена, Берлина и др. – и возвращались в стены уже преподавателями. Такой путь прошли Г.Серемлеи, Л.Тарци, А.Вандрак и многие другие венгерские мыслители той

эпохи. Характерно, что большинство представителей этого круга были выходцами из простого народа (реформатская церковь помогала материально необеспеченным ученикам). Движимые благородными побуждениями продолжить дело венгерского народного образования, они выбирали в качестве жизненного девиза слова "Minden a kollegiumért" "Все для коллегиума!"¹⁷. У этих людей часто просто не хватало времени для написания самостоятельных исследований, потому что все силы они отдавали преподаванию и созданию учебников на венгерском языке. Тем не менее они не порывали связей и с немецкими учебными заведениями, где ценили их преподавательские заслуги. Так, например, А.Вандрак стал в 1858 г. в связи с 25-летием своей преподавательской деятельности почетным доктором Иенского университета.

Естественно, что венгерские студенты проникались в германских университетах духом немецкой классической философии. Из них зачастую и вырастали убежденные гегельянцы. Хотя не менее распространенным среди венгров этого круга было довольно эклектичное философское мышление.

Властям и руководству коллегиумов учение Гегеля часто казалось подозрительным. По свидетельству исследователя деятельности венгерских студенческих обществ в 1785-1848 гг. Гезы Бодолай общества эти, где процветал дух гегелевского идеализма, "танцевали на лезвии ножа"¹⁸. Популярный венгерский писатель Мор Йокай, вспоминая о годах учебы в Шарошпатакском реформатском коллегиуме, писал: "Самым выдающимся педагогом был у нас Лайош Тарци. Он вел естественные науки и высшую математику. В принципе же призванием его было преподавание философии. К этому он готовился в немецких университетах, куда его посылали за казенный счет. Когда же Тарци занял кафедру, до руководства дошло, что преподает он философию Гегеля. Раздались крики: "Мы не отдадим нашего Канта!". Гегельянца изгнали с кафедры и поставили преподавать физику... Он был не только нашим учителем, но и воспитателем и вождем"¹⁹.

Ситуация, сложившаяся с распространением идей Гегеля в

Венгрии в первой половине XIX в. вполне сравнима с тем, что происходило в России. Философская система Гегеля оказывалась в определенной степени независимой от официальной доктрины правящей церкви. Это привлекало передовую молодежь и внушало опасения властям²⁰.

Одна из проблем распространения гегельянства в Венгрии заключалась в том, что учеба венгерской молодежи в немецких университетах часто приводила к одновременному воздействию на нее различных философских доктрин, ибо в силу отсталости Венгрии в сфере развития философии венгерские студенты воспринимали как совершенно новые и современные и уже "пройденные" Западной Европой идеи. Сошлемся хотя бы на положение дел в реформатском коллегиуме Шарошпatakа, о котором пишет Ш. Конц в статье "Преподавание философии и теологии в 1703–1849 гг." "Шарошпatakские преподаватели были эклектиками. Они не принуждали себя к закрытости и односторонности. Свою теорию они строили из разных материалов, находя современные и теологические и философские решения не в Шарошпatakе"²¹.

Явление, которое венгерский исследователь объясняет стремлением к открытости, незашоренности взглядов, с нашей точки зрения, может иметь и другие причины. Тем более, что ни один из преподавателей этого коллегиума все-таки не создал собственной цельной системы взглядов, и все они оставались именно эклектиками. Речь идет о достаточно сложном процессе столкновения на венгерской почве различных философских систем, прежде всего о восприятии в Венгрии в первой половине XIX в. взглядов Гердера, представителей немецкой классической философии (и прежде всего Гегеля), идеологов романтизма. Сложность процесса обуславливалась рядом обстоятельств. Например, романтическая школа (да и немецкая классическая философия) многое взяли из концепции Гердера. Но студенты Дунайской монархии, обучаясь в германских университетах, часто обращались к трудам Гердера напрямую, минуя посредников. Так, знаменитая "славянская глава" гердеровских "Идей к

философии истории человечества" и его же труд "О духе европейской поэзии" непосредственно вдохновили деятелей "иллиризма" и филологизма, чешского просветителя Яна Коллара, повлияли и на Я.Эрдэйи, о котором речь пойдет ниже. В странах Центральной Европы нередко складывалось взаимодействие между немецкой романтической школой и ее главным оппонентом – гегельянством.

С одной стороны, в усвоении в этих странах западной философии вообще зачастую доминировала область эстетического восприятия философских проблем²². Тут, конечно, идеи романтиков во многом оказывались доступнее, интереснее и практическая философия Гегеля. Тем более, что для литературы этих стран характерен ускоренный тип развития²³, и романтизм в искусстве в первой половине XIX в. только набирал силу. С другой стороны, в это время шел интенсивный процесс национального возрождения, сопровождавшийся бурным всплеском националистических идей во всех концах империи Габсбургов. Эти идеи питались как мыслями Гердера и романтиков, так и положениями Фихте, писавшего в "Речах к немецкой нации" о национальном характере культуры каждого народа и о значении национальной культуры в борьбе за независимость нации. Конечно, немалую роль в развитии национальной идеи сыграл и Гегель как идеолог Пруссского государства. Подкрепленные официальным авторитетом Пруссии и значением собственного имени великого философа, идеи Гегеля в этом плане оказывались предпочтительнее, чем идеи романтиков, часто облекавших национальные проблемы в игровые формы.

Гегелевская критика романтиков воспринималась в этой связи чрезвычайно серьезно. В качестве основного объекта критики Гегель выбрал теорию романтической иронии. В "Феноменологии Духа" он, слушавший лекции Ф.Шлегеля в Иене, отнес его теории к рубрике "Зло". Именно Шлегеля он имеет в виду, рассматривая иронию в рамках проблематики совести, исследуя "зло", которое оправдывает все свои действия, исходя из собственной субъективности²⁴. Но гегелевская кри-

тика роли иронии содержит в себе и момент ее признания, поскольку в иронии был выражен определенный этап жизнедеятельности Духа. Тем не менее Гегель снова и снова возвращался к критике этого принципа, как правило, с этической точки зрения. В "Философии права" он пишет о нем в разделе "Моральность", в "Эстетике" критикует "ироническое" в двух аспектах – как форму существования гениального субъективного духа и как объект изображения искусства. Характерной особенностью гегелевского рассмотрения романтической иронии является увязывание ее с определенной духовной ситуацией и с определенной степенью развития сознания. По Гегелю, ироническая субъективность предполагает достаточно высокий уровень образованности. Подъем образованности на рубеже XVIII–XIX вв. означал, с его точки зрения, подъем субъективизма, что и нашло свое выражение в развитии иронии, творчески осмысленной романтиками.

Тот факт, что объектом нападок Гегеля была теория романтической иронии, удивительным образом сопрягается с особенностями восприятия романтических теорий в Венгрии. В программных произведениях теоретиков венгерского романтизма – Йожефа Телеки, Пала Семере, Болдижара Бараня, Йожефа Катоны – мы найдем требование "подлинности", "оригинальности", спонтанности художественного творчества; найдем понятия древней (античной) и новой (христианской, романтической) литературы; найдем множество следов романтического стремления к исследованию народного искусства (братья Гримм пользовались особенной популярностью среди венгерских философов и эстетиков первой половины XIX в.), но нигде мы не столкнемся с серьезным обсуждением и тем более апологетикой принципа романтической иронии – основополагающего для немецкой романтической школы.²⁵

Возможно, именно этим обстоятельством (а оно не случайно, т.е. вызвано, с нашей точки зрения, различием стадий развития, на которых находились немецкое и венгерское общества, в том числе отставанием последнего в области об-

разования, а также отсутствием собственной венгерской государственности) объясняется столь сильное влияние идей Гегеля в Венгрии на ту область эстетической теории, где, казалось бы, должны были доминировать идеи Гердера и романтиков, – на формирование категории народности в венгерском искусствознании.

В 40–50-е годы в венгерской эстетике сформировалось историко-литературное понятие народной литературы, согласно которому венгерская литература, пережив "подражательный" период своего развития, в конце XIX в. начала вырабатывать собственные национальные формы. Основная заслуга в разработке категории народности принадлежит Я. Эрдэйи, П. Дюлаи Я. Араню²⁶. Как правило, появление подобного понятия в национальных литературах Центральной Европы было тесно связано с изучением наследия Гердера и немецких романтиков. В венгерской же эстетике основоположник разработок категории народности Я. Эрдэйи основывался в своих трудах на использовании гегелевской диалектики, на учении Гегеля о художественных формах.

Верность гегелевским принципам была одной из основных причин, по которой Эрдэйи вступил в спор с ведущим критиком и теоретиком венгерского романтизма – Ференцем Толди, о чём он и писал последнему 8 декабря 1853 года²⁷. И тем не менее именно эти принципы сыграли ведущую роль в развитии как венгерской эстетики вообще, так и теории её романтического периода. Уже в 1845 г., разбирая поэму М. Вёрёшмарти "Бегство Залана", Эрдэйи обращает внимание на развитие в ней принципа единства и борьбы противоположностей²⁸. В написанной в 1855 г. работе "Четверть века венгерской художественной литературы", анализировал литературный процесс в Венгрии, он считал решающим для него разрыв с "формальным искусством" и переход в новое качество, подчеркивая "глубокую диалектику жизни Духа"²⁹. Эрдэйи же разработал на венгерском материале категории "идеального" и "индивидуального", "общего" и "национального", что способствовало утверждению на его родине принципов нового

искусства.

Венгерский исследователь И.Шётер писал об этом периоде развития отечественной эстетики: "Вся совокупность литературных взглядов Эрдэйи, созданная им картина прошлого и настоящего венгерской литературы, понятия классицизма и народности, его внимание к народной поэзии, его национальная тенденция, - все это базируется на учении Гегеля. Метод и систему взглядов Гегеля Эрдэйи применил к теоретическим и историческим фактам развития венгерской литературы таким образом, чтобы постоянно защищать основной для нее в то время принцип народности. Гегельянство Эрдэйи тем самым способствовало развитию этого принципа, как эпоха Петефи поэтической революции... Эрдэйи наполнил отвлеченность гегелевских "художественных форм" конкретными фактами исторического развития и таким образом создал существенные предпосылки для историко-литературных теорий Араня и Дюлаи... которые, не использовав непосредственно гегелевскую тенденцию, но восприняв интеллектуальное наследие Эрдэйи, объективно являются плодами этой теории"³⁰.

Тем самым можно сказать, что у гегельянства в Венгрии имеются многочисленные отдаленные последствия.

Говоря о Яноше Эрдэйи, нельзя ограничиться только его литературными и эстетическими взглядами. Вклад его в развитие венгерской философской мысли был гораздо значительнее. Янош Эрдэйи (1914–1868) родился в семье крепостного крестьянина. Когда ему было 10 лет, отец отдал его на учебу в Шарошпатакский реформатский коллегиум, и с этим учебным заведением Эрдэйи был тесно связан всю свою жизнь. Образованный в 1531 г. Шарошпатакский коллегиум, всегда отличавшийся высоким уровнем преподавания, вырастил многих замечательных людей. Достаточно сказать, что здесь провел четыре ли не самых плодотворных года своей жизни, с 1650 по 1654, Ян Амос Коменский³¹. После Шарошпатака Эрдэйи занимался в университетах Берлина и Киля, где, кроме философии и филологии, изучал педагогику. В

1839 г. он уже был избран в Венгерскую академию наук, с 1843 г. стал секретарем крупнейшего и наиболее представительного венгерского литературного общества имени Кишфалуди. В 40-е годы Эрдэйи был редактором литературных журналов "Пешти диватлап" ("Пештский модный листок") и "Мадьяр сепи иродалми семле" (Венгерское обозрение художественной литературы"). В годы революции 1848–1849 гг. он руководил Национальным театром и выпускал газету "Республика", после же поражения революции два года скрывался от ареста, а в 1851 г. вернулся в родной Шаропатакский коллегиум, где стал профессором литературы; благодаря ему поднялся уровень преподавания философии, истории, языкоznания³². Здесь он в 1857–1859 гг. и 1864–1866 гг. издавал журнал "Шарошпатаки фюзетек" ("Шаропатакские тетради").

Таким образом, сравнивая жизненный путь Эрдэйи с биографиями Л. Тарци и А. Вандрака, можно сказать, что он был достаточно типичным венгерским ученым этой эпохи. Хотя Эрдэйи и отдавал немалую часть своего времени преподаванию, он сумел больше многих других сделать для развития венгерской литературы и науки. Вот лишь главные труды его жизни: "О народной поэзии" (1842), "Индивидуальное и идеальное" (1843), "Четверть века венгерской литературы" (1855), "Венгерская лирика" (1859), "Я, проза и форма" (посвящено Палу Дюлаи, 1858), "Настоящее отечественной философии" (1857), "Философия в Венгрии" (1865). Эрдэйи принадлежит также заслуга публикации трехтомного собрания венгерских народных песен (1846–1848). Издание, которое было запланировано Венгерской академией наук еще в 1833, не смогли осуществить венгерские романтики Толди и Вёрёшмарти.

Точное время, когда Эрдэйи познакомился с трудами Гегеля, венгерскими исследователями не установлено³³, и сделать это не представляется возможным. Но известно, что он с вниманием следил за развернувшейся в "Атенеуме" дискуссией. Как видно уже из краткого описания жизни и деятельности Эрдэйи, одну из основных своих задач он видел

в развитии самосознания венгерской нации. Так что гегельянство его не было копированием или подражанием, но сознательным выбором системы, на основании которой, как он считал, венгерский дух может развиться наиболее естественным и свободным образом. Об этом он писал в работе "Настоящее отечественной философии"³⁴. Дюла Фаркаш утверждает, что Эрдэйи "не пытался вставить развитие венгерской нации в рамки иностранной системы, как делал это Толди. Оставаясь на почве венгерских фактов, он благодаря Гегелю смог разглядеть их яснее"³⁵.

Уже в работе "О народной поэзии" Эрдэйи использовал некоторые гегелевские категории, например, рассуждая о том, что все происходящее необходимо и закономерно, что дух нации определяет ее судьбу, изменения же вытекают друг из друга и взаимно друг друга объясняют. То есть уже в 40-е годы Эрдэйи, как нам кажется, отдает предпочтение именно системе гегелевской диалектики³⁶.

В работе "Индивидуальное и идеальное" читаем: "...суть наших рассуждений сводится к сочетанию и согласованию духовного и материального, и ни одно из этих двух понятий не может первенствовать. Это подход не материалиста, подражающего природе, и не идеалиста, исходящего из мира идеального. В данном случае мы имеем в виду проявления в материальном духовного и в духовном материального, когда одно поясняет другое, и каждый предмет в искусстве, любое изображение в нем проявляется так, как в жизни; следовательно, не просто наблюдение природы и подражание ей, а раскрытие единства тела и души, соответствующее жизни, свободное от крайнего увлечения тем или другим, подобно тому, как живой человек, являющийся перед нами, состоит не из тела и души, взятых по отдельности, а из их единства"³⁷. В других работах Эрдэйи неоднократно однозначно выступал с позиций объективного идеализма, но ни в одной из них нельзя найти умаления гегелевского диалектического метода.

О не "слепом" перенесении философии Гегеля на венгер-

скую почву говорит также тот факт, что Эрдэйи воспринимал гегелевские идеи достаточно избирательно. Прежде всего он не разделял мнения Гегеля о том, что развитие заканчивается в настоящем, и учение его рассматривал как последнее, наиболее всеобъемлющее в настоящее время, но никак не ко-нечное достижение человеческой философской мысли. Об этом он писал в "Философских заметках учителя", сравнивая философскую систему Гегеля со взглядами Фихте и Шеллинга³⁸. Еще яснее высказался Эрдэйи по этому поводу в работе "Настоящее отечественной философии": "Французский материализм необходимо было дополнить иной стороной – немецким идеализмом, и частично это проделал уже Кант, но в более полном объеме Фихте и Шлейермахер. Тогда решилась судьба философии, осознавшей бесконечную познаваемость образов, призывавшей опыт в качестве господствующего принципа, на основании чего может быть объяснено бытие, познаны в конечной степени дух и материя. Шеллинг отстал от этого на шаг, он уже увидел идеальное всей природы, он обогатил предметный мир опытом разума. Но Гегель, основываясь на всем развитии человеческой мысли, смог привести ее в единую систему, в которой практика означает лишь первую ступень познания, и стал отцом абсолютного идеализма"³⁹.

В этой работе Эрдэйи замечательным образом оценивает соотношение мировой и отечественной философской мысли. Не боясь признаться в отсталости, неразвитости венгерской философии, он предлагает не создавать ее как нечто особенное, но смело использовать все философское наследие человечества, потому что "мышление связывает нацию с человечеством"⁴⁰. Он пишет: "Давайте учиться у других народов, других литератур: тогда мы увидим, что не подходит нам и не будем прививать этого насилию, главное – не прекратить у себя развития разума, размышления о нас самих. Для национальной самобытности не столь важна самостоятельность в науке, сколь способность к познанию человеческого духа"⁴¹.

Это положение особенно важно с той точки зрения, что работа "Настоящее отечественной философии" была написана

Эрдэй в ходе полемики с представителями так называемой "философии гармонии" – Яношем Хетени и Густавом Сонтагом. Побудительным источником этого философского направления были неоклассицистические размышления Гете и Винкельмана о древнегреческой гармонии. Хетени и Сонтаг видели олицетворение этого гармонического восприятия мира в фигуре национального философа Иштвана Сечени и считали, что именно венгерская нация призвана осуществить философский идеал немецких мыслителей.

Г.Сонтаг, начавший свою карьеру как офицер, чьему практическому уму не импонировала туманность немецкой философии, написал в 1839 г. труд "Пропилеи венгерской философии" на современном венгерском языке. Эта и следующие его работы базировались на немецких и английских источниках. Хетени опирался на древнегреческих и немецких философов⁴². Оба стремились к созданию собственной национальной философии, от чего предостерегал их Эрдэй, оба нападали на учение Гегеля (часто именно как на не национальное, не свойственное венгерскому духу) и оба не избежали влияния последнего. В качестве источника их теории нельзя не назвать также философскую концепцию Я.Ф.Фриза, представителя психологического критицизма, оказавшего влияние на ряд венгерских мыслителей, например на А.Вандрака (что послужило причиной споров между сторонниками "логизма" – гегельянцами – и "психологизма").

В 50–60-е годы XIX в. "философия гармонии" пользовалась в Венгрии большей популярностью, чем гегельянство. Подобная ситуация в философии сложилась у многих народов Дунайской империи в эти годы. В Австрии получили распространение труды Й.Ф.Гербарта, создавшего собственную метафизическую систему, при помощи которой он боролся со спекулятивным идеализмом своих учителей – Фихте и Шеллинга. В работе "Главные пункты метафизики" (1806–1808) и др. он стремился соединить в понятии "реала" идею кантовской "вещи в себе" и лейбницевской "монады". Гербарт был также педагогом и психологом. С Гете и Гегелем его роднила только

антипатия к революциям. Под знаменем философии Гербарта в 50-е годы началась в Австрии реформа образования, проводимая графом Лео Туном, Францем Экснером и Германном Боннитцем. Три пражских психолога Ф.Чупр, В.Ф.Волкман и Г.А.Линднер – ученики Экснера – написали пронизанные духом гербартианства учебники по практической психологии, использовавшиеся во всех учебных заведениях империи. Кроме всего прочего, философия Гербарта легко адаптировалась католической церковью.

В Вене и Праге особенно сильное преследование гегельянцев гербартианцами началось после 1848 г. Но использование идей Гегеля продолжалось явно в скрытом виде. Чешский философ А.Сметана (1814–1851) в своих работах "Значение настоящего времени" (Прага, 1848) и "Катастрофа и выход истории философии" (Гамбург, 1850) откровенно попытался создать комбинацию из идей Гегеля и Шлегеля (венгерские сторонники "философии и гармонии" отрицали наличие подобных компиляций в собственном творчестве, пытались скрыть их за подчеркнутым стремлением к самобытности). При этом Сметана утверждал, что лишь славяне могут достойным образом завершить развитие немецкой философии. Схожие попытки предпринимал И.Хануш (1812–1869). Произведения Сметаны и Хануша лишний раз убеждали власти в том, что гегелевская философия представляет опасность для католической церкви. С другой стороны, в разных областях Дунайской империи диалектика Гегеля применялась для обоснования славянского национализма⁴³.

Схожая ситуация сложилась во второй половине XIX в. и в Венгрии. Преобладали работы в духе позитивизма и неокантинства (как, впрочем, и в Германии). В работе С.Ридля "Философия в Венгрии" (1858) признается, что ведущие позиции в этот момент занимают в венгерской философии Хетеши и Сонтаг, которые "оба пришли к Канту, не обратив достаточного внимания на дальнейшее развитие немецкой философии, ведущее, с одной стороны, к Гегелю, а с другой – к Гербарту"⁴⁴.

Говоря о разном отношении официальных властей к философскому наследию Гегеля в разное время, нельзя забывать о связанном с этой проблемой не столько философском, сколько политическом факте – о том, что гегельянцами были венгерские революционеры-демократы Ш.Петэфи, И.Хорарик, П.Вашвари. Они восприняли гегелевские идеи, как правило, не на университетских скамьях, а через увлечение поэзией Молодой Германии, творчеством Гейне. Венгерский исследователь И.Херман подчеркивает соответствие философского индивидуализма Гегеля поэтическому индивидуализму Петэфи⁴⁵.

В 60–70-е годы сохраняется влияние Гегеля на венгерскую философию. Продолжал популяризировать его идеи в это время Я.Варга. В 60-е годы с гегельянских позиций выступает в литературной критике Вольфганг Менцель, о котором писал Белинский в статье "Менцель, критик Гете". До конца жизни (в 1862 г.) с особым вниманием относится к учениям Гегеля и Фриза профессор Коложварского университета Мозеш Секей. В 70-е годы продолжает полемику с Хетени профессор истории и права университета в Папе Иштван Богор, обращая особое внимание на данную Гейне высокую оценку Гегеля. В университете Лошонца преподавал до начала 80-х годов друг Эрдэйи гегельянец Карой Тера (его имя часто встречается в переписке Эрдэйи в варианте "Терей"). Гегелевские традиции в литературной критике продолжают Л.Салаи, И.Хенсльма, Э.Домановски, унаследовавшие их от Яноша Эрдэйи. Домановски в 1871–1890 гг. написал четырехтомную "Историю философии" в духе гегелевской философии истории, но успел довести ее изложение лишь до периода европейского Возрождения. С позиций формальной логики защищал учение Гегеля в 70-е годы языковед и историк Шаму Брашши. Продолжал переводить труды Гегеля на венгерский язык критик и эстетик Агошт Гречуш. В 60-е годы Гречуш и Брашши вели дискуссию с механистическим материализмом Ф.Ментовича. Ученик Гречуша К.Керкапай переводил в 70–80-е годы на венгерский язык не переведенные до тех пор небольшие работы Гегеля⁴⁶.

Труды перечисленных выше последователей Гегеля не стали в Венгрии XIX в. распространенными, признанными и ведущими. Магистральная линия развития венгерской философии, представленная, например, ведущим мыслителем и литератором Венгрии этого периода Йожефом Этвешем, вела в ином направлении. Но и Этвеш не избежал гегелевского влияния. Как отмечает исследователь его творчества И.Шетер, после 1848 г.

хотя он и отказался от гегелевской диалектики в пользу некоторой статики, в интересах политического спокойствия создав "метод равновесия", тем не менее некоторые формы этой диалектики встречаются и в его работах⁴⁷. Да и сам Этвеш писал сыну, что в молодости увлекался философией Гегеля⁴⁸. Другом его юности был убежденный гегельянец Л.Салаи, о котором Этвеш говорил с любовью на посвященном памяти Салаи XXVI заседании Венгерской академии наук II декабря 1865 г.

О том, что идеи Гегеля во второй половине XIX в. были в Венгрии "на слуху", свидетельствует и тот факт, что знаменитая драма И.Мадача "Трагедия человека" (1862) была воспринята современниками как "гегелевская", хотя пристальные исследования показывают, что наряду с гегелевской философией истории Мадач в духе времени использовал в своем произведении идеи детерминизма и позитивизма⁴⁹.

Таким образом, можно протянуть нить развития венгерской философской мысли к творчеству Д.Лукача – первого всемирно известного венгерского философа, начинавшего научную деятельность в рамках гегельянства и сохранившего в дальнейшем верность идеям Гегеля. Правда, по словам самого Лукача, "для венгерской культуры характерен тот факт, что в принципе не существует венгерской философии"⁵⁰. Однако представляется, что подобное утверждение возможно лишь как некоторый литературный или публицистический прием. Его опровергает и само творчество Лукача, которое не могло бы появиться без предпосылок в развитии как мировой, так и отечественной философской науки, и некоторые приведенные нами факты. Мы попытались

осветить лишь одну сторону развития венгерской философской мысли XIX в., показать, что она развивалась достаточно напряженно. То обстоятельство, что в это время в Венгрии не было создано признанных философских систем, могущих соперничать с немецкими, французскими или английскими и пр., не умаляет вклада венгерских мыслителей в освоение мирового философского наследия.

Очевидно также, что значительную роль в развитии концепций венгерских философов XIX в. сыграли идеи Гегеля. Возвращение к его наследию постоянно происходит в Венгрии и в нашем XX в. В 1931 г., к 100-летию со дня смерти Гегеля вышло много венгерских работ, посвященных проблемам его философии. В апреле 1941 г. прошла дискуссия о Гегеле в Венгерском философском обществе. В 70-е годы на страницах "Мадьяр филозофиаи семле" ("Венгерское философское обозрение") неоднократно появлялись статьи об освоении гегелевского наследия в Венгрии.

Таким образом, можно вспомнить о венгерском гегельянце Яноше Эрдэйи, названном венгерским поэтом Эндре Ади "частицей Европы в Венгрии", и ответить его словами другому венгерскому гегельянцу Дьёрдю Лукачу: "Говорят, что философия – одна из таких наук, которая развита в нашей стране в наименьшей степени... С моей точки зрения, так же не встретить философской нации, как не найти национальной философии"⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lukács Gy. A fiatal Hegel. Budapest, 1979; Hiller K. Glossen zu Hegels sogenannten Philosophie der Geschichte // Hegel und die Folgen. Freiburg, 1970. S. 177.
2. Kornis Gy. Magyar filozófusok. Budapest, 1930. 19 о.
3. Bajza J. Gondalatközlés, s annak eszközei // Athenaeum, 1837. N 1.
4. Kornis Gy. o.p.cit. 11-12.о.
5. Athenaeum. 1837. N 26.
6. Erdélyi T.I., Horkay L. Erdélyi J. filozófiai és eszettikai írások. Budapest, 1981. 900 о.
7. Tarczy L. Philosophiai vázlatok. // Athenaeum. 1837. N 26.
8. Schaller J. Die Philosophie unserer Zeit; zur Apologie

- des Hegelschen Systems. Leipzig, 1837.
9. Athenaeum. 1838. N 42.
 10. Horkay L. Magyar hegeliánusok // Magyar filozófiai szemle. 1971. N 5,6.
 11. Warga J. Hegelt követő hagyatkozásai (intézett barátságos kerelemre nyilatkozás) // Athenaeum. 1838. N 46, 49.
 12. Warga J. Philosophiai nézetek // Athenaeum. 1838. N 57.
 13. Szeremlei G. Hegel ami van. // Athenaeum. 1938. N 46.
 14. Athenaeum. 1838. N 40,41.
 15. Athenaeum. 1838. N 45.
 16. Taubner D. Párhuzam a Hegel és Arisztotel között // Athenaeum. 1838. N 45; Szeremlei G. Az új filozófia szellemi világa // Athenaeum. 1839. N 35-39, 41.
 17. Mászáros A. Vandrák András filozófiai rendszere. Budapest, 1980. 20.o.
 18. Bodolay Gy. Irodalmi diáktársaságok. 1785-1848. Budapest, 1980. 53.o.
 19. Őkai Mór. Az én iskolatársom. Budapest, 1960. 30-31 o.
 20. Коган Л.А. Из предыстории гегельянства в России. Москва, 1974. С. 66.
 21. Toncz S. A filozófia és a teológia oktatása 1703-1849 között // A Sárospataki Református kollégium története. Budapest, 1981. 122.o.
 22. Gyulai P. Birálatok. Cikkek. Tanulmányok. Budapest, 1961. 58.o.
 23. Гачев Г.Л.Об ускоренном развитии литературы. Москва, 1968.
 24. См. Гайдрова Р.М.Философия немецкого романтизма. Москва, 1978. С.255_256.
 25. Söter I. Nemzet és haladás. Budapest, 1963. 15.o.
 26. Horváth J. A magyar irodalom fejlődéstörténete. Budapest, 1976.
 27. Erdélyi János levelezése. Budapest, 1974. 199 o.
 28. Erdélyi J. Vorösmarty Mihály minden munkái // Erdal i J. valagatott művei. Budapest, 1986. 182-227 o.
 29. Erdélyi J. Egy századnegyed a magyar szépirodalomból // Festi Napló. 1855. N 9.
 30. Söter I. Op.cit. 209 o.
 31. Bakos J. Comenius sárospataki évei // A Sárospataki református kollégium története. Budapest, 1981.
 32. Erdélyi T.I., Horkay L. Op.cit. p 904.
 33. Erdélyi T.I. Erdélyi János Sárospatakon // A Sárospataki református kollégium története. 234 o.
 34. Erdélyi J. A hazai bölcsélet jelene // Erdélyi János valagatott művei. 133 o.
 35. Tarkas Gy. A magyar szellem felszabadulása. Budapest, 1975. 198 o.
 36. Ю.К.Россиянов считает, что Эрдэйи "отдавал предпочтение гегелевской идеалистической системе, принципу тождества бытия и сознания перед его идеалистическим методом" (История Венгрии. Т.2. Москва, 1965. С.529, 173).
 37. Эрдэйи Я.Индивидуальное и идеальное // Избранные произведения венгерских мыслителей. Конец XVIII-середина XIX в.Москва, 1965.С.172,173.

38. Erdélyi J. Filozófiai tanári jegyzetek // Erdélyi János valagatott művei. 809 o.
39. Erdélyi J. A hazai bölcsészet jelene... 809 o.
40. Ibid. 825 o.
41. Hetényi J. "Gróf Széchenyi István mint nemzeti nagynevű bölcsönk jellemzése // Magyar Akadémiai Értésítő, Pest, 1850.
43. Johnston W.M. Österreichische Kultur- und Geistgeschichte. Wien-Köln-Weimar, 1992.
44. Riedl Sz. A filozófia Magyarországon // Magyar filozófiai szemle. 1979. N 3,4.
45. Hermann I. A gondalat hatalma. Budapest, 1978. I68o.
46. Horkay L. Magyar hegelianusok // Magyar filozófiai szemle. 1971. N 5,6; Beöthy O. A Hegeli tanok Magyarországi történetben // Magyar filozófiai szemle. 1979. N 3,4.
47. Sötér I. Eötvös József. Budapest, 1967. 264 o.
48. Ibidem.
49. Sötér I. Álom és történelemről. Budapest, 1965. 205 o.
50. Lukács Gy. Uj magyar kulturáért. Budapest, 1948, 27 o.
51. Erdélyi J. A hazai bölcsészet jelene... 775, 704 o.

ПОЛЬСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В 1815-1820 ГГ.

Первые годы существования Королевства Польского — государства, созданного в 1815 г. Венским конгрессом из части земель бывшей Речи Посполитой и связанного с Россией династической узей, стали периодом восприятия польской общественно-политической мыслью западноевропейской либеральной доктрины. Конституция 1815 г., составленная выдающимися польскими государственными деятелями и "дарованная" королевству Александром I, была одной из самых, если не самой прогрессивной в Европе того времени. Эта конституция, которая получила практически единодушную поддержку общественности (за ее рамки требования поляков в политico-правовой сфере не вышли даже во время восстания 1830-1831 гг.), содержала гарантии всех основных гражданских прав и свобод и передовые принципы государственного устройства. Она предоставляла широкую компетенцию представительному органу власти — двухпалатному сейму, включала положение об ответственности министров перед сеймом и контрасигнации ими королевских постановлений, вводила гласность сеймовых заседаний, распространяла избирательное право на самый широкий в Европе того времени корпус избирателей. Конституция Королевства Польского свидетельствовала, что польская политическая мысль находится в авангарде европейского прогресса, и одновременно способствовала ее дальнейшему развитию в либеральном направлении. В 1815-1820 гг. либерализм оказывает преобладающее влияние на политическую жизнь и формирование общественного мнения в этой части Польши.

Ранний либерализм эпохи Королевства Польского привлекал внимание ряда исследователей^I. Не собираясь характеризовать здесь всю литературу вопроса, не очень, впрочем, обширную, отметим лишь монографию Х.Венцковской, в которой наиболее полно освещена история либеральной оппозиции в Королевстве Польском. Венцковской были введены

в научный оборот основные источники, изучены состав и социальная база сеймовой оппозиции, ее программа и тактика, ход политической борьбы в Королевстве Польском. Написанная в межвоенный период, ее работа до сих пор остается единственным фундаментальным исследованием раннего политического либерализма в Польше. В современных же исследованиях делаются попытки рассмотреть идеологию либерализма широко, в совокупности всех ее составных частей – философских, общественно-политических, экономических идей, определить место раннего польского либерализма в истории либеральной доктрины в целом.

Несмотря на то что очевидна связь польского либерализма с русской политической мыслью и судьбами либеральных идей в России в тот период, либеральное движение в Королевстве Польском до настоящего момента оставалось вне поля зрения русской исторической науки. Цель данной статьи отчасти состоит в том, чтобы восполнить этот пробел, отчасти же в том, чтобы осветить историю либеральной политической мысли этого времени в несколько новом ракурсе.

Не подлежит сомнению, что польский либерализм как новое направление общественного движения получил в 1815 г. мощный импульс для своего развития от правительственно-конституционализма. В чем же выразилась политическая и идеальная эволюция польских либералов, результатом которой стал конфликт с правительством в 1820 г.? Ответить на этот вопрос можно лишь сопоставляя позицию либерального лагеря с позицией правящих кругов. Поэтому за основу исследования эволюции либеральной мысли в Королевстве Польском нами взят материал, с одной стороны, либеральной польской прессы, а с другой – выражавшей официальную линию "Газеты варшавской" за 1815–1820 гг. Представляется, что богатые материалы периодической печати еще в недостаточной мере использованы для характеристики политической жизни и общественной атмосферы Королевства в эти годы².

Эпоха Реставрации после Венского конгресса считается временем становления классического европейского (в первую

очередь, французского и английского) политического либерализма. Это идеическое течение, основанное на провозглашенных Великой французской революцией и распространенных по Европе через введенные Наполеоном буржуазные институты принципах гражданской и политической свобод, находит в 1815–1830 гг. своих идеологов и оформляется как доктрина оппозиционных партий в западноевропейских парламентах. Идеи теоретиков либерализма (И.Бентама в Англии; К.Йордана, Ф.Гизо, П.Ройе-Коллара и Б.Констана во Франции) легли в основу деятельности легальной и лояльной оппозиции – явления совершенно нового в государственно-политической жизни европейских государств. Во всех странах с конституционным устройством оппозицию характеризует, прежде всего, приверженность принципам конституционализма. Главной функцией либеральной теории становится опирающаяся на действующие конституции борьба за сохранение политических свобод.

В это время и в Королевстве Польском складывается политический лагерь приверженцев либеральных идей. Используя предоставленные конституцией возможности, они начинают издавать свою прессу ("Газета цодзения народова и обда", 1818–1819; "Кроника другей половы року 1819"; "Ожел бялый", 1819–1820) и организуют либеральную оппозицию на сеймах. Центральными фигурами среди польских либералов были братья Винцентий и Бонавентура Немоеvские, возглавившие группу депутатов нижней палаты сейма от калишского воеводства, а также молодые литераторы Бруно Кичиньский и Теодор Моравский – издатели либеральной прессы. Вокруг них объединились все выразители нового политического направления: сотрудничавшие в изданиях Кичиньского и Моравского Ф.Гжимала, Ф.Скарбек, Ю.Брыкчиньский и другие либеральные публицисты, послы и депутаты – члены сеймовой оппозиции. Среди оппозиционеров – сторонников В.Немоеvского в посольской избе (нижней палате сейма) можно назвать А.Бернацкого – последователя экономической школы А.Смита, его брата Г.Бернацкого, входившего в калишскую группу, С.Качковского, еще

ранее провозглашавшего идеи экономического либерализма, Ю.Коморовского и многих других.

Однако либеральный лагерь сложился не сразу. 1815–1818 гг. были периодом пассивного усвоения новых идей и формирования новых ценностей. Свобода печати была уже гарантирована 16-й статьей конституции, принятой в марте 1816 г. указ наместника реализовал эту статью, обеспечив прессе широкую область свобод. Перестала быть обязательной предварительная цензура, утверждалось, что, "за исключением произведений, противоречащих религии, нравственности, подрывающих основы государственной власти" и "порочащих чужую репутацию", "каждому можно писать, издавать, продавать, публиковать без цензуры и одобрения правительства любые произведения". Виновные в злоупотреблении свободой печати несли уголовную ответственность перед судом, и только суд мог запретить распространение какой-либо статьи или книги³. Несмотря на этот, достаточно либеральный по тем временам закон, до созыва сейма в 1818 г. не предпринималось попыток издания газет и журналов определенного политического направления. О постепенном распространении либеральных идей свидетельствуют лишь отдельные статьи в журнале "Памятник варшавский", затрагивающие политическую проблематику. В частности, первым опытом знакомства польских читателей с доктриной политического либерализма была публикация в 1816 г. статьи "Что означают либеральные взгляды"⁴.

Ко времени образования Королевства Польского польское общество было уже частично знакомо с учением экономического либерализма. Однако идеи политического либерализма до 1815 г. еще не были сформулированы на страницах польской печати. Сами слова "либеральность", "либеральный" вошли в польский политический лексикон одновременно с обнародованием конституции 1815 г. Единодушная оценка этой конституции как "самой либеральной в Европе", обсуждение в печати ее основных принципов способствовали уяснению новых понятий, введению их в активный политический обиход.

"Вот уже год, как этот новый лозунг у нас на слуху", - писал в 1816 г. автор публикации под названием "Что означают либеральные взгляды". Предваряя следующий далее перевод статьи из французской газеты, он отмечал, что с недавнего времени на страницах польской печати появилось слово "либеральный" и что "хотя оно часто повторяется, его значение тем не менее заслуживает самого тщательного разъяснения". В статье разбиралось происхождение этого слова и утверждалось, что либеральные взгляды отражают представления и ценности истинно свободного и просвещенного человека. "Политические взгляды являются либеральными, когда они соответствуют нравственной цели существования человека ... когда они направлены на обеспечение общественной свободы и прав всего общества против незаконной (анархической или деспотической) власти отдельных личностей", - утверждал автор статьи, подчеркивая, что это взгляды "гражданина государства, активного, но независимого члена политической семьи". Из этой концепции либерализма следовал вывод о необходимости либеральных принципов в управлении государством: "Первейший признак либерального образа правления - право требовать публичного обсуждения вопросов, касающихся государства и народа"; "... всякая либеральная форма правления допускает несогласие, или оппозицию, более того, нуждается в ней, так как прежде всего открытое несогласие говорит о политической свободе"⁵.

Важным рубежом в развитии раннего либерализма стал первый сейм Королевства Польского, продемонстрировавший реальное воплощение в жизнь либеральных принципов. Сейм открылся в Варшаве 27 марта 1818 г. тронной речью Александра I. Обращаясь к членам сейма по-французски, император сказал (приведем его слова в переводе того времени, сделанном П.А.Вяземским для русских газет): "Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры. Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления (*les institutions libérales* - Н.Ф.),

коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественно-му устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человека цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов. Вам предлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину⁶.

По сути это была речь не самодержавного российского императора, а конституционного монарха в парламенте. Александр I представал в ней перед польской общественностью как искренний сторонник конституционного устройства, более того, он призывал поляков продемонстрировать преимущества такого устройства перед Европой времени Священного Союза и перед его российскими подданными. Эта речь, рассчитанная прежде всего на западноевропейское общественное мнение, прозвучала как декларация правительственного либерализма. Вот как характеризовал реакцию либерально-настроенных кругов польского общества на речь Александра I писатель и публицист К.Бродзиньский: "Самодержец российский с трона некогда свободного народа, как бы по наитию, провозгласил либеральные основы, которым верила как Польша, так и Европа ... он обещал, что это небольшое королевство станет зародышем всех свобод и законов, какие он хочет даровать всем славянским народам, находящимся под его скипетром ... Мы еще сильнее уверовали в национальное начало и в конституцию, через нас суящую свободу стольким народам"⁷.

Польская общественность услышала в речи монарха гарантию дальнейшего развития всех либеральных положений конституции. Либералы затем не раз ссылались на нее как на знаменательное событие отечественной истории. "Краткая история нашего конституционного существования, - говорилось в "Мыслях конституционного поляка" - программном манифесте польского либерализма, - уже богата славными

воспоминаниями. В нашей памяти и памяти потомков навсегда останется речь короля при открытии сейма 1818 г., в которой наш ангел-хранитель подтвердил перед лицом всего мира, что либеральные институты призваны осчастливить народ"⁸. В таком же духе отзывалась в 1818 г. и иностранная либеральная пресса, отклики которой цитировала "Газета варшавска". Так, бельгийская газета "Ле врэ либераль" писала: "Превосходная речь императора Александра I при открытии польского сейма вызывает гнев у обскурантов, дрожащих при одной мысли, что монарх, власть которого распространяется на огромную территорию, провозглашает с высоты своего престола либеральные идеи и положения основами кардинальных законов страны"⁹.

Успешный ход работы сейма, обсудившего четыре законо-проекта, речь Александра I и реакция на нее в Европе стимулировали формирование либерального лагеря. Как писал польский историк конца XIX в. А.Рембовский, "после более чем двух лет раздумий первый сейм Королевства Польского стал одной из важных побудительных причин для открытого выражения основных государственно-правовых понятий, опиравшихся одновременно и на новую конституцию"¹⁰. Начиная с 1818 г. вплоть до конца 1820 г. польские либералы заняты выработкой активной политической позиции. Особую роль в этом играет периодическая печать.

Через несколько месяцев после открытия сейма начинает выходить первое в Польше либеральное издание – "Газета цодзенна народова и обща" ("Ежедневная национальная и за-граничная газета"). Эта газета, которая сразу приобрела большую популярность, была посвящена, главным образом, хронике международных событий, что объяснялось не столько цензурными соображениями, сколько общим направлением издания и целями издателей. Т.Моравский писал впоследствии о "Газете цодзенной", что она "отличалась от старых варшавских газет почти только тем, что черпала материал не из берлинских и гамбургских газет, а скорее из французских ежедневных изданий", и публиковала "краткие сооб-

шения о заседаниях во французском парламенте, о конституционных материалах, познакомить с которыми страну было ее задачей"¹¹.

Повышенный интерес к парламентской жизни конституционных государств был вызван обостренным в то время ощущением связи Королевства Польского с судьбами Западной Европы. В те годы на страницах польской печати то и дело появлялось выражение "дух времени". Для либералов это словосочетание стало ключевым, поскольку оно символизировало собой стремление к общеевропейскому прогрессу, в котором Польша в новых исторических условиях может и должна участвовать. Под велениями "духа времени" подразумевались основные достижения XIX в. – либеральные принципы, нашедшие отражение в европейских конституциях: нормы буржуазного права и формы правления, основанные на строгом разделении властей. Эти принципы, меняющие политический облик Европы, находились в центре внимания "Газеты подзенной". Вот некоторые, наиболее яркие цитаты из нее: "Пришло уже то время, которое через прогресс, просвещение и цивилизацию приблизило народы к правителям и поставило закон между подданными и королем, – пусть же этот закон правит монархами и народами!"¹²; ... уже многие из монархов, великодушные и прислушивающиеся к народному голосу, поняли, наконец, желания своих народов ... требующих конституции и стремящихся участвовать в политических делах"; "абсолютная власть в Европе с некоторого момента рушится в стремительном темпе!"¹².

По мере заострения политической позиции газеты все больше места в ней занимают сообщения о ходе парламентских дебатов во Франции, Англии, Нидерландах, Krakowskoye расpublike; в постоянной рубрике "С берегов Майна" регулярно освещаются события в немецких государствах Бадене, Баварии и Вюртемберге, так же как и Королевство Польское, недавно получивших конституцию. Интересно, что информация о жизни Галиции и Великого Княжества Познанского появляется на страницах "Газеты подзенной" относительно редко – гораздо реже, чем сообщения из Krakowskoye расpublike,

которой "мудрое законодательство и безупречное правительство сумели обеспечить счастье 100 тыс. человек"¹³. Оценка событий с точки зрения "духа времени" присутствует также в материалах, касающихся политической жизни Австрии и Пруссии. Внимательно следя за тем, как первые из германских государств вступают на путь конституционного развития, "Газета подзенна" и сменившие ее другие либеральные издания постоянно обсуждают вопрос, получит ли конституцию Пруссия. По этому поводу неоднократно выражается надежда, что конституционный дух охватит в скором времени все германские государства.

Точка зрения, с которой издатели "Газеты подзенной" рассматривали и подавали своим читателям зарубежную информацию, отражала один из важных аспектов раннего польского либерализма – удовлетворенность от ощущения того, что польское общество и государство находятся в общем русле европейского прогресса. "Несколько лет назад Свобода имела в Европе только два алтара – в Лондоне и в Стокгольме. Сегодня эти алтари возвышаются во многих странах, а красноречивые выступления защитников прогресса звучат одновременно в Лондоне, Париже, Варшаве, Мюнхене, Стокгольме и в Норвегии", – писала "Газета подзенна" и призывала правительства "дать всем народам конституцию, как и было им обещано, – тогда подозрительность растворится среди всеобщего ликования"¹⁴. Либералы отчетливо осознавали, что конституция 1815 г., с помощью которой польское общество в подлинном смысле слова приобрело право вступить в современную эпоху, не только соответствует западноевропейским образцам, но и во многом их превосходит. Это давало им возможность чувствовать себя идущими в авангарде требований "духа времени".

Подобное чувство особенно важно для первых шагов польского либерализма, когда оно доминирует и формирует основные направления либеральной политической мысли и практики. Под лозунгом "Европа смотрит на нас" проходили заседания первого сейма Королевства Польского. Этот мотив повторялся

на все лады как в выступлениях оппозиции, так и в официальных правительственные заявлениях. В.Немоевский, отвечая после сейма 1818 г. маршалу посольской избы на упреки в публикации за границей своих выступлений, писал: "Я достаточно наслышался за время сейма базарных предсторожений о том, что на нас смотрит Европа. Да, возможно, и смотрят; смотрят в первую очередь конституционные государства: они смотрят, достойны ли мы занять среди них место, сумеем ли мы бесстрашно, упорно и открыто отстаивать народное дело, отстаивать конституцию"¹⁵. С таких же позиций либералы на сейме вели критику правительенных законопроектов, призывая к тому, чтобы принятые законы соответствовали "духу, которым проникнута либеральная конституция". Так, критикуя проект уголовного кодекса, составленный по образцам австрийского и прусского, Д.Крыжановский приводит следующий довод: "Есть ли сходство между главными принципами устройства теперешней Польши и тех государств, где действует австрийский кодекс? ... Самый либеральный из монархов своей Конституционной Хартией поднял нас на такую высоту, что поляки теперь не могут слишком легко находить и перенимать чужие образцы"¹⁶.

Однако, необходимо отметить, что в первые годы существования Королевства Польского акцент на требованиях "духа времени" делался не только либеральным лагерем. Это видно при сравнении содержания выходивших в 1818 – начале 1819 гг. номеров "Газеты подзенной" и "Газеты варшавской". На страницах последней также регулярно освещалась парламентская жизнь Франции и Краковской республики, а введенные в Королевстве Польском либеральные принципы конституционного устройства всячески превозносились на примерах других государств, приветствовались монархи, давшие своим народам конституцию. "Время, в которое мы живем, станет великой эпохой в мировой истории. Повсюду деспотизм уступает место конституционным монархиям. ... Польша, пролив столько крови за благороднейшее дело, получила от главы огромного государства либеральную конституцию. Пруссия ожидает и не

напрасно добивается такого же благодеяния от монарха, который находится в долгу перед своим народом. Другие немецкие князья уже вводят или готовятся ввести в своих странах конституционное правительство, которое в наши дни стало насущной необходимостью для народов. Нидерландское Королевство подает всей Европе пример подлинной свободы без заговоров и беспорядков. Это великое европейское движение не может уже ни остановиться, ни пойти вслить!" – говорит-ся в помещенной в "Газете варшавской" статье¹⁷.

Газета не обходила стороной утверждавшиеся в сознании принципы гражданской и политической свобод. Заметный интерес проявлялся к тому, как эти свободы воплощены в жизнь в других государствах, при этом особое внимание уделялось свободе печати, регламентировать которую должны были законы, принимавшиеся в это время в ряде стран Европы и обсуждавшиеся в их парламентах. "Правительство, которое запрещает своим гражданам писать об администрации и ее изъянах, доказывает только то, что умышленно хочет оставаться слепым. Мудрое правительство направляет общественное мнение и одновременно им руководствуется", – уверяла "Газета варшавска"¹⁸. Таким образом, во всем, что касалось оценки правительенного конституционализма, либеральных институтов и идущих сверху либеральных начинаний, газеты не расходились друг с другом. Это говорит о том, что либеральное направление общественного движения зарождалось не как изначально оппозиционное. Расхождения между правительством и либералами начинают проявляться по мере формирования у последних более четкой самостоятельной позиции.

Собственная политическая программа польских либералов, начавшая складываться на сейме 1818 г., окончательно оформляется только к 1820 г. На первом сейме оппозиция еще только зарождается. Единственный признак, по которому можно объединить выступления части депутатов и который позволяет вообще говорить об оппозиции, это критическое отношение к правительенным законопроектам.

Так, больше всего критики вызвал проект закона о браке, который и был в конце концов отвергнут большинством голосов посольской избы (и это было результатом оппозиции скорее со стороны клерикалов, чем либералов). Остальные проекты, касавшиеся процедуры разграничения собственности на недвижимое имущество, нового ипотечного устава и уголовного кодекса (который также вызвал много критики) были благополучно приняты обеими палатами сейма. В целом, сейм "всячески старался, кроме законодательного усердия, выказать как можно более благожелательное отношение к правительенным законопроектам", чем заслужил одобрение Александра I¹⁹.

Выделяется на общем фоне лишь позиция, занятая на сейме 1818 г. В.Немоевским. Выступая на заседаниях сейма, Немоевский не ограничивается разбором отдельного законопроекта, а старается при возможности затронуть общие вопросы, связанные с конституцией, ролью сейма и депутатов в нем. В ходе обсуждения проекта о разграничении собственности на недвижимое имущество он, обратившись к посольской избе, по существу призывает к оппозиции и обосновывает ее необходимость в сейме: "Правительство составляет законы и выносит их на рассмотрение сейма, же по отношению к ним располагаем только *potestatem negativam** так воспользуемся же этой возможностью как щитом!"²⁰. Если большинство членов сейма, выступая против законопроекта, избегало критиковать правительство, то Немоевский при каждом удобном случае указывает правительству на его ошибки, на действия, с формальной точки зрения не соответствующие конституции. Он распространяет свои замечания и на деятельность самого сейма, указывая на то, что прошедший сейм не занимался наиболее существенными для страны вопросами – законодательством в области финансов, армии и администрации, хотя по конституции все это входит в компетенцию законодательного органа. В качестве идеального обоснования своей позиции В.Немоевский выдвигает

* право (лат.).

ет лозунг "Конституция - наше политическое евангелие!", ставший затем программным для польских либералов. "Конституция, - провозглашает он, - это священный огонь народа! Мы, народные представители, - хранители этого огня. Горе тому сейму, который даст ему погаснуть!"²¹.

Однако в 1818 г. призывы Немоевского к строгому соблюдению конституции по своей сути не расходились ни с декларированным правительственный конституционализмом, ни с общим направлением дебатов в сейме. Те же призывы, что и в речах Немоевского, изданных им за границей после сейма ("Выступления калишского депутата"), содержатся в брошюре А.Кожуховского, которая была выпущена перед открытием сейма, с тем чтобы, как считает А.Рембовский, "нацелить участников сейма на глубокое и осмысленное понимание духа конституционных установлений, на искреннее желание сотрудничать с правительством на благо страны"²². "Конституция, - писал Кожуховский, - это святой залог Творца нации, это узы, соединяющие правительство с подданными ... Если мы будем снискодительны хотя бы к малейшему ее нарушению, смутьяны легко перейдут к более важным"²³. Характерно, что и "Газета варшавска", выборочно освещая заседания сейма, публикует также выступления, содержащие конструктивную критику законопроектов за "несообразность духу времени" и замечания сейма по докладу Государственного Совета о положении в стране.

После сейма 1818 г. В.Немоевский ставит перед собой цель: создать оппозицию, подобную французской либеральной оппозиции, и сделать из польского сейма представительный орган, по роли и характеру ведущейся в нем политической борьбы похожий на современные западноевропейские парламенты. Программа этой оппозиции должны были сводиться к следующим пунктам: рассмотрение всех законопроектов с точки зрения их полного соответствия конституции 1815 г.; признание власти конституционного монарха нейтральной и сознательное отделение его от правительства; критика правительства за действия, не соответствую-

щие конституции (хотя бы и формально)²⁴. Осуществление этой программы рассматривалось как задача более или менее отдаленного будущего – польские либералы даже называли конституцию 1815 г. "предвиденным будущим".

Программа польской либеральной оппозиции и ее теоретическое обоснование были заимствованы В.Немоевским у популярного в те годы идеолога умеренного французского либерализма, редактора газеты "Минэрв Франсэз" и главы либеральной оппозиции во французском парламенте Бенжамена Констана. Его произведения В.Немоевский перевел на польский язык и позднее издал со своими комментариями²⁵. Основной целью французской либеральной оппозиции в те годы была борьба с реакцией *ancien régime* (старого режима) за полную и точную реализацию октроированной Хартии 1814 г. Позицию либералов в парламенте характеризовал популярный возглас: "Мы требуем конституции и ничего кроме конституции!". Возглавляемая Б.Констаном партия "независимых либералов" видела в Хартии исходный пункт для дальнейшего конституционного развития Франции в либеральном направлении. Политическая программа "независимых" строилась на разработке всех содержащихся в конституции либеральных принципов, главным в ней было отстаивание гражданской свободы и ее гарантий от деспотизма. "Независимые" считали, что правительство должно ограничиться неукоснительным воплощением в жизнь конституции, любая другая его инициатива произвольна и нарушает свободу личности. Поэтому главной сферой деятельности либералов должны быть защита и развитие всех гражданских свобод, гарантированных конституцией. Соответственно формулировалось учение Констана об основах государственного устройства и разделении властей. Констан дополнил учение Монтескье о разделении властей, выделив пять форм государственной власти: королевскую, исполнительную, законодательную, судебную и муниципальную. В этой системе особенно важным было разделение функций королевской и исполнительной властей, поскольку признание власти монарха нейт-

ральной, независимой, ни перед кем не ответственной, стоящей вне и над исполнительной властью, открывало возможности для критики правительства. Отсюда органически вытекал тезис об ответственности министров, распространенный Констаном на всю систему исполнительной власти. Функции контроля над исполнительной властью Констан возлагал на нижнюю палату парламента, которую считал единственным выражителем общественного мнения. В 1816–1819 гг. в центре внимания французской партии "независимых" были вопросы о свободе печати (новые законы о печати обсуждались в парламенте и на страницах прессы), об ответственности министров, о на-делении судебной власти большей независимостью и введении суда присяжных.

Польские либералы охотно перенимают политическую программу французского либерализма в тех ее пунктах, которые соответствуют условиям Королевства Польского. В октябре 1818 г., представляя читателям газету "Минэрв Франсэз", "Газета юдзенна" публикует политическую декларацию этого издания: "Мы хотим свободы, но отвергаем беспорядок и тиранию. Мы хотим конституционной монархии, так как только под ее покровом может расцвести свобода ... Мы хотим правительства, которое бы в полной мере руководствовалось принципами конституции и либеральности, и желаем, чтобы правительство вверяло власть только таким людям, которые обладают необходимыми для этого волей и мужеством"²⁶. Постепенно "Минэрв Франсэз", так же как и "Ле Врэ либераль", становятся главными источниками публикаций. В центр внимания читателей ставятся проблемы, наиболее существенные для политической жизни европейских конституционных государств, и в первую очередь Франции. При этом ход парламентской борьбы освещается с позиции либеральной партии.

"Газета юдзенна" еще только знакомит читателей со стремлениями французских либералов: "Французы не требуют ничего сверх конституции, но они хотят иметь ее целиком. Пусть им предоставят свободу печати и присяжных, пусть министры станут ответственными, пусть правительство будет

истинно конституционным"²⁷. Она внимательно следит за ходом обсуждения проекта закона о свободе печати во французском парламенте, публикует программные выступления либералов, отстаивающих свободу печати "как пружину и опору представительной системы правления". Но уже через полгода та же идея журнала "Ожел бялый" формулирует в статье под названием "Мысли конституционного поляка" (ее автором был Ф.Гимала). Приведем самые важные из этих "мыслей": "Страна, которая не имеет еще достаточно гарантий для свобод, которыми она располагает, должна придавать особое значение принятию всевозможных мер к тому, чтобы сохранить эти свободы". "Никто не может толковать дух конституции, кроме законодательной власти, то есть короля и двух палат сейма". "Если бы из всех статей конституции нужно было выбрать одну, а действие всех остальных приостановить, я выбрал бы ту, которая гарантирует свободу печати, так как на ней основывается безупречность ответственных чиновников; она наиболее действенная порука свободе личности и собственности". "Предназначение сейма - привлекать чиновников к ответственности и размышлять над тем, не наносит ли представленный ему законопроект какого-либо ущерба счастью и свободе граждан"²⁸.

Толчком, побудившим либералов занять открытую политическую позицию, стало столкновение с правительством по вопросу о цензуре. В мае 1819 г. "Газета цодзенна народова и обца", которая долгое время ограничивалась публикацией информации о европейской жизни, внушавшей читателям приверженность к конституции и ее либеральным принципам, впервые гласно выступает в защиту этих принципов: под рубрикой "События в стране" была напечатана написанная от имени редакции и выражавшая ее собственное мнение статья "О злоупотреблениях полиции в конституционном государстве". Поводом для ее написания послужил инцидент с французской актрисой Филис, протеже великого князя Константина, которую освистали во время спектакля. После этого случая варшавский городской голова издал распоряжение, запрещающее

свистеть или как-либо иначе выражать недовольство игрой актеров в театре. Выступив в защиту свободы слова и свободы выражения общественностью своих симпатий и антипатий, газета заявила, что сфера деятельности полиции ограничивается "обеспечением спокойствия и безопасности граждан", "если же полиция переступает пределы своей власти, то она перестает действовать конституционно и начинает действовать произвольно". Воодушевленные успехом у варшавских читателей, издатели в последующих номерах продолжают и заостряют эту тему. Особенно резкой была статья Ф. Скоморовского, призвавшего общественность настойчиво требовать, чтобы изданное распоряжение было публично отменено и угроза произвола снята. "Если в этом проявилась сознательная воля правительства, то во имя конституции, во имя наших законов мы призываем само правительство не отказать нам в справедливости!" - писал Скоморовский²⁹.

В ответа на критические выступления "Газеты подзенной" 19 мая 1819 г. ее типография по распоряжению наместника была опечатана, а само издание приостановлено. 22 мая Административный Совет принял постановление, согласно которому все периодические издания отныне подлежали предварительной цензуре. Министр просвещения С. К. Потоцкий и государственный советник С. Стасиц под давлением наместника скрепили этот указ своими подписями. В таких условиях Кичиньский и Моравский решили не продолжать издания газеты, обещав читателям начать выпуск непериодического, а значит, свободного от цензуры издания - "Кроника друзей половы року 1819" ("Хроника второй половины 1819 г.").

Политическое направление "Кроники" по сравнению с "Газетой подзенной" вырисовывается уже более четко. "До сих пор, - заявляют издатели в предисловии, - события в нашей стране обходились молчанием. Все газеты, заполненные мельчайшими подробностями зарубежной жизни, казались чужими в собственном отечестве. Мы собираемся исправить этот недостаток". Задачи издания должны были быть подобны обязанностям депутатов сейма, обладающих правом "пред-

ставления сейму злоупотреблений административных властей от имени своих соотечественников"³⁰. "Кроника" вела борьбу за свободу печати, представляя читателям обзор истории существования цензуры и сравнивая положение со свободой печати в Польше с положением в других конституционных государствах. Наиболее ярко оппозиционность "Кроники" по отношению к правительству проявилась в опубликованном на ее страницах памфлете "Сон Платона". За описанием событий, происходивших в "Афинской республике", которая была "покорена македонянами, но под властью Рима вернулась к своим прежним законам", и изображением фигуры императора Адриана, "известного своим особым расположением к афинянам", современник легко мог углядеть реалии Королевства Польского. Памфлет рассказывал о конфликте "афинской молодежи", видящей нанесенные конституции оскорблении и открыто выступившей в ее защиту, с римским претором, некогда отличавшимся мужеством в римских легионах, но "вкусившим одурманивающего напитка власти" и употребившим суровые меры по отношению к ревностным защитникам конституции³¹. Следствием публикации этого памфлета, понятого всеми как насмешка над наместником Королевства Польского князем Ю. Зайончеком, было признание "Кроники" изданием периодическим, а следовательно, подлежащим цензуре. Не желая мириться с цензурой, Кичиньский и Моравский прекратили ее издание.

"Ожел белый" начал выходить уже под цензурой, что помешало ему стать самым живым изданием Кичиньского, лучше всего отражавшим политическую жизнь Королевства Польского этого времени. Выход этого журнала и публикуемые в нем материалы были напрямую связаны с подготовкой польских либералов к созыву сейма в 1820 г. Утверждая, что важнейшая общественная функция, возложенная конституцией на граждан, это участие в представительной власти, "Ожел белый" призывал учиться соответствующим образом пользоваться этой властью. В его публикациях прослеживается призыв к оппозиции, основанной на провозглашаемых ими

беральных идеях. "Ожел бялый" объясняет возможность и необходимость существования парламентской оппозиции правительству тем, что "чиновники всегда могут легко поддаться искушению превысить свои полномочия, и потому необходимы наблюдатели, которые бы возвращали их на путь, предписанный законом"³².

Накануне созыва сейма "Ожел бялый" предлагал депутатам готовую программу требований. Среди них первое место занимало, безусловно, требование полного осуществления принципа свободы печати: "Писатели, стоящие на страже народных свобод, во всеуслышание заявляют о каждой попытке произвола, они, обличая самоуправство или недостойные поступки чиновников, оказывают истинную услугу монарху". Газета выступала также за введение суда присяжных, который должен был стать к тому же и единственной инстанцией, рассматривающей дела о злоупотреблениях свободой печати. "Суды присяжных, - писал "Ожел бялый", - должны рассматривать прежде всего, если не единственно, политические дела, чтобы правительство не могло оказать влияния на решение суда"³³. Непосредственно перед началом работы сейма все более оживленной становилась рубрика, в которой редакция вела переписку с читателями, сообщая о проходящих выборах, пытаясь пробудить в шляхте политическую активность и привить "основы либерального мышления". "Надо надеяться, - заявлял "Ожел бялый", - что народные представители на предстоящем сейме будут требовать развития конституции ... тех ее кардинальных принципов, которые великий монарх заложил в качестве краеугольного камня нашего счастья, но которые до сих пор остались неосуществленными или же реализованы в совершенно противоположном духе"³⁴.

Кульминацией в развитии польского либерализма был сейм 1820 г. В.Немоевскому и его сторонникам, членам калишского "Общества читателей", созданного в том же году, удалось провести всех своих кандидатов на выборах в польскую избу. Поведение калишан на сейме 1820 г. говорит уже об осознанной попытке создания собственной пар-

тии. На заседаниях посольской избы "калишская оппозиция" не упускала ни малейшей возможности, чтобы во всеуслышание заявить о своей позиции. Во всех вопросах братья Немоевские и их единомышленники строго придерживались французской теории конституционного права и требовали развития принципов конституционализма. При обсуждении проекта уголовно-процессуального кодекса калишская группа выступила с острой критикой его, выдвигая в качестве основного дополнения требование ввести суд присяжных и гласность судебных заседаний. В.Немоевский утверждал в своем выступлении, что суд присяжных является необходимым дополнением системы народного представительства, что во всех государствах, где провозглашено равенство всех перед законом, введено это фундаментальное право.

Еще более напряженная борьба развернулась по поводу проекта органического статута для сената - верхней палаты сейма. Проект был составлен, как это было всеми признано, в достаточно либеральном духе и обеспечивал значительную независимость сената: предполагалось, что быть членами президиума и заниматься судебной деятельностью могут лишь те сенаторы, которые не занимают государственных должностей; предполагалось также ввести в организацию сеймового суда институт присяжных. Но либеральная оппозиция увидела в проекте пункт, противоречащий ее политической доктрине. Из-за неясной формулировки одного из положений посольская изба могла оказаться лишенной права привлечения министров к ответственности. Поскольку право сейма привлекать министров к ответственности считалось либералами непременным условием конституционной системы, оппозиция сосредоточила все свои усилия на сопротивлении принятию проекта. В.Немоевский в длинном и эффектном выступлении убеждал депутатов в опасных последствиях принятия "анти-конституционного проекта, который подрывает основы конституционной монархии". "Если этот пагубный проект, уже прошедший через сенат, пройдет и через посольскую избу, мы будем лишены подлинной ответственности министров, этой

последней гарантии наших прав. У нас уже нет свободы печати, мы не устанавливаем налоги, что же нам остается от конституции ... Пусть лучше Государственный Совет скажет, что у нас нет представительного правления!"³⁶. В результате законопроект был отвергнут. Либеральная оппозиция одержала крупную победу. "Кто мог себе представить, что проект этот, столь благотворный, заключавший в себе столько пользы для страны, столкнется с сопротивлением не с той стороны, с какой можно было опасаться", - вспоминал К.Козьмян, один из авторов проекта³⁶.

На сейме 1820 г. была продолжена и борьба за полное осуществление принципа свободы печати. Оппозиция критиковала проект уголовно-процессуального кодекса за то, что он не включает в себя мер против злоупотреблений свободой печати, поскольку конституционные меры нельзя заменить административными. Среди многочисленных претензий, предъявленных правительству в "Замечаниях по докладу Государственного Совета", главная была направлена в адрес комиссии народного просвещения и касалась введения цензуры без санкции сейма. Но особенно резко обозначили либералы свою оппозиционность, когда под конец сеймовых заседаний В.Немоевский выдвинул на рассмотрение посольской избы проект резолюции, осуждавшей С.Потоцкого и С.Сташца за визирование указа о введении цензуры на периодические издания. Оба этих государственных деятеля были известны своими передовыми взглядами, представляли либеральное направление в правительстве и были горячими сторонниками свободы печати. Обвинение их в поступке, совершенном, как всем было известно, вопреки собственным убеждениям, было лишь формальной демонстрацией оппозиционерами приверженности принципам конституционализма, что дало основание как исследователям, так и современникам предъявить польским либералам упреки в доктринерстве.

Принимая это во внимание, попытаемся выяснить, почему программа, заимствованная у французских оппозиционеров, оказалась применимой в условиях Королевства Польского.

Действительно, конституция 1815 г. не была в Королевстве полностью реализована. Не была введена в действие конституционная организация судопроизводства; значительную часть решений наместник принимал в форме раскриптов без участия Административного Совета; не всегда соблюдалось правило визирования министрами постановлений верховой власти. Правительство ограничивало законодательную деятельность сейма уголовной, гражданской и финансовой областями, в то время как конституция настолько широко определяла компетенцию сейма, что давала возможность оппозиции ставить под сомнение легальность практически любых административных постановлений, изданных правительством³⁷. Постановления о цензуре, изданные в 1819 г., также были восприняты либералами как явное и вопиющее нарушение конституции 1815 г., гарантирующей свободу печати, которая в то время признавалась либеральными теориями интегральной частью конституционного устройства. Хотя формально это были временные постановления, которые должны были действовать до принятия соответствующего закона, общественность однозначно поняла их как нарушение самой сути конституционной свободы. Поэтому борьба за свободу печати и заняла центральное место в развитии конфликта.

С момента образования Королевства Польского одним из главных поводов для недовольства общественности было поведение главнокомандующего польской армией великого князя Константина. Он восстановил против себя поляков как деспотизмом и жестокостью по отношению к солдатам и офицерам, так и вмешательством в гражданское управление путем влияния на правительство. Польское общество было взбудорожено фактами взятия под стражу по его приказу не только военных, но и нескольких гражданских лиц. "В мире думают, что у нас есть законы, а у нас есть только приказы!" – писал, характеризуя поведение Константина, Ю.Немцевич³⁸. Суть подобных явлений, фактически еще не представлявших угрозы национально-государственной самостоятельности Королевства Польского, заключалась в превышении административной властью своих полномочий.

Расхождение между конституционализмом польских либералов и конституционализмом, декларированным Александром I в 1815 г. и 1818 г., форсировалось с обеих сторон, и это явление не было оторвано от европейского контекста. "Конституционная практика сближала Королевство Польское с большинством других современных ему государств, от которых Королевство отличалось буквой конституции. Сходство было тем большим, что видоизменения конституционной практики, имевшие место в Королевстве, соответствовали общему направлению эволюции почти всех государств европейского континента"³⁹. Во всей Европе около 1820 г. наблюдается отход от более или менее либерального курса, наметившегося даже в абсолютных монархиях. Так, указу наместника о цензуре соответствовали аналогичные постановления и законы, принятые в 1819–1820 гг. в Германском союзе, стадельных немецких государствах, а также во Франции.

При этом политическая атмосфера в Европе, борьба оппозиционных партий с реакционными тенденциями правительства не могли не воздействовать на ход политической борьбы в Королевстве Польском. Стремление идти в ногу со временем оказывало решающее влияние на эволюцию польского либерализма. Либеральная пресса, продолжая рассматривать политическую жизнь страны в широком контексте, комментирует происходящие в Европе перемены и обращается к европейскому общественному мнению в поисках прямой поддержки. Знание свободы печати оказывается особенно важным "в момент, когда в Германии собирается креоговый поход для уничтожения этой драгоценной свободы", когда "во всех немецких государствах закрываются либеральные издания" и "повсюду слышны голоса, что немецкие министры убедят французский двор в необходимости ограничения свободы печати во Франции"⁴⁰.

Либеральная оппозиция в Королевстве Польском обладала определенной силой, но вовсе не она оказывала решающее влияние на развитие общественно-политической жизни. После 1820 г. в конфликте либералов и правительства выявились

победа правительенного направления, и либералы не решались больше столь открыто и смело, как на сейме 1820 г., заявлять о своей позиции. Еще продолжавшие существовать в 1821-1823 гг. либеральные издания теряют острую политическую направленность, а после 1823 г. вообще закрываются.

Одновременно Александр I под влиянием общеевропейской тенденции усиления реакции, проявившейся на конгрессах Священного Союза, отходит от декларированных им либеральных устремлений. Победа консервативных кругов в Королевстве Польском совпадает с направлением развития большинства европейских государств.

Подводя итог краткой истории раннего политического либерализма в Королевстве Польском, подчеркнем еще раз, что это общественно-политическое направление было стимулировано конституцией 1815 г. и эволюционировало в сторону развития ее либеральных принципов. Как справедливо указывают многие польские исследователи, отстаивание принципов конституции, воплощавшей гарантию национального существования, являлось одновременно борьбой за укрепление государственной самостоятельности Королевства Польского и именно так понималось общественностью. Однако не только это определяло эволюцию польского либерализма. Польский политический либерализм в 1815-1820 гг. представлял собой составную часть общеевропейского течения, и его эволюция шла в общем русле развития общественно-политической мысли Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chmielowski P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi, 1815-1823. Warszawa, 1898; Wieckowska H. Opozycja liberalna w Królestwie Kongresowym (1815-1830). Warszawa, 1925; Libera Z. Pisarze liberalizmu polskiego // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, wydz. 1, Warszawa, 1950. S.83-87; Bortnowski W. Kaliszanie: kartki z dziejów Królestwa Polskiego. Warszawa, 1970; Bujarski G. Polish liberalism, 1815-1823 // Polish review. New York, 1972. Vol.2. S.3-37; Karpinski W., Król M. Sylwetki polityczne XIX wieku. Kraków, 1974;

- Ludwikowski R.R. Główne nurtы polskiej myśli politycznej (1815-1890). Warszawa, 1982.
2. Периодической печати Королевства Польского (1815-1830) посвящен ряд работ: Gasiorowska N. Wolność druku w Królestwie Kongresowym, 1815-1830. Warszawa, 1916; Kamolowa D. Bruno Kiciński i jego czasopisma // Rocznik historii czasopismienia polskiego. T.3. Wrocław. 1963. Z.1. S.17-25; Łojeck J. Poglądy na rolę prasy w pierwszych latach Królestwa Kongresowego // Ibid. T.1. Wrocław. 1962. S.70-96; Łojeck J. Studia nad prasą i opinią publiczną w Królestwie Polskim. Warszawa, 1966; Słomkowska A. Prasa rządowa Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807-1838). Łódź, 1968. Cm. также: Historia prasy polskiej. Warszawa, 1976.
3. Historia prasy ... S.70-71.
4. O reprezentacji narodowej // Pamiętnik warszawski. 1815. T.2. S.61-69; Publiczność // Pamiętnik warszawski. 1815. T.2. S.356-359; Co znaczą wyobrażenia liberalne // Pamiętnik warszawski. 1816. T.4. S.31-39; O konstytucji angielskiej // Pamiętnik warszawski. 1816. T.6. S.186-192.
5. Co znaczą wyobrażenia ... S.31-39.
6. Цит. по: Майков Н.М. Царство Польское после Венского конгресса // Русская старина. Т.113. Спб., 1903. С.424.
7. Brodziński K. Wybór pism. Warszawa, 1966. S.445.
8. Orzeł Biały. Warszawa, 1820. T.1. S.51.
9. Gazeta Warszawska. 23.V.1818.
10. Rembowski A. Nasze poglądy polityczne w r.1818 // Rembowski A. Pisma. T.1. Warszawa, 1901. S.73.
11. Цит. по: Kamolowa D. Op.cit. S.22.
12. Gazeta codzienna narodowa i obca. 7.IV.1819; 14.IV.1819.
13. Ibid. 12.I.1819.
14. Ibid. 30.III.1819.
15. Цит. по: Rembowski A. Op.cit. S.122.
16. Diarjusz sejmu Królestwa Polskiego 1818 r. T.2. Warszawa, 1818. S.64.

17. Gazeta Warszawska. 13.VIII.1816.
18. Ibid. 3.II.1818.
19. Cm.: Лайков Н.И. Указ. соч. С.431. О составе сеймов 1813 и 1820 гг. Cm.: Skowronek J. Skład społeczny i polityczny sejmów Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego // Przegląd historyczny. T.52, 1961. Z.3. S.466-494.
20. Diarjusz ... T.1. Warszawa, 1818. S.115. Cm. также: Więckowska H. Op.cit. S.37.
21. Niemojowski W. Głosy posła kaliskiego na sejmie Królestwa Polskiego. Poznań, 1818. S.11.
22. Rembowski A. Op.cit. S.74.
23. Kołuchowski A. O sejmie Królestwa Polskiego. Warszawa, 1818. S.47.
24. Подробнее об идеологии "калишской оппозиции" см.: Więckowska H. Op.cit. S.46-71.
25. Niemojowski W. O monarchii konstytucyjnej i rękojmiach publicznych, rzecz wyjęta z dzieł B.Constant. Warszawa, 1831.
26. Gazeta codzienna narodowa i obca. 21.X.1818.
27. Ibid. 3.I.1819.
28. Orzeł Biały. 1820. T.1. S.38-109.
29. Gazeta codzienna narodowa i obca. 13.V.1819; 15.V.1819.
30. Kronika drugiej połowy r.1819. S.3-4.
31. Ibid. S.80-86.
32. Orzeł Biały. 1820. T.1. S.33-40.
33. Ibid. 1819. T.4. S.57.
34. Ibid. 1820. T.7. S.26.
35. Cm.: Więckowska H. Op.cit. S.174-175.
36. Koźmian K. Pamiętniki. T.3. Wrocław, 1972. S.38.
37. Izdebski H. Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego z 1815 r. // Konstytucje Polski. T.1. Warszawa, 1990. S.227.
38. Niemcewicz J.U. Pamiętniki, 1809-1820. T.2. Poznań, 1871. S.313.
39. Izdebski H. Op.cit. S.227-228.
40. Orzeł Biały. 1819. T.3. S.169-197.

У ИСТОКОВ ПОЛЬСКОГО РЕФОРМИСТСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЛЕОНА ЖЕВУСКОГО

Для польских земель, попавших под власть Пруссии и Австрии, вторая половина 40-х годов XIX в. была временем бурных политических событий. В 1846 г. в Галиции произошла Krakowskaya революция и небывалое по своей ожесточенности крестьянское выступление ("галицийская резня"). "Весна народов" 1848 г. ознаменовалась национально-освободительным восстанием в Познанском княжестве, значительной политической активизацией городских слоев как на Познанщине, так и в Галиции. Галицийская революция 1848 г. принесла отмену барщины.

Опыт революционных лет ускорил процессы политического размежевания польского общества, развития польской общественной мысли. "В то время все занимались политикой — писатели преобразовались в журналистов, политическая журналистика стала выражением литературы всего этого периода", — писал современник тех событий В. Завадский I.

Конец 40-х — начало 50-х годов — важный рубеж в становлении польского консерватизма. Это было вполне закономерно: старый феодальный порядок в Центральной Европе, совсем недавно казавшийся незыблемым, пошатнулся и был частично разрушен, а вместе с ним разрушались и многие привычные представления. Идеологам польских помещиков пришлось по-новому взглянуть на проблемы социального переустройства, демократизации общества, по-новому оценить позиции различных социальных слоев и их роль в жизни польской нации, в ее борьбе за национальное освобождение. В поисках ответов на эти новые вопросы польский консерватизм окончательно оформился как идеиное течение.

Одним из наиболее яких польских политических мыслителей, заявивших о себе в конце 40-х годов, был Леон Жевуский. Вряд ли найдется в истории польской политической мысли фигура, удостоившаяся более противоречивых оценок ис-

следователей: одни называли его "несгибаемым борцом" за социализм, другие - консерватором². При этом в столь различных оценках историки опираются главным образом на сравнительно небольшой по объему комплекс публицистики Жевусского конца 40-х - начала 50-х годов (его работы этого времени и введенные в научный оборот письма не составили бы и полутора сотен страниц). С конца марта по 1 мая 1848 г. Жевуский опубликовал в Галиции шесть воззрений (три из них написаны вместе с Адамом Потоцким), а с мая начал выступать во львовской газете "Постемп" ("Прогресс"), которую сам же финансировал. В августе он оставил газету, где его статьи заметно диссонировали с общим тоном, который определяли ответственные редакторы демократы К. Видман и Я. Захарьясович. Всего он успел напечатать в "Постемпе" 17 статей и заметок. Кроме того, в июне 1848 г. он опубликовал открытое письмо Л. Скининскому и в марте 1849 г. опубликовал небольшую брошюру "О стремлении к переустройству общества"³. Уже после отъезда из Галиции он издал в 1849 г. в Париже по-французски брошюру "Об организации политического общества"⁴. Важным дополнением его публицистики служит переписка с А. Потоцким и С. Смажевским⁵. Позднее, в 60-е годы, Жевуский опубликовал еще несколько работ на философско-религиозные темы, но они уже не сыграли существенной роли в развитии польской общественной мысли.

Леон Жевуский (1808-1869) был последним потомком известной магнатской фамилии, история которой довольно противоречива: на деда Леона Жевусского корсуном гетмана Северины лежало клеймо участия в Тарговицкой конфедерации, сдабрившей разделы Польши, а отец, Вацлав Жевуский, легендарная фигура польского романтизма, пропал без вести в национально-освободительной войне 1830-1831 гг. Сам Л. Жевуский в 1830-1831 гг. участвовал как в сражениях с царскими войсками (он был адъютантом генерала Ю. Хлопицкого в битве под Грохувом), так и в борьбе аристократической молодежи против радикального Национального общества в Варшаве. После того как огромные поместья на Волыни были конфиско-

ваны за участие в восстании, Л.Жевуский поселился в своих галицийских владениях. В 40-е годы он немало времени проводил за границей, где следил за политической жизнью, не-плохо познакомился с западноевропейской социальной мыслью. В сочинениях Жевусского часты ссылки на Х.Ф.Р.Ламенне, Ж.Ш.Сисмонди, А.де Токвиль, А.Гакстгаузена, Ф.Ле Плё, т.е. по-преимуществу консервативных мыслителей Запада.

Много внимания уделял Жевуский и польским проблемам. Он написал два не дошедших до нас мемориала о положении в Галиции. Мемориал 1846 г. предназначался для Отеля Ляմбер, другой, написанный зимой 1848 г., - для губернатора Галиции Ф.Стадиона. Тогда же, в начале 1848 г., он обсуждал ситуацию в Галиции с деятелями польской консервативной эмиграции в Париже⁶.

В Галицию Жевуский вернулся в середине марта, буквально накануне революционных событий, и сразу же включился в политическую борьбу. 26 марта вместе с А.Потоцким Жевуский участвовал в собрании представителей помещиков, на котором обсуждался вопрос об отмене барщины. Собравшимся было ясно, что барщина обречена (крестьяне к тому времени уже повсеместно отказывались ее отрабатывать), и большинство высказалось за то, чтобы призвать помещиков безвозмездно отменить барщину на Пасху 23 апреля. Иную позицию заняли Жевуский и Потоцкий. В воззвании, опубликованном 28 марта, они заявили, что решение о барщине должен принять шляхетский сословный сейм⁷.

Галицкие демоны увидели в этом предложении попытку сорвать отмену барщины и подвергли его авторов смешанной критике. Однако у Жевусского и Потоцкого были другие мотивы. Они понимали, что австрийское правительство, стремясь присвоить себе политический капитал "освободителья" крестьян, может перехватить у помещиков инициативу в решении вопроса о барщине. Ставка в этой борьбе была очень высока. "Галицийская резня" 1846 г. показала, что австрийская бюрократия пользуется влиянием на галицийское крестьянство, может манипулировать крестьянским протестом во всех

его формах и использовать его как оружие для срыва национально-освободительных планов шляхты. Для того чтобы не упустить уже невосполнимую в будущем возможность укрепить свое влияние на крестьянство, помещикам следовало отменить барщину как можно скорее и одновременно по всей Галиции. Но Жевуский и Потоцкий не без основания сомневались, что большинство помещиков будет готово добровольно пойти на это тем более, что в экономическом отношении им было выгодно, чтобы барщину отменило правительство, поскольку тогда они получили бы от него компенсацию. Не исключал Жевуский и возможности злоупотреблений помещиков при бесконтрольном проведении ими перестройки экономических отношений с крестьянами⁸. Жевуский и Потоцкий видели выход в скорейшем принятии формального акта об отмене барщины. Единственным в Галиции органом, который мог достаточно быстро собраться для принятия такого документа, был шляхетский сословный сейм. Они отдавали себе отчет в его непопулярности и нерепрезентативности. Все, что им было нужно от сейма, — это декларация помещиков об отмене барщины, после чего сейм должен был самораспуститься, обратившись к императору с призывом созвать всесословное Национальное собрание, которое уже выработало бы детальный законопроект аграрной реформы⁹.

30 марта и 4 апреля Жевуский с Потоцким издали еще два воззвания, в которых вновь призывали к созыву сейма, а также предлагали проект избирательного закона для будущего Национального собрания. Они спешили в надежде подтолкнуть шляхту к энергичным действиям. Но время уходило бесплодно. 10 апреля раздраженный Жевуский напечатал новую листовку, полную резкой критики шляхты, уехал в свои имения и там отменил барщину. 24 апреля он написал Потоцкому из своего имения Подгорцы: "Ты не поверишь, дорогой Адам, каким брюзгой я стал после нашего расставания. Надежды гибнут, и мне все больше кажется, что наступит лишь уничтожение старых частей нации, а не ее возрождение... Чем сильнее я верил в будущее, тем сильнее сегодня мое

разочарование. Мы сами отвергаем возможность возрождения"¹⁰.

Революция еще развивалась по восходящей, тем красноречивее пессимизм Жевусского. Он понимал, что помещики упустили свой шанс. За день до Пасхи губернатор Галиции Ф.Стадион от имени императора издал патент об отмене барщины, хотя санкций императора у него не было. То, что барщину отменило правительство, а не помещики, оставляло Габсбургам возможность по-прежнему выступать в роли опекуна крестьян. Жевуский в новом воззвании призвал принять отмену барщины, не рассуждая, "кто должен был решать и кто в действительности решил эту проблему", раз "отмена барщины была жизненно важна для нашего будущего"¹¹. Но он понимал, что после того как крестьяне получили вожделенную свободу от правительства, никакое политическое движение шляхты в Галиции не имело шансов на успех.

С этого времени характер публицистики Жевусского резко меняется. Прямые отклики на текущие политические события встречаются в ней уже редко. Статьи в "Постемпе" больше походят на главы политического трактата, посвященного не злобе дня, а наиболее общим проблемам эпохи, как их понимал Жевуский. Эти статьи свидетельствуют о незаурядности Жевусского-публициста, обратившегося к действительно важнейшим проблемам общественной мысли его времени.

Отправной точкой рассуждений Жевусского было осознание того факта, что Польша, как и вся Европа, переживает глубочайший революционный кризис, последствия которого виделись ему в мрачном свете. "Я не могу отрешиться от убеждения, что мы живем в эпоху, какой не было со времени вторжения варваров. Сегодня происходит вторжение варварских, нецивилизованных взглядов: прежнее общество погибнет, а Карла Великого мы не дождемся!"¹². Это, конечно, была позиция человека, ощущавшего себя частью старого, феодального мира. Однако попытку прямо противостоять революции, остановить ее Жевуский отверг сразу: "Всякое возвращение к шляхетской Польше я считаю безумием"¹³. Вместе с тем, анализируя механизм развала старого мира,

Жевуский стремится найти своему классу возможность избежать роли бессильного наблюдателя этого процесса: "Приводить в порядок существующие общественные отношения, именно как существующие, а не как основу будущего, уменьшить индивидуальные страдания, ввести регулярность в процесс распада общественного здания, аккуратно разобрать то, что уже должно рухнуть, - таковы наши задачи во время революции"¹⁴. Развивая мысль о необходимости "аккуратно разобрать" то, что сохранить невозможно, не дождаясь разрушительной работы революции, Жевуский писал: "Если мы хотим избежать разрушительных действий народа, не следует оказывать ему сопротивления, напротив, нужно встать во главе народа"¹⁵.

Такое расширение и усложнение задачи, которую Жевуский ставил шляхте, требовало уже выработки серьезной программы преобразований. И Жевуский попытался наметить ее в своих статьях. Главной чертой эпохи он считал политическое пробуждение народа. "Теперь народ, то есть класс физических работников, - писал он, - требует, и справедливо требует, своих прав"¹⁶. Признание этого факта влекло за собой постановку ряда взаимосвязанных проблем: о роли народа в жизни нации, о демократии, об отношениях шляхты с "проснувшимся" народом и вообще о ее месте с новом обществе.

Поляки, полагал Жевуский, переживают переломный момент своей истории. "История разделила польское общество на два лагеря. С одной стороны стоят все те, для кого свято прошлое Польши, с другой - неграмотные толпы, ничего не знающие о святости прежней отчизны. Отсюда две нации - та, которую правильно было бы назвать польской исторической нацией, и та, которой можно дать имя народной (т.е. включающей социальные низы. - А.М.) польской нации"¹⁷. Эта последняя, "пробудившись от политической летаргии", начинает обретать национальное самосознание, и только из нее, но не из памяти о прошлом "может родиться новая Польша".

В этой ситуации обязанность просвещенных, исторических слоев – "сблизиться с народом, сторонящимся из-за недоверия, не понимающим общности основ", "распространить в народе национальные идеи, объяснить ему понятие нации"¹⁸. Для Жевусского шансы на выживание имели лишь те элементы культурной, идейной традиции, которые удалось бы привить народу. Он с предостережением напоминал, что забвение шляхтой обязанности просветительской работы в народе создало в прошлом ситуацию, когда "все усилия, имевшие целью уничтожение исторического элемента, облегчали народу путь к освобождению, давали ему ощущение своего существования"¹⁹. "Объединение классов" было для Жевусского "первым условием возрождения родины"²⁰.

"Пробуждение" народа предполагало, с точки зрения Жевусского, его участие в политической жизни, причем такое участие следовало обеспечить немедленно, не дожидаясь, пока крестьянство (а говоря о народе, Жевуский имел в виду прежде всего крестьян) достигнет определенного уровня "просвещенности". "Нельзя ждать, – писал он, – с привлечением народа к гражданской активности, пока он не поднимется на гражданский уровень; как в войске – рекрут учится в бою"²¹. Еще до начала революционных событий Жевуский подчеркивал в письме к Потоцкому, что крестьян нужно привлечь к обсуждению аграрных преобразований. Позднее он выражал Смажевскому, выдвигавшему лозунг "Все для народа, но без участия народа", что "если законы должны удовлетворить народ, они должны хотя бы частично происходить из мнений народа"²².

Ставя проблему привлечения народа к политической жизни, Жевуский обращался к демократии, но не столько в поисках принципов, на которых следовало основать решение этой проблемы, сколько как к инструменту, необходимому для ее решения: "Я вообще не верю в конституционные формы как в хорошие формы правления, но они являются единственным средством политического воспитания народа"²³. Жевуский категорически отвергал основу либеральной концепции демокра-

тии – всеобщее прямое равное голосование. "Мне кажется, что опыт последнего времени показал непрактичность прямых всеобщих выборов", "я никогда не стану считать друзьями народа тех, кто хочет наложить всей массе народа непосредственное голосование", – таких высказываний у Жевусского много²⁴. Всеобщее равное голосование открывало, по мнению Жевусского, возможность манипуляции мнением непросвещенных избирателей. "Мнение большинства рождает угнетение"²⁵, – заявлял он.

Политическому равенству Жевуский противопоставлял равенство социальное, которое он трактовал как равенство возможностей. "Политическое равенство находит полнейшее выражение во всеобщем избирательном праве ... то есть признает каждого человека одинаковым ... Социальное равенство признает за каждым равное право возвышения над другими благодаря собственным усилиям ... а потому вступает в противоречие с политическим равенством, поскольку учитывает фактор, который забывает последнее, – степень образованности и независимости"²⁶. "Политическое влияние, предоставляемое каждой части общества, должно соответствовать, – повторяет он, – степени ее образованности и независимости"²⁷. Таким образом, политический эгалитаризм Жевуский отвергал в пользу иерархической организации общества, а из критериев формирования такой иерархии устранил сословный принцип, открывая буржуазии и интелигенции доступ в привилегированные слои.

О том, как Жевуский представлял себе функционирование избирательного механизма, можно судить по выработанному им совместно с Истоцким проекту закона о выборах в Национальное собрание²⁸. Выборы предполагались многоступенчатыми. Уже крестьянская гмина должна была выбирать своих представителей в собрание выборщиков избирательного округа в двухступенчатом голосовании, т.е. сначала избрать тех, кто собственно будет голосовать за выборщика, а уже во втором туре определить своего представителя. Наряду с представителями гмин в число выборщиков избирательного

округа входили все проживавшие на его территории помещики, выпускники университетов и имевшие патент лица свободных профессий. Податной ценз, предоставляемый право прямого голосования, был очень высок (50 гульденов).

Вся эта сложная процедура формирования коллегий выборщиков округа нужна была для избрания одного представителя в собрание выборщиков обвода, объединявшего несколько округов. Вторым представителем от избирательного округа в коллегии выборщиков обвода становился автоматически маршал избирательного округа. Эта роль была зарезервирована для лица, платившего самый высокий в округе налог. Аналогичная процедура предполагалась и для городских избирательных округов.

Проект регламентировал даже решения коллегий выборщиков обводов, сформированных в результате столь сложной процедуры. Они посыпали собственно в сейм треть участвовавших в них маршалов, треть председателей городских муниципалитетов и треть тех своих членов, которые вошли в коллегии не по должности, а в результате выборов.

Такая система, допуская в высший законодательный орган заметное число представителей буржуазии и интеллигенции, обеспечивала в то же время господство помещиков на всех этапах проведения выборов и гарантировала им численное преобладание в Национальном собрании. Масштабы крестьянского представительства ставились авторами проекта в полную зависимость от воли высших слоев.

Жевуский полагал, что принцип представительства со временем должен подвергнуться радикальному изменению. "В недалеком будущем нации отвергнут законодательную опеку представительных органов, избираемых большинством голосов, и потребуют собственного представительства ... словом, корпораций, как в прошлом ... В будущем сеймы должны состоять из делегатов обществ, редакций, политических клубов, корпораций и так далее, то есть не из тех, кто достиг численного превосходства при помощи коррупции, а из мыслящих граждан"²⁹. Он призывал перейти от "общественной арифме-

тики к общественной стереометрии", к представительству интересов, к возрождению традиционных принципов элитарности и корпоративности³⁰.

Ключевым элементом в системе социально-политических взглядов Жевусского, игравшим особую роль в поисках решений поставленных им задач сплочения нации, политического воспитания народа, корректировки демократии, было представление Жевусского об общине. В крестьянской общине Жевуский видел извечный, естественно сложившийся организм, противопоставляя его "искусственным общинам, фаланстерам и тому подобным утопиям"³¹. В своих рассуждениях об общине Жевуский ссылался на А.Гакстгаузена и А.Токвиля, цитируя именно то высказывание последнего, где подчеркивался нерационалистический, органический характер общинны³². Община была важна для Жевусского прежде всего как организм, а не административная единица. Говоря об общине, он употреблял понятие "громада", подчеркивая его близость русскому слову "мир" и объясняя, что сознательно избегает в данном случае слова "гмина", поскольку последнее "более отражает административную сторону"³³.

Жевуского привлекало как раз то обстоятельство, что жизнь общины не была формализована, что она основывалась по преимуществу на обычье, на принципе авторитета. Это было важно постольку, поскольку "обществу правовому" Жевуский противопоставлял "общество моральное", напоминая что "Спаситель дал идеи, но не десять заповедей"³⁴. Не законопослушание, а подчинение граждан "моральному гла-венству общества" считал Жевуский гарантией общественности благ³⁵. Именно в общине, полагал Жевуский, существуют условия, в которых "могут развиться свобода, любовь, братство, порядок", т.е. принципы, которые должны "лечь в основу национальной жизни"³⁶. Как видно, представление Жевусского о свободе противоречит ее либеральному пониманию. Не индивидуальная свобода, но традиционный коллектив; не рационализация общественных отношений, но органическое развитие; не право и парламентская демократия,

но авторитет и обычай - во всех этих антитезах, столь характерных для противостояния либеральной и консервативной мысли в конце XIX и большей части XIX в., Жевуский разделяет консервативную систему ценностей.

Общинную организацию Жевуский хотел сделать главным элементом всего общественного устройства, что хорошо согласовывалось с его приверженностью корпоративности, ограничению центральной власти: "Нация есть самоуправляющаяся федерация общин"³⁷.

Внимание к общине опиралось также на убеждение Жевусского, что центр тяжести экономической и общественной жизни Польши и в будущем неизменно должен был оставаться в деревне. "Франция в городе, Польша в деревне", - заявлял он, подчеркивая принципиальное отличие пути развития своей страны от урбанизирующейся в ходе капиталистического индустримального развития Западной Европы³⁸. Для пролетариата как стабильного и сколько-нибудь многочисленного слоя Жевуский не видел места в польском обществе. Рабочие должны быть лишены, по его мнению, голоса на выборах и, одновременно, освобождены от налогов, чтобы могли как можно скорее приобрести собственность, стать самостоятельными и независимыми, т.е. перестать быть пролетариями³⁹.

Судьба польской нации, даже судьба всего славянства зависела, по мнению Жевусского, от полноты реализации общинного принципа: "Общинный элемент ... сохранивший в славянстве живую силу ... обеспечит ему господство в будущем", "а среди славян лидерство будет принадлежать той ветви, которая глубже поймет идею общины"⁴⁰. "Гений нашей нации - в общинной власти", - утверждал Жевуский и отводил Польше миссию вождя славян в борьбе с Россией за "идею славянской свободы"⁴¹. (Для Жевусского в оценке России важнее оказалась не сохранившаяся там община, а самодержавное, деспотическое государство и его роль в разделах Речи Посполитой.)

С общиной, положенной Жевуским в основу будущей организации польской нации, должны были объединиться в рамках

общей административной единицы – помещичьи имения. В этом Жевуский видел путь к главным целям – классовому миру, единству нации. "Организуйте гмину, и будет нация", – часто повторяемый Жевуским постулат. У Жевусского не было уверенности в том, что эта задача поддается решению, особенно после событий 1846 и 1848 гг. "Надеюсь, что прежние паны захотят сблизиться с общинной жизнью ... что эти отношения (крестьян и помещиков. – А.М.) определяются недоверием, а не ненавистью", – в этих словах нашли выход не только надежды, но и сомнения Жевусского⁴². Однако он не видел другого пути, открывавшего шляхте возможность укрепить свои позиции, – шляхта должна была идти к крестьянам, в гмину. "Поле нашей битвы – гмина, оружие – справедливость и просвещение, цель – завоевание для польской идеи всех крестьянских сердец"⁴³.

Необходимым предварительным условием для проведения помещиками такой политики Жевуский считал возможно более полное отречение от всех внешних форм шляхетства, всего, что напоминало бы о прежнем времени сословного господства. Шляхте предстояло совершить своеобразный акт социальной мимикрии, перестать внешне быть шляхтой: "Не воздвигать старопольских алтарей ... не призывать святые тени старой шляхетской Польши ... Сегодня не должно быть другой мысли, как просвещение и подъем народа, совершенное объединение с ним"⁴⁴. В новых отношениях помещиков с крестьянами не должно было остаться духа старого патриархального главенства первых. "Мы знаем, – писал Жевуский, – что эти (патриархальные. – А.М.) отношения имели следствием потерю крестьянами национальных чувств и встали преградой на пути возрождения отчизны"⁴⁵. Жевуский призывал "не наязывать ничего, что могло бы показаться народу реакционным", и, например, решительно возражал против создания в Галиции Общества землевладельцев как организации чисто шляхетской, кастовой, "угнетающей, если будет сильной, невидимой, если окажется слабой"⁴⁶.

Жевуский понимал, что одних "маскировочных" мер недос-

таточно, что необходимы уступки крестьянам как в политической, так и в экономической области. Конечно, политические дивиденды главной реформы – отмены баршины – уже были присвоены австрийскими властями, но Жевуский считал необходимым проведение еще ряда преобразований. Наряду с допуском крестьян к выборам (здесь Жевуский готов был сделать определенные уступки в сравнении со своим первоначальным проектом избирательного закона), важным политическим актом могла стать предлагавшаяся им передача гмине полицейской власти на ее территории, что существенно расширило бы права гминного самоуправления. Кроме того, Жевуский надеялся, что полицейская власть общины сможет лучше справиться с задачей охраны помещичьей собственности, а как раз на почве споров о собственности, прежде всего о сервитутах, возникало множество конфликтов между крестьянами и помещиками. Жевуский призывал оставить крестьянам сервитуты и после отмены баршины⁴⁷. Он предвидел, что в противном случае борьба за сервитуты повсеместно станет причиной острых столкновений помещиков с крестьянами, как это и случилось в 50-60-х годах.

Ясно, что общая цель предложений Жевусского – предотвратить возникновение постоянных источников конфликтов помещиков и крестьян. Жевуский даже осторожно говорил о возможности перехода к крестьянам "части помещичьих полей"⁴⁸. Замечание это было, конечно, лишено какого-либо революционного содержания. Право помещиков на землю Жевуский сомнению не подвергал, напротив, ставил его под защиту "общественного авторитета": "Следует согласиться на социальное статус-кво, и от него как исходного пункта постепенно двигаться вперед. В этом случае следовало бы признать равное право всех владеть тем имуществом, накопление которого позволило общество"⁴⁹. Жевусского не смущало, что ссылался он на санкцию старого, шляхетского общества, о безвозвратном уходе которого в прошлое он часто говорил в своих статьях.

Собственность для Жевусского в принципе неприкосновен-

на: "Нельзя стремиться к уничтожению собственности отдельных людей, когда целью является всеобщее благо"⁵⁰. Покушающиеся на собственность не заслуживают другого имени как "анархисты и грабители"⁵¹.

Остается выяснить вопрос об отношении Жевусского к социализму, сторонником которого он себя объявлял. "Социализм" Жевусского не содержит ни идеи общественной собственности, ни политического радикализма. "Социалисты, - утверждал он, имея в виду, вероятно, себя, - признают идею (частной. - А.М.) собственности, отрицают революционные средства, не хотят насилием покорить человечество"⁵². Рассуждения о социализме как "стремлении ко всеобщему благополучию без различия классов" также оказывались у Жевусского весьма условными: "...страдания большинства - необходимое условие прогресса. Это закон, которого люди не могут изменить. Сделать эти страдания менее мучительными может только моральное совершенствование: воспитание любви у богатых, терпения - у бедных. Этому учит Евангелие, и на этом основан социализм"⁵³. Это определение социализма как "учения о применении Евангелия к земным нуждам" встречается у Жевусского неоднократно и отражает существоство его понимания социализма⁵⁴. Жевусский практически лишает понятие "социализм" какого-либо определенного содержания. Для него история социализма - "протокольная запись незрелых теорий, невозможных проектов, ошибочных утопий, основой которых служили, однако, инстинкт правды и жажда справедливости"⁵⁵, а главное достоинство социализма в том, что он не создал ничего нового - "никто не может сотворить истину, она стара как мир, выражением органических законов которого и является"⁵⁶. В позднейших произведениях Жевусского рассуждения о социализме уже практически отсутствуют, в то время как мистически окрашенные христианские мотивы занимают в них главное место. (В своей трактовке католицизма Жевуский также был достаточно оригинален для того, чтобы его сочинения оказались в списке запрещенных церковью.)

Социалистическая фразеология играла у Жевусского сугубо

служебную роль. Механизм такого заимствования на российском материале описан А.И.Володиным и Б.М.Шахматовым: «Для обоснования своих собственных, отнюдь не социалистических концепций из социалистических учений Запада полной пригоршней черпали представители ... иных направлений общественно-политической и социально-философской мысли, вроде, например, славянофильства. Критика социалистами Западной Европы пороков капиталистической цивилизации истолковывалась ими как весомый аргумент в пользу тезиса об особом, самобытном пути России, а этот "особый путь" на деле выступал как формула, прикрывающая консервативно-патриархальные утопии в духе феодального социализма»⁵⁷. Сходство взглядов Жевусского и российских славянофилов не подлежит сомнению, отметим лишь, что у Жевусского утопизм выражен значительно слабее.

Жевуский неоднократно подвергался резкой критике "слева", вскрывавшей ограниченность его преобразовательных проектов. В то же время для консерваторов безусловно охранительного толка Жевуский в свою очередь оказывался слишком "левым" и причислялся к "ниспровержателям основ". З.Красиньский писал летом 1848 г.: "Леон Ж. красиво выступает. Вот каналья! ... Всякий, кто намерен в своей никчемности производить над Польшей, словно над *tabula rasa*, эксперименты *in anima vili* ^{**}, кто хочет вырезать шляхту, совершенно оторвать прошлое от будущего ... тот, предка, бесславно погибнет"⁵⁸.

Однако в 40-е годы в польском консерватизме уже формировалось направление, сторонники которого признавали необходимость некоторых реформ как средства сохранения наиболее существенных для них социальных ценностей. В их среде идеи Жевусского находили положительный отклик. Не подлежит сомнению, что Жевуский оказал значительное влияние на своего кузена, будущего лидера "краковского кружка" консерваторов

* Чистая доска (лат.)

** На живом существе /предназначенном для опытов/ (лат.)

ра А.Потоцкого. Жевускому принадлежала ведущая роль при составлении ими в марте-апреле 1848 г. воззваний в поддержку отмены барщины и созыва Национального собрания. "Позиция Потоцкого в вопросе об общине почти в точности такова, на какой Вы стоите в своем очерке", - писал Жевускому Смажевский⁵⁹. В значительной мере плодом влияния Жевуского была программная статья Потоцкого, опубликованная 15 ноября 1848 г. в только что созданной в Кракове консервативной газете "Час", где говорилось о невозможности возврата к прошлому, о необходимости эволюционных изменений, которых нельзя добиться без тесной связи с народом.

А.З.Хельцель, "серый кардинал" галицийских консерваторов, старался привлечь Жевуского к сотрудничеству, включив его в число представителей от Галиции, приглашенных для участия в съезде польских политиков во Вроцлаве в 1848 г. Сам Жевуский в декабре 1848 г. завязал переписку со Смажевским, который был в то время депутатом австрийского парламента, где тесно сотрудничал с Хельцелем и основателем "Часа" П.Попелем. Предметом обсуждения в этой интенсивной переписке были задачи польской консервативной политики.

Последующее поколение польских консерваторов-реформистов видело в Жевуском одного из своих предшественников и вдохновителей. Публикуя переписку Жевуского со Смажевским Л.Дембецкий писал: "В этих письмах содержится как бы зародыш программы сторонников единой гмины и противников атомистического либерализма, строящего все власть государства и готовящего социалистический потоп"⁶⁰. Действительно, идея объединения крестьянской общины и помещичьего имения в рамках общей административной единицы, ставшая в 60-70-е годы одним из ключевых пунктов программы западногалицийских консерваторов, едва ли не впервые была высказана Жевуским в конце 40-х годов. Он же одним из первых поставил вопросы о модификации демократических идей в соответствии с консервативными принципами, о фор-

мировании новой, несословной общественной элиты, о конструктивной роли шляхты в деле формирования национального самосознания народных масс, о внедрении в массы традиционных идейных ценностей. Несколько выходя за рамки темы, отметим, что Жевуский предвосхитил политику западногалицийских консерваторов и в ключевом для Галиции национальном (украинском) вопросе, выступая за предоставление украинцам широких возможностей для национально-культурного развития.

С.Тарновский, лидер "станьчиков" – наиболее развитой в идейном отношении группы польских консерваторов, в обширном некрологе Жевусского (1869 г.) писал о нем как об "одном из наиболее выдающихся, наиболее одаренных людей своего времени в Польше"⁶¹. Тарновский верно понимал, что стояло за "социализмом" Жевусского: «"Мы социалисты" повторяется очень часто в его работах, и этим словом он отличает себя от тех консерваторов, которые хотели бы все сохранить как есть, и от радикалов, исповедующих революцию как цель и принцип»⁶².

Леон Жевуский – один из самых ярких идеологов, стоявших у истоков реформистского консерватизма в Польше. Многие проблемы он ставил остree других консервативных мыслителей своего времени, а в поисках их решения иногда выходил за рамки консервативной системы ценностей. Но в целом его взгляды могут быть верно интерпретированы и оценены именно в русле консервативной традиции польской общественной мысли как наиболее открытый, творческий вариант консервативной реакции на социальные и политические потрясения 40-х годов XIX в. Жевуский интересен как пример эластичности формированшейся тогда в Польше концепции реформистского консерватизма, использовавшей в своих нуждах не только модифицированные понятия либерального идейного багажа, но и социалистическую фразеологию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Galicja od pierwszego rozbioru do Wiosny ludów. 1772-1849. Wybór tekstów zródłowych. Opracował M.Tyrowicz. Kraków, Wrocław. 1956. S.261

2. Как утопического социалиста Жевусского характеризует Э.Хекер (Haeker E. Historia socjalizmu w Galicji i na Śląsku Cieszyńskim. T.1. Kraków, 1933. S.89) и С.Кеневич (Kieniewicz S. Do charakterystyki Leona Rzewuskiego (1841-1848)// Roczniki Historyczne. Warszawa. R.XVII. Z.2; Kieniewicz S. Sprawa włósciańska w Galicji w 1848 roku// Przegląd Historyczny. Warszawa. T.XXXVIII, 1948).

Как о консерваторе говорит о нем Б.Скарпа в книге: Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy. Wrocław, Warszawa, Kraków. 1971, S.340-341.

3. Rzewuski L. O dążnościach reorganizacyjnych w społeczeństwie. Kraków, 1849.

4. Rzewuski L. Étude sur l'organization de la société politique. Paris, 1849.

5. Письма А.Потоцкому опубликовал С.Кеневич (Kieniewicz S. Do charakterystyki...), письма С.Смажевскому - И.Дембницкий (Debicki L. Portrety i sylwetki z dziewiętnastego stulecia. Ser.II. T.II. Krakow, 1907).

6. Rzewuski L. Opinions et croyances. Paris, 1869.

7. Kieniewicz S. Do charakterystyki... S.420-421;

Воззвание от 28 марта 1848 г. (Коллекция воззываний Жевусского и его брошюры хранятся в Отделе редкой книги Библиотеки Украинской АН во Львове. Жевуский не снабжал своих воззываний названием или заголовком, однако аккуратно их датировал. Поэтому здесь и далее в тексте ссылки на воззвания даются с указанием проставленной на них автором даты.)

8. Воззвание от 10 апреля 1848 г.

9. Там же.

10. Kieniewicz S. Do charakterystyki... S.422-423.

II. Воззвание от I мая 1848 г.

12. Kieniewicz S. Do charakterystyki... S.422.

13. Воззвание от 10 апреля 1848 г.

14. Воззвание от 20 апреля 1848 г.

15. Postęp. Lwów. N 18. 27.V.1848.

16. List do p.L [udwika] S [krzynskiego] o socjalizmie.

(Без места и даты).

17. Postęp. 27.V.1848. N 18.

18. Postęp. 27.V. N.18; 8.VIII.1848. N 46.

19. Postęp. 27.V.1848. N 18.

20. Postęp. 3.VIII.1848. N 44.

21. Debicki L. Op.cit. S.147.

22. Ibid. S.137. 143.

23. Ibid. S.137.

24. Ibid; Postęp. 30.V.1848. N 19.

25. Postęp. 20.V.1848. N 15.

26. Postęp. 6.VI.1848. N 21.

27. Воззвание от 30 марта 1848

28. Там же.

29. Dębicki L. Op.cit. S.143.
 30. Ibid. S.144.
 31. Ibid. S.151.
 32. Postęp. 30.V.1848. N 19.
 33. Ibidem.
 34. Dębicki L. Op.cit. S.151.
 35. Postęp. 6.VI.1848. N. 21.
 36. Postęp. 30.V.1848. N 19.
 37. Dębicki L. Op.cit. S.146.
 38. Postęp. 30.V.1848. N 19.
 39. Tarnowski S. Leon Rzewuski. Wspomnienie o pis-
 mach// Przegląd Polski. Z.XI. Maj 1870. S.220.
 40. Postęp. 30.V.1848. N 19; Dębicki L. Op.cit. S.151.
 41. Dębicki L. Op.cit. S.136; Postęp. 22.VIII.1848,N51.
 42. Postęp. 1.VIII.1848. N43.
 43. Postęp. 5.VIII.1848. N 45.
 44. Postęp. 27.V.1848. N 18.
 45. Postęp. 13.VII.1848. N 35.
 46. Postęp. 27.VII. N 18; 13.VII.1848. N 35.
 47. Воззвание от 10 апреля 1848 г.
 48. Postep. 13.VII.1848. N 35.
 49. Postep. 6.VI.1848. N 21.
 50. Rzewuski L. O dąznościach... S.9
 51. Postep. 3.VIII.1848.,N 44.
 52. Rzewuski L. O dąznościach... S.7.
 53. Postep. 6.VII.1848. N 32; Dodatek nadzwyczajny.
 54. Ibidem.
 55. Rzewuski L. O dąznościach... S.5.
 56. Ibid. S.4-5.
 57. Водолин А.И., Шахматов Б.М. Социалистическая
 мысль в России. Хрестоматия. М., 1985. С.Г7. Глубокий
 анализ элементов сходства консервативной и социалисти-
 ческой мысли в первой половине XIX в. см.: Mannheim K.
 Conservative Thought//Mannheim K. Essays on Sociology
 and Social Psychology. London, 1953.
 58. ЦИТ.ПО: Kieniewicz S. Historycy, socjologowie i
 Leon Rzewuski//Tygodnik Powszechny.Kraków.6.XII.1985.N49.
 59. Dębicki L. Op.cit. S.138.
 60. Ibid.
 61. Tarnowski S. Op.cit. S.237.
 62. Ibid. S.209.

И.В.ПАВЛОВСКИЙ

МОНАРХИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ КАК ЕДИНСТВЕННАЯ ФОРМА
ГОСУДАРСТВА БУДУЩЕГО
(концепция Лоренца фон Штайна)

Среди философов XIX столетия, наверное, не было человека с более своеобразной научной судьбой, чем Лоренц фон Штайн. Его оценили еще при жизни, но весьма оригинально: современники признавали его заслуги, талант и даже всемирную значимость его трудов, но его идеи не разделяли. Можно встретить много высказываний об этих идеях, подобных именно А.Л.Блока, отца знаменитого русского поэта, который говорил: "...отвергая политические идеи Штайна, я вовсе не сомневаюсь в том, что этот замечательный ученый до сих пор остается одним из самых полезных руководителей на скользком пути государственных знаний"¹. Это парадоксальное отношение к Штайну встречается почти у всех исследователей, давших себе труд познакомиться с его работами.

Большинство ученых отрицало также и самостоятельность идей Штайна; считали, что они восходят то к Г.Ф.Гегелю или А. де Сен-Симону, то к Н.Макиавелли или А.Смиту, а то и к Ф.Гаррисону, К.Х.Ф.Краузе, Г.Вагнеру, Х.Аренсу. Даже самые большие его поклонники, как Т.Масарик, не признавали законченность учения Штайна. Сам же он к своим учителям причислял Г.В.Лейбница, Ф.А.Вольфа, К.Х.Ф.Краузе, французских утопистов. Есть основания видеть в числе философов, оказавших на него большое влияние и И.Канта.

Однако при всем этом кажущемся многообразии учителей и вдохновителей учение Штайна является совершенно самостоятельным и абсолютно законченным, не допускающим компромиссов с иными философскими концепциями. Русский ученый И.Т.Тарасов, посланный в семидесятых годах XIX в. в Вену для изучения философии Лоренца фон Штайна, писал о нем, что слушать его лекции можно, "только приняв целиком всю его систему взглядов"². Немецкий философ и экономист Г.Шмолер называл Штайна "отцом социальной полити-

ки"³, а известный энциклопедический словарь ФРГ Гросс Брокгауз в 1957 г. оценивал его как предтечу современной буржуазной демократии.

Идеи Штайна оказали большое влияние на таких политических деятелей консервативного толка, как О.Бисмарк, Р.Моль, Н.Х.Бунге и др. Они отразились на формировании взглядов видных представителей социалистической мысли России и Германии (М.А.Бакунина, А.Бебеля и др.)⁴. Штайн способствовал распространению в Европе слов "социализм", "коммунизм" и, против своей воли, социалистических идей, был предшественником К.Лампрехта, одним из первых сделав попытку написать историю не королей, а народов на фоне конкретного экономического уклада их жизни.

Уже сто лет ведется дискуссия о мере заимствования К.Марксом идей Лоренца фон Штайна. Маркс еще при жизни вынужден был откращиваться от сходства своих и его взглядов. Штайн стал первой жертвой цензуры Комитета министров в России, но он же был награжден одним из высших орденов России, чего из иностранцев удостаивались, как правило, лишь лица, занимавшие определенное государственное положение. Штайн получил титул дворянина от правительства Австро-Венгрии за свой труд "Учение об управлении", что являлось признанием его огромных научных заслуг, и тем не менее преподавал за гроши в грязном и неуютном Венском университете⁵. Концепции ученого, за которые он награждался и страдал, которые прославили его и за которые в Советском Союзе и ГДР его пытались вычеркнуть из всех энциклопедий и вообще из исторической науки, эти концепции так и не нашли среди ученых или государственных деятелей ни одного последователя, полностью их разделившего. Были гегельянцы, кантианцы, шеллингианцы, марксисты, вольтерианцы, сен-симонисты и даже лассальянцы, но не было штайновцев. Идеи Штайна не укладываются ни в одно из современных философских направлений.

Штайн не либерал хотя бы потому, что считает высшим и единственным возможным воплощением личности государство.

Он не реакционер уже потому, что требовал проведения активной социальной политики государства для удовлетворения стремления низших классов и слоев общества к свободе. Он не марксист и вообще не социалист, так как являлся большим поклонником частной собственности. Штайн полагал, что история человечества только начинается с появления собственности, а современный ему капиталистический уклад он считал взрывоопасным именно в связи с тем, что собственность на 9/10 сосредоточилась в руках маленькой группы людей. Кроме того, Штайн утверждал, что власть пролетариата может быть исключительно или диктатурой или хаосом. Но он не был также и сторонником борющихся с этой опасностью официальных кругов Пруссии и других германских государств. Так, в отношении прусской конституции 1850 г. Штайн высказывался критически, считая ее существующей лишь на "бумаге". Он упрекал ее авторов в нежелании создать демократический, отвечающий чаяниям масс основной закон. В каждой своей работе учений так или иначе возвращался к одной генеральной идеи – либо государства в Европе станут на путь социальных реформ, либо начнется полоса социальных потрясений.

Цель данной статьи попытаться дать объяснение тому феномену, что в эпоху всеобщих республиканских и конституционных устремлений, которые он приветствовал, Штайн явился теоретиком именно монархии. На первый взгляд здесь нет ничего парадоксального. Кант высмеивал конституционно-республиканские иллюзии своих современников. Гегель также был большим поклонником прусской монархии, в то же время уважая стремление как к абсолютной Истине, так и к свободе вообще. Однако мало кто из философов этого периода обращал свой пристальный взгляд на форму государства будущего, предрекая несчастья всем тем, кто не просто откажется от монархии, но и не сможет сделать монархию "королевством социальных реформ".

Лоренц фон Штайн родился 15 ноября 1815 г. в городке Барби под Эккендорфом. Отец его был дворянином, не сумев-

шим передать титул по наследству сыну, а мать происходила из буржуазной среды. Родители не оставили сыну никакого наследства, и молодому Лоренцу едва хватило средств на то, чтобы получить образование, обеспечившее впоследствии ему скромный доход.

Окончив начальную военную школу и гимназию во Флойсбурге, Штайн затем учился в университетах Киля и Иены; юриспруденция и философия уже тогда были его любимыми предметами. После получения диплома, он два года работает в Копенгагене в канцелярии по делам Шлезвига и Гольштейна, принадлежавших тогда Дании. Позже он переезжает в Берлин, где слушая лекции Гегеля, находившегося в апогее своей славы, пишет и защищает докторскую диссертацию в 1840 г. Затем следует командировка в Париж от министерства внутренних дел Пруссии с целью ознакомления с современными революционными идеями и оценки перспективы их распространения в широких массах европейских стран. Результатом этой поездки, помимо донесений в МВД Пруссии, явилась книга Штайна "Социализм и коммунизм сегодняшней Франции", вышедшая в свет в 1842 г. и принесшая автору всемирную известность. Еще более известным и уважаемым его имя стало в 1848 г., когда предсказанная им в книге социальная революция распространилась по всей Европе. В этот период Штайн выступал как сторонник объяснения исторических процессов развитием отношений собственности, в результате чего его долгое время относили к экономическим детерминистам.

В 1846 г. Штайн получает место экстраординарного профессора в Киле, однако уже в 1848 г. лишается его в связи с тем, что примыкает к сепаратистскому движению, которое возникло в Шлезвиге и Гольштейне. Сначала он представляет правительство мятежных герцогств в Париже, затем возвращается в Киль и становится депутатом ландтага. После восстановления в Шлезвиге и Гольштейне власти Дании в 1850 г. кафедру у Штайна отобрали, а самого его выслали за пределы государства. Но вскоре материальное положение Штайна улучшилось благодаря выходу в свет его труда "История со-

циального движения во Франции с 1789 г." В дальнейшем книги Штайна начинают выходить с регулярностью одна-две в год и приносят ему некоторый доход. С 1856 г., по 1898 он занимает место профессора в Венском университете. Там же через два года после выхода на заслуженный отдых он и умирает.

Научное наследие Лоренца фон Штайна составляет более 70 больших (по несколько толстых томов) и средних по объему трудов. Главное содержание этих работ — история государства, общества, собственности и развитие права. Это также попытка создать науку о системе государственного управления. Человеческую историю Штайн воспринимал как вечное противостояние личного и безличного начал, которое наиболее ярко отражается в борьбе между государством, являющимся личным началом, и социумом, представляющим безличное начало. Государство, считает Штайн, это объединение всех в единое целое для общих целей и как таковое есть высшее воплощение человеческой личности, слишком малосильной, чтобы в одиночку реализовать свои жизненные потребности. Общество же является безличным началом, разлагающим общее единство во имя утверждения частных интересов групп, классов, слоев населения и просто семей и дальних людей. По мнению Штайна, государство и общество не могут существовать одно без другого: любое объединение людей несет в себе сразу два начала — разъединяющее (т.е. частные интересы) и объединяющее (т.е. общие интересы). Если побеждают частные интересы, то общество людей гибнет. Если государство подавляет частные интересы или игнорирует потребности и движения в обществе, то лишает себя силы, разоряет своих граждан, чье богатство — источник его могущества, и подрывает жизнь сообщества, лишая его единственной возможности творческого существования — имущественного неравенства. Задачу государства во все века человеческой истории Штайн видел в стремлении поднять низшие классы до уровня имущих, а не уничтожать имущие. При этом он допускал возможность насилия государства по отношению

к высшим классам во имя сохранения социальной стабильности.

В историографии часто встречается упрек Штайну, что вся его философия эклектична и не представляет собой единой законченной теории, что система его взглядов и политических рецептов "спекулятивна" и "не реалистична"⁶; ему ставили в вину и то, что описывая исторический процесс, он рисует борьбу не между государством и обществом, а между государством реальным и государством идеальным⁷. Согласиться с этим трудно, особенно учитывая то обстоятельство, что несмотря на некоторые странности философских выкладок Штайн, именно он, а не его оппоненты, оказался прав в своих прогнозах на будущее.

Для того чтобы лучше понять, что Штайн имеет в виду под термином "государство-личность", посмотрим на то, как он понимает саму личность. Ученый не без основания сомневается в том, что было первично – сообщество или личность. Важно то позитивное утверждение, что одно без другого не существует. По мнению Штайна, сообщество людей "является абсолютным условием для высшего принципа жизни личности – ее полного и свободного развития"⁸. С этим мало кто не согласится. Трудно даже спорить с тем его утверждением, что сообщество является в какой-то степени "высшей сущностью каждого отдельного человека"⁹. Дело не только в том, что мы даже самому малому и самому независимому своему поступку ищем всегда оправдание хотя бы у части сообщества, но еще и в том, что без сообщества мы чисто физически не способны реализовать свои высокие или даже малые потребности (которые, кстати, и формируются под воздействием сообщества). Вот тут и формулируется первая идея Лоренца фон Штайн: "Человек, – пишет он, – всего лишь естественное выражение своего существования... предпосылка действительной жизни личности"¹⁰. Так Штайн считает потому, что человек никогда не имеет возможности самостоятельно реализовать свою волю вследствие физической и экономической слабости, противодействия природы и т.п. А главными признаками личности Штайн называет возможность определить свою волю и

реализовать ее^{II}. Таким образом, по мысли Штайна, все факторы, способствующие единству сообщества для воплощения в жизнь воли ее отдельных членов, являются личным началом, так как способствуют реализации действительной личности, а все факторы, разрушающие это единство и вместе с ним надежду на воплощение в жизнь потребностей личности, являются безличным началом, враждебным идею личности. Расставленные таким образом акценты, вероятно, не что иное как протест думающего человека против революционной вакханалии индивидуалистических эмоций в современной автору интеллектуальной среде.

Таким образом, если человек является лишь "естественной предпосылкой идеи личности", то личность - это то, что может реализовать потребности и волю. Это сообщество людей, но не все сообщество, так как в целом оно всегда имеет также и свойство, разлагающее единство и личное начало, а именно неравенство. Та же часть в сообществе людей, что всегда их пытается объединить, - это государство.

В связи с этим несколько слов об отношении Штайна к неравенству. Неравенство, вызванное к жизни различным положением на ступенях иерархической лестницы, он практически никогда не обсуждает, так как не относит этот вид неравенства к тем, что разлагают сообщество людей на враждующие группировки. Разлагающим Штайн считает только экономическое неравенство. Однако это абсолютно не значит, что он относится к нему негативно. Во-первых, он уверен в том, что такого рода явление будет сопровождать человеческий род и в будущем, а во-вторых, что экономическое неравенство является "условием для успешного развития экономики"¹². Негативно Штайн воспринимает лишь бесконтрольное со стороны государственной власти стремление частных интересов личности, группы, класса к реализации своих целей в ущерб жизнеспособности остальных людей, групп, классов. Неравенство, как справедливо считает он, всегда порождает ненависть неимущих к имущим и разрушает в конечном итоге единое сообщество. Получается как бы замкнутый круг проблем:

с одной стороны, без имущественного неравенства невозмож но создать ни экономику, ни цивилизацию, а с другой – неравенство и само является причиной рождения явлений, которые губят цивилизацию. Выход из этого замкнутого круга Штайн видит в признании за государством права формулировать и реализовать жизненные потребности всего сообщества людей независимо от их классовой принадлежности, т.е. в том, чтобы заменить диктатуру чьих-либо частных интересов на господство закона и приоритет всеобщих интересов, определяемых стоящим над всем сообществом государем. Однако он прекрасно понимает, что в реальной жизни какой-либо класс или группировка всегда имеют большее влияние на власть в государстве. Это он относит к законам функционирования общества (сообщества неравных). "Закон общества, – пишет он, – состоит в том, что каждое сообщество, в котором государственная власть принадлежит обществу, будет господством высших и несвободой низших; оба эти класса образуют в своем позитивном публичном и гражданском праве формально неприкосновенный порядок вещей, являющийся несвободой личности, труда, экономического и духовного капитала"¹³.

Чтобы понять государство, считает Штайн, "необходимо понять внутреннюю структуру общества, т.е. вне его связи с государством. А чтобы понять жизнь государства, сначала нужно понять причину – строй общества в его движении собственности"¹⁴. Иными словами, Штайн прекрасно видит классовую сущность характера любого государства. Он не просто не боится, что это помешает государству проводить свою надклассовую политику, он уверен: любая государственная власть всегда будет пытаться встать выше своей классовой односторонности.

С Марксом и иными материалистами Штайн расходится в данном вопросе в том, что первоосновой, в конечном счете предопределяющей характер общества и государства считает не производительные силы в их историческом срезе, не уровень материального производства, а строй, характер разви-

тия собственности. Такое понимание отличает его от современных, а также от предшествовавших ему философов-идеалистов, искающих объяснение характера конкретных государств в форме реализации "абсолютной идеи". Как и все мыслители своей эпохи, Штайн признавал роль внешних факторов – географических, климатических и иных¹⁵, но считал, что именно вид отношений собственности является тем звеном, исследовав которое, можно определить характер общества и государства. Вид и форма собственности определяют структуру и характер общества, его классов, его основного антагонизма. Конкретный вид общества вызывает к жизни конкретный характер государства, государственный структуры, власти, конституции и т.д. Таким образом, рассуждение Штайна можно схематично представить в следующем виде: конкретный вид собственности порождает конкретный вид интереса, потребности, который может преобразоваться в цель только в результате саморефлексии общества, т.е. попытки приподняться над самим собой; предпринять же попытку реализовать сформулированную цель лицо, группа, класс могут только с помощью отчужденного от какой бы то ни было группы лиц государственной власти, каковая будучи по характеру изначально отчужденной от общества, всегда по своей природе будет стремиться к тому, чтобы сблюдать общий, генеральный интерес всего общества. "Абсолютно все равно, – писал Штайн в 1850 г., – существование ли сообщества возникает из отдельных лиц или бытие отдельных лиц из сообщества. Мы остаемся при факте, что последнее имеет самостоятельное бытие"¹⁶. Для него не важно, что является причиной возникновения государственной власти. Появившись, она имеет самостоятельное бытие, и главная задача этого бытия – формировать, формулировать и осуществлять частные интересы, сопрягая их друг с другом. При этом и проявляется, считает Штайн, функция государства возвышать сообщество до личностного единства.

В своем отношении к государству Штайн проделал некоторую эволюцию. Так в 1842 г. он писал: "Идея государства

не личность, но единственно высота этой личности. Только в этом объединении отдельных личностей каждая из них может обрести полное совершенство. Свобода – право личности в государстве, а равенство – право (личности. – И.П.) в обществе"¹⁷. В 1850 г. Штайн писал уже несколько иначе: "Если сообщество самостоятельно, то оно не зависит от бытия отдельных лиц, и если оно носит личный характер... то должно обладать самостоятельной волей, благодаря которой оно проявляет себя как самостоятельное единство, осуществляя свое самоопределение и совершает действие. И наоборот, если мы находим в сообществе независящую от нас самостоятельную волю и самостоятельное действие, то мы не можем отрицать в нем личного бытия, аналогичного нашей индивидуальной жизни. При наличии такой самостоятельной воли теперь это сообщество является государством. Определение его может быть достаточным, если сказать, что государство есть выступающее как воля и действие личности сообщество людей. В этом понятии, так сформулированном, очевидно что-то отсутствует. Почему бы нам лучше не сказать просто: государство есть сообщество, выступающее как личность, самостоятельная всеобщая личность вообще?"¹⁸.

Среди философов одну из самых первых четко сформулированных попыток уподобить государство человеческой личности сделал материалист Т.Гоббс, который отождествил государство с библейским Левиафаном. В Германии аналогичные мысли развивали Ф.В.Шеллинг и его ученики Х.Аренс, Г.Вагнер, К.Х.Ф.Краузэ. Высказывания на этот счет в обтекаемой форме можно встретить и у Г.В.Ф.Гегеля, и у Л.Ранке. Здесь Штайн не был пионером. Новаторство его в данном случае заключается в том, что он не просто отождествил государство с неопределенной личностью, указал на сходство функций, прибег к аллегории для лучшей иллюстрации своих взглядов. Нет, Штайн считает именно государство личностью, обладающей своей душой, волей, разумом и т.д., причем личностью более высокого, истинного характера, чем личность отдельного индивида. Такое отношение к государству было

новым и воспринималось как расширенная аллегория, хотя Штайн, судя по всему, говорил это совершенно серьезно.

Естественно, для такой личности, как ее видел Штайн, требовались и личное воплощение идеи, личный ее носитель. Таким носителем идеи государства-личности Штайн считал монархию с монархом во главе¹⁹. Это не значит, что он выступал против самоуправления, парламентов и всевозможных средств народного представительства, участия всех слоев населения в законодательной власти. Наоборот, он был не просто поклонником всех этих институтов, но и считал, что без них сама идея государства-личности не имеет никакого смысла. По мысли Штайна, государство в лице монарха ведет вечную борьбу против подавления одного класса другим, при этом государь иногда опирается только на низшие классы, а порой и противостоит всему враждебно настроенному обществу²⁰. Одним из самых удачных примеров реализации государем своих функций Штайн считал деятельность Солона, выигравшего борьбу у древнегреческой родовой аристократии, отменив долговое рабство своих сограждан и поземельную задолженность²¹. "Сущность государства, — писал Штайн, — состоит в том, что высший уровень развития каждого есть высший уровень развития целого... Высшее развитие индивидуума есть, следовательно, истинная задача государства"²². Для этой цели государство должно "поднимать" граждан до участия в выработке своей воли — законодательства и ее реализации²³. Следовательно, подчеркивал Штайн, государственная идея всегда требует "представительства"²⁴.

Прочную государственную власть Штайн противопоставляет форме "народного суверенитета" следующим образом: "...действительный государственный порядок, — пишет он, — всегда стремится к связыванию государственной власти с интересами господствующих классов... Одновременно природа государственной идеи требует не пренебрегать ничьими интересами. Государство, которое этого не может, теряет свою самостоятельность и суть"²⁵. Тогда, считает Штайн,

и возникает идея народного суверенитета, которая есть не что иное, как суверенитет общества (т.е. классов, слоев, групп), лишенного государства, иными словами диктатура²⁶. Сущность народного суверенитета состоит в слабости государственной власти и полном отсутствии свободы²⁷. Гарантом же последней, согласно Штайну, выступает сильная государственная власть во главе с монархом.

Для того чтобы лучше составить представление о штайновской идее жизнеспособного государственного строя, нужно остановиться на его понятии конституции. Штайн употребляет слово "конституция" в двух значениях – в общепринятом, имея в виду написанный и принятый основной закон государства, а также в значении, обозначающем личную индивидуальность государства. Это создает некоторую сложность, но, впрочем, небольшую: Штайн всегда рассматривает конституцию-документ как отражение реальной, довольно высокой стадии развития правового сознания общества.

На индивидуальность государства, согласно Штайну, влияют факторы двух порядков. К первому, определяющему, относится общественный строй²⁸. Он задает самый главный параметр государства – основной антагонизм общества, ставший государственным правом. Штайн пишет о родовом общественном строе, сословном (напоминающем феодальный у Маркса) и о так называемом *staatsburgerliche Ordnung* – то дословно можно перевести, как "государственно-гражданский строй", а чаще переводится как "правовой"²⁹. Этот последний общественный строй почти соответствует марксовому буржуазному.

В качестве второго порядка факторов, обуславливающих характер конституции, Штайн называет географическую среду, этнические и экономические традиции и связи, историю классовой борьбы в стране и "исторически обусловленные состояния новых и доставшихся в наследство жизненных и правовых воззрений". Только воздействие факторов первого и второго порядка, по его мнению, дает возможность оформиться индивидуальной конституции того или иного государства. Ориентируясь на внешние признаки, Штайн, не выходя за рамки

классификации Аристотеля, говорит о государствах монархическом, деспотическом, аристократическом, демократическом, олигархическом, теократическом и др. Они все едины в том, что являются государствами, но различаются по правовому порядку. Что касается конституции, то по Штайну, это тот самый организм государства, который определяет его законодательство и является его самостоятельной силой³⁰. Иными словами, конституция есть некий внутренний дух государства, имеющий самостоятельное бытие и внешне выражаящийся в форме правления, а конституционная жизнь государства представляет собой органическое взаимодействие главы государства, законодательной и исполнительной властей³¹. Таким образом, нет государства без конституций, а из конституций наиболее хороша та, которая в наибольшей степени "гармонирует" со своим общественным строем³². Если конституция отражает уже ушедшие в прошлое общественные отношения, то может произойти политический или социальный катаклизм. В статье "Социализм в Германии" Штайн определяет политическую революцию как "восстание зависимого (но уже... - И.П.) имущего класса против конституции государства"³³.

Законы взаимодействия общественного строя и государства Штайну представляются следующим образом: "...каждому государству соответствует свой общественный строй, а каждому общественному строю - свое государство. Государство и общественный строй так неразделимо связаны между собой, как государство с определенной территорией, как экономическая жизнь и государство. Таким образом, они сильно воздействуют друг на друга. Законы этих взаимодействий... 1. Каждый определенный общественный строй (представленный народом) стремится образовать свое государство. Это закон государства, созданного народом, и народа, созданного государством. 2. В каждом государстве господствующие интересы общества стремятся подчинить управление и власть. Это справедливо для всех государств... Этот закон, принимая во внимание, что определенная форма

государства обозначается его конституцией, мы называем законом сбразования конституции государства. З. Каждое государство стремится сломать господство интересов (отдельных классов, слоев, групп. - И.Д.) и способствовать остальным интересам. Так как это касается управления, назовем это законом образования управления"³⁴.

Почему же Штайн полагает, что именно при монархии государство будет наилучшим образом выполнять эти обозначенные функции? Во-первых, чисто физически монарх легче отождествляется народом с идеей государства. Во-вторых, ему легче, чем коллективному органу власти принимать решения и реализовывать конкретные государственные волевые акты. В-третьих, монарх не зависит от конъюнктуры выборов - власть гарантирована ему от рождения³⁵. Важно и то, что монархию Штайн видит только "конституционной", т.е. такой, где законодательство вырабатывается представителями всех слоев и классов, парламентом, представительством и где монарх так же обязан подчиняться законодательству, как и все остальные.

Следует также сказать несколько слов об отношении Штайна к конституции-документу. Такая конституция, по его мнению, возможна только на высоком уровне правового развития. Она требует истинно народного представительства, т.е. не только всеобщей выборности, но и подотчетного правительства³⁶. И часто бывают случаи, когда положения конституции остаются на бумаге. Так, Штайн, оценивая прусскую конституцию 1850 г., писал в посвященной ей статье: "Мы не называем истинной конституцией такую, при которой народное представительство имеет лишь совещательный голос, потому что не может подчинить себе управление в лице министров..."³⁷. Монарх, утверждал он, в данном случае уже не государь, а диктатор, способствующий власти одной из группировок общества. По мнению Штайна, государство должно обладать историческими, экономическими и общественными основаниями для введения конституции, а у Пруссии нет ни одной из вышеперечисленных предпосылок.

Пруссия не имеет исторических корней народного представительства, у нее нет единой территории, что лишает ее экономического обоснования. Конечно, Пруссия в состоянии допустить у себя народное представительство, но это может быть лишь представительство ее общественного строя, сословное, классовое, такое угодно, но не всенародное, потому что у Пруссии нет социальных основ для введения конституции. И все же конституция существует, в чем же дело? Штайн отвечает на этот вопрос так: в Пруссии есть огромный слой интеллигентов, желающих конституции, кроме того, в конституции нуждаются те, кто от имени Пруссии торгует со всей Германией. Вообще, говорит он, прусскую конституцию следует рассматривать как серьезную подготовительную работу по созданию всенемецкого народного представительства³⁸.

Управление, согласно Штайну, это конституция в действии. И здесь важно отметить еще раз то обстоятельство, что учитывать всеобщие интересы, по его мнению, может только монарх, т.к. республики как власть общества всегда являются ширмой государства чьих-либо интересов. Но чтобы не возникало социальных потрясений и революций, Штайн считает необходимым для монархий стать "королевством социальных реформ". При этом он указывает на то, что перед каждой из монархий стоит альтернатива "стать пустой тенью или превратиться в республику, если она не найдет в себе мужества стать королевством социальных реформ"³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Блок А.Л. Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренца фон Штайна и на французские политические порядки. СПб., 1880. С.1.

2. Тарасов И.Т. Два года на Западе с ученою целью. Киев, 1879. С.3.

3. См.: Monch H. Gedanke der Arbeiterbewegung bei Lorenz von Stein // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft in deutschen Reichen. Jg. 51. 1937. S. 404. Bebel A. Die Notwendigkeit der Gründung einer allgemeinen Parteibibliothek // "Vorwärts". Leipzig, 20. II. 1871.

5. Тарасов И. Т. Указ.соч. С. 5-8.

6. Inama-Sterneg K.T.von. Staatswissenschaftliche Abhandlungen. Leipzig, 1903. S. 46-57; Gumplovitsch L. Rechtsstaat und Sozialismus. Innsbruck, 1881. S. 158-168; Angermann E. Zwei Typen des ausgleiches gesellschaftlicher Interessen durch die Staatsgewalt//Staat und Gesellschaft im deutschen Vormärz. 1815-1848. Stuttgart, 1952. S.204; Чижевский Б.Н. История политических учений. Ч.5.М. 1902. С.55.
7. Sun-ok-Kuk. Das Wesen der Sozialtheorie bei Lorenz von Stein. Kieln, 1970. S. 32.
8. Stein L.von. Verwaltungslehre. Die Lehre von der vollziehenden Gewalt. Stuttgart, 1865. S. 4.
9. Ibid.
10. Stein L.von. System der Staatswissenschaft. Bd.1. Stuttgart-Tübingen. 1852. S.19.
11. Stein L.von. Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Leipzig, 1875. S.2.
12. Stein L.von. Lehrbuch der Volkswirtschaft. S.137; Idem. System der Staatswissenschaft. Bd.1.S.424.
13. "Gegenwart". 1848.S.143.
14. Stein L.von. System der Staatswissenschaft. Bd.2.S.34.
15. Stein L.von. Die Geschichte des dänischen Civillprozesses und das heutige Verfahren. Kiel, 1841.S. XXVI-XXVII.
16. Stein L.von. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd.1.Leipzig, 1850S.14.
17. Stein L.von. Der Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig, 1842.
18. Stein L.von. Geschichte der sozialen Bewegung...S.15.
19. Stein L.von. Gegenwart und Zukunft des Rechts-und Staatswissenschaft. Stuttgart, 1876.S.144.
20. Stein L.von. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage.Bd.3.S.21-26.
21. Stein L.von. Gesellschaft-Staat-Recht. Frankfurt a.M., 1972.S.115.
22. Stein L.von. Geschichte der sozialen Bewegung...S.6.
23. Ibid.S.36.
24. Stein L.von. Geschichte der sozialen Bewegung...Bd.3. S.7.25. Stein L.von. Die sozialistischen und communistischen Bewegungen seit der dritten französischen Revolution. Leizig-Wien, 1848.S.1.
26. Stein L.von. System der Staatswissenschaft. Bd.2.S.56.
27. Ibid. S.57.
- m28. Stein L.von. Das Wesen der arbeitslosen Einkommens und sein besonderes Verhältniss zu Amt und Adel//Deutsche Virteljahre Schrift. 1852.N 60.Heft 4.S.172.
29. Stein L.von. Die Verwaltungslehre. Die vollziehende Gewalt. S.34-35.
30. Ibid.S.24.
31. Stein L.von. Die staatswissenschaftliche und landwirtschaftliche Bildung. Breslau,1880.S.58.
32. Stein L.von. Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Leipzig, 1885.S.10.
33. Stein L.von. Der Sozialismus in Deutschland//Gegenwart und Zukunft...S.536.
34. Stein L.von. Gesellschaft-Staat-Recht...S.88.
35. Stein L.von. System der Staatswissenschaft. Bd.2.S.32.

36. Stein L.von. Die Verwaltungslehre. Die vollziehende Gewalt. S.27-28.

37. Stein L.von. Gesellschaft-Staat-Recht. S.116-117.

38. Ibid. S.150-153.

39. Stein L.von. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich... Bd.3. S.41.

Г.В.МАКАРОВА

ОБ ИСТОКАХ ИДЕЙНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ЧЛЕНОВ "ОРГАНИЗАЦИИ 1848 ГОДА" В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Как в отечественной, так и в польской исторической литературе проблема формирования идеиных позиций членов конспиративной патриотической "Организации 1848 года" рассматривалась лишь в самых общих чертах. Основное внимание уделялось собственно программным установкам организации¹. Каким образом складывалось, созревало мировоззрение членов тайного общества, каковы были те конкретные факторы и события, которые играли существенную роль в этом процессе, — эти вопросы оставались несколько в стороне. Однако обнаруженный в последнее время и вводимый в научный оборот новый архивный материал дает возможность исследовать их более детально. Говоря об условиях формирования взглядов членов организации, хотелось бы наполнить схему общих построений, основанных на привычном наборе факторов — социально-политические условия, среда, семья, родственные традиции, круг общения, личные отношения, учеба, круг чтения и т.д., конкретными историческими сведениями. Попытка такого анализа, с одной стороны, представляет интерес в плане исследования определенной исторической проблемы, с другой же — заслуживает известного внимания в теоретическом отношении, отвечая, хотя бы частично, на вопрос, каким образом возникают, усваиваются, эволюционируют и распространяются идеи, концепции общественного развития.

В данном случае необходимо сделать целый ряд оговорок. Прежде всего, речь пойдет о сравнительно небольшом, но принципиально важном круге деятелей, о людях, являвшихся идеиным, организационным "ядром" "Организации 1848 года", которые определяли ее лицо в целом. Сложность анализа мировоззрения какой-либо отдельной социальной группы, и в частности конспиративной организации, состоит также в том, что даже при относительной социальной однородности², она, как правило, далеко не однородна в идеином плане. Поэтому

естественно, что нередко рассматриваются взгляды самых ярких, наиболее образованных участников той или иной организации, а результаты как бы сами собой переносятся, распространяются на всех остальных ее членов. Кроме того, мировоззрение каждого человека не является чем-то неизменным и постоянным, оно находится в развитии, и почти невозможно установить, какие именно обстоятельства повлияли на его эволюцию, в какой момент произошло качественное изменение.

"Организации 1848 года" принадлежит весьма значительное место в истории конспиративных обществ патриотического направления, существовавших в Королевстве Польском в период между восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг. Создание организации произошло в начале 1848 г. – года революционной "Весны Народов"³. Основателем тайного общества был Эдвард Домашевский, возглавлял его он очень недолго, так как в марте 1848 г. умер. Им были приняты в общество лишь несколько человек, в том числе будущие руководители организации Генрик Краевский и Ромуальд Свежбенский. Э.Домашевский поддерживал довольно тесные контакты с польской эмиграцией, прежде всего с Польским демократическим обществом (ПДО).

"Организация 1848 года" была одной из наиболее крупных по численности в 30–40 годы XIX в. в Королевстве Польском. По судебно-следственному делу о ее деятельности проходит около 200 человек, среди них и те, кто был лишь причастен к ней. Судя по показаниям членов общества и "причастных", они были единомышленниками. Организация просуществовала довольно длительное время, действуя с различной степенью интенсивности на протяжении более двух с половиной лет. Отличительной чертой организации являлось стремление ее руководства создать такую структуру, которая охватывала бы всю территорию Королевства, осуществить эту задачу удалось лишь частично. Общие цели организации были следующим образом разъяснены Р.Свежбенским вступавшему в ее ряды Леону Жечневскому: "Заговор имеет целью восстано-

вить прежнюю Польшу, но республиканскую, основанную на равенстве перед лицом закона всех сословий"⁴.

Идейный облик "Организации 1848 года" определяется в первую очередь взглядами ее руководителей Э.Домашевского, Г.Краевского и Р.Свежбенского. При всей нечеткости и неопределенности понятий и формулировок, присущих написанным ими программам и инструкциям, по которым можно судить об их представлениях, именно эти деятели являлись "мозговым центром" организации. Отсутствие сильных оригинальных мыслителей в это время в Королевстве Польском в определенной мере объясняется условиями, сложившимися там после поражения восстания 1830–1831 гг. В 30–40-е годы патриотическая мысль развивалась главным образом в кругах польской эмиграции, огромный поток которой хлынул из Королевства Польского в Западную Европу, прежде всего во Францию. В эмиграции возникли два крупных, во многом противостоящих друг другу лагеря – аристократический Отель Лямбер и Польское демократическое общество. Отель Лямбер, возглавляемый князем А.Чарторыйским, возлагал надежды на помощь извне, на вмешательство сильнейших европейских держав и постановку ими польского вопроса на международной арене. ПДО, рассчитывая, прежде всего на внутренние силы расчлененной Польши в достижении национальной независимости, стремилось к созданию на ее территории сети конспиративных обществ и подготовке широкого национального восстания.

Об основателе "Организации 1848 года" Э.Домашевском известно совсем немного. Он не мог быть привлечен к следствию, поскольку оно началось уже после его смерти, а именно материалы следствия содержат биографические сведения о членах организации. Как следовало из ответа на запрос следственной комиссии по месту последней службы Домашевского, в правительенную комиссию юстиции, он был секретарем этой комиссии, в которой служил с 1842 г.⁵ По всей вероятности, он и ранее, до 1847–1848 гг., принимал участие в патриотическом движении: в опубликованных документах о заговоре ксендза Петра Сцегенного дважды встре-

чается, правда, без имени фамилии Домашевский. В хранящихся в Национальном Институте им. Оссолинских во Вроцлаве записках о конспиративных обществах в Королевстве Польском о более ранней принадлежности Домашевского к патриотическому движению, говорится, что он был участником трех "конспираций", "принадлежал к заговору Сцегенного, но уцелел". Один из членов "Организации 1848 года" Альфонс Вальтер на следствии признался, что был принят Домашевским в тайное общество еще в 1843 г.⁶ Возможность причастности Домашевского к патриотическому движению того времени подтверждается письмом, присланым ему от ПДО с предложением создать в Королевстве Польском конспиративную организацию для подготовки восстания. "Зная твой патриотизм, — говорилось в письме, — ... мы обращаемся к тебе с просьбой, чтобы ты, если желаешь и можешь, занялся созданием в Царстве тайного общества"⁷.

Занимая пост секретаря комиссии юстиции, Домашевский являлся "куратором" тех студентов-поляков, которые получали юридическое образование в университетах Москвы и Петербурга. После того как был закрыт Варшавский университет, а также другие высшие учебные заведения и курсы, польская молодежь, желавшая получить высшее образование, вынуждена была ехать именно в российские, а не западные университеты, так как в соответствии с постановлением 1822 г. обучение вне границ Российской империи "без дозволения правительства" не давало права в будущем занимать официальные должности. Московский и Петербургский университеты в основном готовили юридические, преподавательские (учительские) и медицинские кадры для Королевства Польского.

О Домашевском известно также, что он нередко появлялся в литературном салоне Анны Скимборович, жены редактора журнала "Пшегленд научовы" ("Научное обозрение") Хиполита Скимборовича. Вокруг журнала группировались настроенные демократически и патриотически писатели, журналисты, философы. 40-е годы XIX в. были насыщены философскими спо-

рами, интерес к философии был вообще в это время необыкновенно велик у образованной части польского общества. Возможно, это объяснялось стремлением, с одной стороны, осмыслить ошибки и неудачи на пути к достижению национальной независимости и воссоединению польских земель, а с другой — попытками увидеть перспективу общественного развития. В этой среде широко читались и обсуждались произведения польских писателей и мыслителей А.Мицкевича, Б.Тrentовского, А.Цешковского, А.Товяньского и др.

Вопрос о независимости Польши, а также различные философские проблемы были предметом горячих споров и в студенческой среде. Поляки, обучавшиеся в Московском университете, с увлечением читали польскую патриотическую литературу, запрещенную цензурой; в Москве ее легче было достать, чем в Варшаве. По инициативе Яна Майоркевича, в будущем талантливого, но рано умершего литератора, студентами была создана Польская библиотека, состоявшая из книг, разрешенных цензурой, и запрещенных. Здесь были и лекции по славянской литературе, прочитанные А.Мицкевичем в Париже, и сочинение Б.Тrentовского "Воспитание, или система национальной педагогики". В 1843-1844 гг. среди студентов-поляков пользовались популярностью стихи Ю.Словацкого, драмы З.Красиньского, "Пан Тадеуш" А.Мицкевича, философские произведения Б.Тrentовского, эмигрантские периодические издания⁸. Разумеется, трудно проследить, какие именно книги, журналы и другие издания были прочитаны польскими студентами за годы их пребывания в Москве, какие мысли и идеи рождались в ходе студенческих бесед и споров, однако несомненно, что все это, и в том числе возможность сравнения, сопоставления жизни в России и Королевстве Польском, способствовало усилию интереса к вопросам общественного развития, к осознанию необходимости обретения национальной независимости. Интерес польской молодежи к философским и общественным проблемам подогревался также и лекциями московских профессоров. Для формирования взгляда польских студентов большое значение имели шедшие в то

время в русском обществе споры между славянофилами и западниками. По свидетельству Р.Свежбеньского, поляки воспринимали из этих направлений русской общественной мысли то, что согласовывалось с их патриотическими и демократическими устремлениями: "Первое учение, проповедуя духовное единство славянщины, возбуждало вместе с тем ненависть к иноплеменникам; между тем, второе учение, возбуждая симпатию к Западной Европе, имело в виду изменить настоящий образ правления, наводя на мысль, что славяне, согласно историческому своему развитию, будут жить под союзным республиканским правлением. Последнее учение возбуждало к себе более сочувствия в слушателях как в русских, так и в польских. Несмотря однако на то, мысль о славянском братстве сделалась общим политическим верованием обеих партий". Знакомство с этими идеями привело студентов-поляков к убеждению, что "необходимо соединить между собой славян под федерацией". "С этим политическим верованием, — заключил Свежбеньский на следствии, — мы возвратились в Царство"⁹.

На годы пребывания поляков в Московском университете пришлось и время выступлений Т.Г.Грановского с его знаменитыми открытыми лекциями по истории Западной Европы, собиравшими громадную аудиторию и производившими глубокое впечатление на слушателей. У одного из членов "Организации 1848 года" Войцеха Гроховского сохранились подробные конспекты этих лекций, ставшие основой для его частных уроков по истории, которые он начал давать по возвращении в Варшаву.

Г.Краевский, вернувшись в Варшаву на год позднее Р.Свежбеньского, привез с собой записи лекций профессора Московского университета П.Г.Редкина. Бывшие студенты не утратили интереса к философским проблемам и читали эти лекции во время совместных прогулок.

Вполне понятно, что невозможно дать окончательный ответ на вопрос, каким образом шло восприятие, усвоение, согласование различных философских идей, что черпалось

Непосредственно из книг, первоисточников, а что впитывалось из рассказов друзей, рождалось в беседах и т.д. Исно, что прямого заимствования идей из прочитанных книг и эмигрантских брошюр быть не могло – воспринималось то, что соответствовало конкретному историческому моменту и уже имеющимся собственным убеждениям. Однако даже простое перечисление названий произведений, встречающихся в следственных материалах по делу "Организации 1848 года", дает представление о том круге идей, который интересовал членов этого тайного общества. Так, неоднократно упоминаются многие исторические труды И.Лелевеля и сочинения А.Мицкевича, "Исторические песни" Ю.У.Немцевича, патриотические стихи Т.Ленартовича и К.Балиньского, "Воспитание" Е.Трентовского, "Вечера под липой" Л.Семеньского, "Демократический катехизис" Г.Каменского, "Хрестоматия" Л.Зенковича, "О новых происшествиях в Европе в 1848 г." Э.Ховецкого, "Отче наш" А.Цешковского, "Военный регламент" Л.Мерославского, "Полевая фортификация" и "Партизанская война" К.Б.Стольцмана, "Слово верующего" Ф.Ламение, а также различные познанские, краковские, львовские, силезские периодические издания¹⁰.

Положения, суждения, вошедшие в программный документ организации "Символ веры", нельзя однозначно отнести к какой-либо философской системе или идейному течению, хотя в нем несомненно прослеживается влияние Гегеля. Так, например, в "Символе веры" формулируется тезис о том, что на отдельных этапах развития человечества во главе исторического прогресса стоят различные народы. "Польша, – утверждалось в "Символе веры", – должны сыграть в новейшей (термин того времени. – Г.И.) истории такую же роль, как Рим в древние, а Франция в средние века". Здесь проявилось своеобразное "польское" преломление гегелевского представления об истории как развитии "мирового духа", воплощением которого на каждом из этапов является "дух" определенного народа. Источники свидетельствуют о том, что студенты были знакомы с этими идеями и обсуждали их

в университетские годы. В одной из бесед на философские темы Свежбеньский изложил мысль о роли отдельных народов, на определенной ступени развития человечества опережающих другие и возглавляющих это развитие, его энергично поддержал Станислав Кросницкий (также будущий член организации): "Святая правда! ... Ведь так сказал Чешковский!" В этот момент подал реплику еще один участник разговора Леон Жечневский: "Чешковский ли, Гегель ли ... Достаточно того, что хорошо сказано"¹¹.

Содержание этой беседы, описанное в мемуарном источнике, во многом перекликается с содержанием "Символа веры", в частности, с постановкой там вопроса об утрате национальной государственности. Но оценки и выводы в этой связи были различными. Одному из участников беседы Свежбеньский разъяснял: "Не смешивай народ и государство. Как видишь, народ польский существует, а государство пало". Продолжая эту мысль, он утверждал, что в случае, если развитие государства было пресечено внешней силой, то "падение такого государства могло быть, а могло и не быть. В таком положении была Польша"¹². В "Символе веры" этот вопрос трактовался несколько иначе: падение польского государства объяснялось волей провидения, провозглашалось, что этот путь был для всех "спасением", ибо Польша обратилась к своему национальному началу, утраченному в средние века, чтобы "продолжать его течение и воздвигнуть здание на началах национальных". В факте исчезновения Польши с географической карты усматривался некий положительный момент: уничтожение Польши привело к тому, что одна часть ее оказалась присоединенной к России, т.е. к славянскому государству, а другую часть получила "Западная Европа", и эта часть, "зимствуя непосредственно жизнь и просвещение от Германии, передает оные весьма удобно собратиям своим, находящимся под властью России", так что "семена просвещения и гражданственности обширным потоком разливаются по всей славянщине"¹³. Таким образом здесь находит прямое отражение идея о мессианской роли

Польши в отношении других славянских народов.

Особого внимания заслуживает событие, произошедшее во время прибывания будущих членов "Организации 1848 года" в Москве, которое могло способствовать становлению их патриотических взглядов. Речь идет об их встрече с пересылавшимися в Сибирь "политическими преступниками", участниками заговора Петра Сцегенного¹⁴. Свидание состоялось в так называемом Московском тюремном замке (Бутырской тюрьме). Польские ссыльные находились в Москве недолго – с 13 по 17 мая 1846 г. Это были восемь наиболее активных участников заговора, среди них и сам Сцегенный. О прибытии в Москву "сцегенчиков" сразу же стало известно студентам-полякам. Г.Краевский был близко знаком с одним из арестантов – Алоизием Тарковским, раньше они жили в одном доме и учились в Грубешовском приходском училище (чем и пытался объяснить позднее на следствии Краевский свое стремление увидеться с польскими ссыльными). Кроме Краевского, еще трое студентов навещали "сцегенчиков" в Бутырской тюрьме. Троиц из пересылавшихся (Александр Родкевич, Шимон Кшечковский, Михал Левицкий) в начале 40-х годов учились в Московском университете, где у них еще оставались знакомые. В это же самое время в тюрьме отбывал наказание за подделку казначейского билета некто А.А.Юрьев, также бывший студент Московского университета, знавший некоторых из ссыльных поляков. Доверяя Юрьеву, они рассказывали ему, за что были осуждены, говорили также, что не все участники заговора были арестованы. Сцегенный рассказал Юрьеву, что в Польше у него остались брат и трое его сыновей, "которые готовы участвовать в возмущении" и что он и его товарищи "Сибири не боятся" и найдут способ "оттуда уйти". При этом ссылался на пример брата Михала Левицкого, который, будучи сослан в Сибирь в 1830 г., бежал с каторги, снова принял участие в заговоре и вторично оказался в сибирской ссылке.

Юрьеву, конечно, было известно о встречах со ссыльными четырех студентов-поляков. По свидетельству Юрьева, ча-

ше других в тюрьму приходил Краевский. Кроме него, там бывали Станислав Кросницкий, Войцех Гроховский, Александр Вейхт. Однажды Юрьев неожиданно вошел в комнату в то время, когда польские арестанты передавали навещавшим их студентам, в числе которых был Краевский, "разные бумаги, состоящие в письмах их родным, оставшимся в Польше, с тем, чтобы они, приехав туда, знали, к кому адресоваться", а также список оставшихся на свободе участников заговора. Впоследствии в своих показаниях Юрьев сообщил, что при отъезде ссыльные поляки оставили ему два письма для Краевского (одно из них было от Левицкого, другое - от Кшечковского), правда, Юрьев не знал, кому они были адресованы. По его свидетельству, Краевскому передавал письма и Родкевич. Бумагу и чернила давал ссыльным во время своего дежурства офицер внутреннего гарнизонного батальона В.Э.Фрич.

Обо всем, что ему стало известно, Юрьев донес жандармскому начальству, началось расследование. Велось оно довольно неспешно. Запрос из канцелярии Московского генерал-губернатора о студентах, посещавших польских ссыльных в тюрьме, поступил вправление Московского университета только в феврале 1847 г., когда они, за исключением Вейхта, закончив учебу, уже вернулись в Королевство Польское. Дальнейшая переписка и следствие заняли еще много времени, и лишь в 1849 г. на квартирах Краевского и Кросницкого были проведены обыски, а сами они должны были дать показания. "При обыске в их квартирах ничего запрещенного не найдено, - говорилось в донесении Варшавского генерал-губернатора Московскому от 19(31) августа 1849 г., - и оба они со временем прибытия (первого в Варшаву, а второго - Плоцк) в предосудительном образе мыслей замечены не были"¹⁵. Это заявление властей можно рассматривать как косвенное свидетельство успеха в работе "Организации 1848 года" по обеспечению конспирации: как известно, Краевский уже с конца 1847 г. принимал участие в создании, а позднее и руководстве организации, а Кросницкий стал ее членом вес-

ной 1848 г.

При выяснении, кто именно был виноват в том, что польские ссыльные имели свидания со студентами- поляками в Москве, во время которых были переданы письма и даже список оставшихся в Польше заговорщиков (наличие такого списка Краевский отрицал, утверждая, что Юрьев, не зная польского языка, не понял содержания разговора студентов со ссыльными и принял слово "списек", по-польски означающее "заговор", за русское "список"), выяснилась та роль, какую сыграл в случившемся смотритель Бутырской тюрьмы Павел Васильевич Федоров. Встречи эти состоялись то ли с его разрешения, то ли по его недосмотру в результате недоразумения, во всяком случае несомненно одно – он относился к польским арестантам с сочувствием. По его собственному признанию, он "позволил себе однажды напоить их у себя в комнате чаем", при этом присутствовали его жена Екатерина и дочь Анна¹⁶. Свидетельством доброжелательного отношения Федорова к ссыльным полякам явилось письмо со словами благодарности, которое при отъезде они оставили для него Юрьеву. В нем, в частности, говорилось: "Священник Петр Сцегений, Александр Родкевич, Фелициан Карпинский, Михал Левицкий, Игнатий Пюро, Алоиз Тарковский, Шимон Кшечковский, куда ни поедут, везде и всегда помнят Вашу чистосердечность и симпатию, которые Вы изволили показать попавшим в несчастье молодым людям"¹⁷.

Весьма вероятно, что состоявшаяся в Москве встреча студентов- поляков, еще только готовившихся вступить на путь борьбы за национальную независимость своей страны, с тем, кто уже нес наказание за неудачи в этой борьбе, оставила глубокий след в умах и душах будущих заговорщиков. У них, естественно, должно было возникнуть чувство собственной причастности к патриотическому движению. И сам факт личного знакомства с "главными заговорщиками", и разговоры с ними, и письма для пересылки в Королевство Польское, непосредственное соприкосновение с "запрещенным", "незаконным" – все это не могло не сказаться на ста-

новлении патриотической позиции Краевского и других будущих участников конспиративного движения. Кроме того, конкретная реальность, то действительное положение, в котором оказались потерпевшие провал заговорщики, могли не показаться ужасными: не так уж страшна Сибирь, из которой можно и сбежать, да и в тюрьме возможны и свидания со знакомыми, и передача писем, и даже чай с семейством тюремного начальника. Вероятно, у них не возникло чувство страха, которое могло бы препятствовать вовлечению этих молодых людей в активную патриотическую борьбу, в антиправительственные действия.

Вообще пребывание в Москве оказало серьезное влияние на формирование отношения будущих членов "Организации 1848 года" к русским. Свидетельством этого, в частности, явилось заявление на следствии Р.Свежбенского: "Дружба и сочувствие к нам русских, с которыми мы слушали лекции на юридическом и словесном отделениях, уничтожили оставшийся в нас зародыш исторической ненависти"¹⁸. Со времени Екатерины, т.е. со времени разделов Речи Посполитой, как отмечалось в программном "Символе веры", произошли значительные перемены: "во всех тех, кои озарены светом просвещения, коих можно считать представителями сего народа, вы найдете живое сочувствие и братское сердце"¹⁹.

Личные дружеские контакты поддерживались некоторое время и после завершения учебы в Московском университете. Свидетельством того является сохранившееся в судебно-следственных материалах в качестве "вещественного доказательства" письмо, полученное Г.Краевским от Дмитрия Гаврилова из Владимира, учившегося вместе с ним на юридическом факультете²⁰.

На формирование мировоззрения молодого поколения той части польского общества, из представителей которого состояло подавляющее большинство членов "Организации 1848 года", оказывала определяющее влияние общая ситуация в Королевстве Польском, те политические, социально-экономические условия, в которых выросло это поколение и ко-

торые порождали чувство недовольства существующим положением, отсутствием права на свободное национальное развитие. Причем наиболее быстро и остро все изменения в политической, социальной, экономической, культурной ситуации воспринимались образованной частью общества. Семейные традиции, родственные связи, близкие знакомства, вся духовная атмосфера этой среды являлась тем стимулирующим фоном, той повседневной, не всегда осознаваемой почвой, на которой и вырастало патриотическое мировоззрение молодого поколения, складывалась определенная шкала ценностей. У многих были родственники, соседи, знакомые, участвовавшие в восстании 1830-1831 гг., некоторые из них подверглись арестам, были сосланы, некоторые бежали за границу. Так, например, о братьях члена "Организации 1848 года" Циприана Вонсовича известно, что старший из них принимал активное участие в восстании 1830-1831 гг., затем эмигрировал, другой брат бежал за границу, намереваясь приступить в Пруссии к армии Л.Мерославского и в ее рядах участвовать в войне против России за освобождение Польши²¹. Имена таких людей нередко были окружены ореолом почитания, иногда таинственности. Разговоры в домашней среде об истории страны, о прежней великой Польше, ностальгия по казавшемуся прекрасным прошлому страны, чувство ущемленной национальной гордости и т.д. способствовалиенному приобщению к патриотическим идеям, воспитывали готовность вступить в ряды борцов за свободу родины. Один из членов организации Игнаций Грудзицкий говорил на следствии: "Проникнутые чувством любви к родной земле еще в детстве и юности разговоры родителей о том, что такое "польское" западали в душу, и ошибки, и светлые деяния предков моих в давних исторических событиях, и недавние войны за независимость, и религия, и традиции, и обычай"²².

Сильнейшее воздействие на умы польского общества имели трагические события 1846 г. - Краковское восстание и "галицийская резня". Они оказали влияние на польскую общественную мысль в целом, отразились на взглядах патрио-

тов как в собственно польских землях, так и в эмиграции. На этом этапе идеологические позиции поляков за рубежом не отличались еще столь сильно и не были "чисто" эмигрантскими, ведь столь недавно деятели польского освободительного движения оторвались от Польши. Они вынужденно покинули родину и были связаны с ней всеми своими помыслами, не пустив еще корней в чужой земле. Пребывание вне Польши представлялось им времененным, а их контакты с родиной были частными и тесными, не произошло еще отчуждения от настроений, имевшихся в польских землях, прежде всего в Королевстве Польском. Процесс отрыва, расхождения только начинался. В большей степени такая связь была присуща ПДО. После 1846 г. наблюдается изменение в его программе по отношению к крестьянству. Прежние расчеты на участие крестьянства в освободительной борьбе уступили место пониманию, что за шляхтой оно не пойдет. Для привлечения крестьян на свою сторону, на сторону патриотического движения, или, по крайней мере, для ихнейтрализации, ПДО выступило с предложением о переводе крестьянина на "чинш", денежный оброк, выдвинув при этом так называемый лозунг "классового солидаризма", т.е. единения всех социальных слоев общества, прежде всего шляхты и крестьянства, в общенациональных целях. Кстати сказать, российское правительство также стремилось ослабить социальную напряженность и выступить в роли благодетеля польских крестьян. Уже в мае 1846 г. Николай I издал указ, запрещавший помещикам сгонять крестьян с земли и рекомендовавший переводить их на чинш, в ноябре того же года был отменен целый ряд крестьянских повинностей, правда, второстепенных. Вообще же перевод на чинш начался достаточно активно сразу же после восстания 1830-1831 гг. в тех имениях, владельцы которых были либо сосланы за участие в восстании, либо эмигрировали. К концу 1846 г. треть всех крестьянских хозяйств в Королевстве Польском была уже переведена на чинш.

Руководство "Организации 1848 года" в целом разделяло

позицию ПДО в отношении крестьянства. В одной из письменных инструкций, направленных им на места, предписывалось: "Стараться примирять крестьян с помещиками и вообще все сословия между собою, несмотря на различие вероисповеданий; поддерживать польскую народность; вооружать умы против настоящего правительства и заохочивать к республиканизму"²³. Аналогичным образом эта позиция нашла отражение и в беседе Свежбенского с Жечневским, которого он убеждал, что "при распространении пропаганды ... следует не возбуждать один класс против другого, а, напротив, примирять крестьян с господами, а последних склонять, чтобы они оброчили земледельцев, за известным, однако, с согласия народа, вознаграждением за то шляхты"²⁴. Надо отметить, что отдельные члены организации понимали нереальность осуществления идеи "классового солидаризма". Так, Феликс Трошицкий, ляця Краевского, приходской священник в Грубешовском уезде Люблинской губернии, хорошо знавший настроения крестьянства, в своих показаниях на следствии, отмечал, что предложенный руководством лозунг "примирять крестьян с помещиками" на деле был невыполним, так как "крестьяне питают к помещикам непреодолимую ненависть"²⁵.

На формирование определенной широты, масштабности взглядов, на осознание того, что отдельный человек является частью всего человечества, что судьбы народов переплетаются во всемирном историческом процессе, оказали влияние как личный жизненный опыт (пребывание в Москве, в кругу иноплеменников, среди другого народа), так и тесные контакты с эмиграцией. По-видимому, это в значительной мере способствовало тому, что в "Символе веры" провозглашался принцип веротерпимости, доброжелательного отношения к другим народам (нациям), проводилась грань между простым народом тех стран, которые принимали участие в разделах Речи Посполитой, и их правительствами. "Не пруссак, австриец или русский является нашим врагом, - говорилось в "Символе веры", - но те, кто в слепоте разума и злобе сердца смеет отказывать нам в святейшем праве наци-

нальной жизни и политическом существовании"²⁶.

Еще одно событие, причем общеевропейского масштаба, существеннейшим образом сказалось на судьбе "Организации 1848 года". "Весна Народов", начавшаяся в 1848 г., подъем революционного движения в Европе привел к оживлению общественно-политической активности различных социальных слоев и групп Королевства Польского, что отразилось также на росте численности "Организации 1848 года": если до марта 1848 г. в "заговоре" участвовало немногим более десяти человек, то к концу лета число вступивших в ее ряды составило около 40 человек²⁷. Однако это имело не только положительное значение для организации, но несло и негативные моменты, поскольку на волне общественного подъема в нее влились люди случайные, действовавшие не столько в силу своих убеждений, сколько под влиянием общих настроений. Остынь очень скоро, они стремились прекратить всякие отношения с организацией.

"Весна Народов" оказала серьезное воздействие на идеи- и тактические установки "Организации 1848 года". Поражение Познанского восстания привело к спаду активности среди членов организации, к утрате надежды на то, что национальные силы Королевства Польского, объединившись с войсками Л.Мерославского, совместно выступят против России. Однако революционные события в Венгрии, продолжавшей борьбу за свои национальные интересы, несколько приостановили этот спад. Впервые перед польским освободительным движением в таком объеме встал вопрос о совместных с другим народом действиях в борьбе за свободу. Традиция участия поляков в освободительных движениях других народов Европы закладывалась еще в конце XIX в., что впоследствии наложило свой отпечаток на польское национальное самосознание. Сочувственной позиции поляков в отношении восставшей Венгрии способствовало и то, что на первом этапе "Весны Народов" венгры выступили в поддержку Познанского восстания. К тому же Галиция стала основным центром, где нашла убежище польская молодежь, бежавшая из Ко-

ролевства Польского, надеявшаяся, что именно отсюда начнется победоносное выступление польско-венгерских освободительных сил, которое принесет независимость и воссоединение польским землям. Однако позиция возглавляемого "Организации 1848 года" Г.Краевского была далека от оптимистичной. Сам он не верил, что "горсть венгерских мятежников разобьет регулярные войска"²⁸. Получив с мест сведения о господствовавших там настроениях, руководство организации пришло к выводу, что "оказалось невозможным произвести мятеж" и совместно с венграми выступить против общих врагов²⁹.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что на формирование мировоззрения членов "Организации 1848 года" в патриотическом духе наиболее сильное влияние оказала прежде всего вся общественно-политическая ситуация, сложившаяся в это время в Королевстве Польском и характеризовавшаяся ущемлением возможностей свободного национального развития, ликвидацией практически всех институтов национальной государственности после поражения восстания 1830-1831 гг. Наиболее остро ощущала сложившееся положение мелкошляхетская среда, к которой принадлежало по своему социальному происхождению большинство членов "Организации 1848 года", и прежде всего ее руководители. Именно эти слои наиболее чутко отреагировали на усиление национального угнетения, на ущемление чувства национального достоинства. Именно в этой среде сильно были традиции национально-освободительной борьбы, молодежь воспитывалась в духе преклонения перед памятью предков, уважения исторических традиций страны, еще недавно бывшей одной из крупнейших и влиятельнейших в Европе, простиравшейся "от моря до моря". Сильнейшее воздействие на складывание патриотического мировоззрения польской молодежи в период 30-40-х годов XIX оказывала литература, а также непосредственное общение в редакциях журналов, в модных тогда литературных салонах с людьми, серьезно размышлявшими о будущем Польши - писателями, публицистами, философами и др. Значительна в этом

процессе была и роль эмиграции, чья деятельность выражалась в пересылке в Польшу литературы соответствующего характера, в том числе и периодики, в направлении туда посланий, обращений и других документов, в организации приезда эмиссаров. И все же решающее значение для каждого участника национального движения имел его личный опыт, прежде всего, воспитание в семье, семейные представления и традиции, наличие участников патриотического движения среди родных и знакомых, а в конкретном случае с будущими членами "Организации 1848 года" – встречи со ссылочными "сцегенчиками" в Москве, годы учебы в гимназиях, на курсах и в Московском университете. Для многих в то же время готовность вступить в ее ряды была просто эмоциональным порывом, вызванным революционным подъемом "Весны Народов".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Minkowska A. Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskim. Warszawa, 1923; Djakow W. Warszawska organizacja konspiracyjna 1848 roku (Edward Domaszewski, Henryk Krajewski, Romuald Swierzyński i inni) // Kwartalnik historyczny. 1976. Zesz.2; Berghauzen J. Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim. 1833–1850. Warszawa, 1974; Makarowa G. Obrze ideowo-polityczne "Organizacji 1848 roku" w Królestwie Polskim // Wiosna Ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku. Studja i dokumenty. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1994.

2. Makarowa G. Obrze... S.35.

Так, например, более половины "Организации 1848 года" составляли низшие чиновники и "аппликанты" (стажеры-кандидаты на занятие чиновничьей должности), учителя, врачи, духовенство, учащаяся молодежь, т.е. в основном выходцы из мелкошляхетской среды. Крестьян в организации не было, ремесленники, по различным подсчетам, могли составлять от 6 до 27%.

3. Макарова Г.В. К вопросу о времени создания "Организации 1848 года" в Королевстве Польском // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва, 1986. С.201–218.

4. Wiosna Ludów... S.246. (здесь и далее при цитировании документов использованы делопроизводственные переводы того времени).

5. Makarowa G. Oblicze... S.22,23.

6. Minkowska A. Organizacja... S.22,68.

7. Wiosna Ludów... S.228.

8. Makarowa G. Oblicze... S.39.

9. Wiosna Ludów... S.228.
 10. Makarowa G. Oblicze ... S.39.
 II. Sprzysiężenia pomiędzy rokiem 1839 i 1844, ze wspomnień i opowiadzeń w roku 1853 opisane w Ossolineum, oddział rkp., N 3204.K.71. (Эти записи - "Заговоры между 1839 и 1849 годом, описанные в 1853 году по воспоминаниям и рассказам"- являются анонимным источником).
 12. Ibid. K.71.
 13. Djakow W. Warszawska organizacja S.374.
 14. ЦИА Г.Москвы. Ф.1712. Оп.1. Д.9; РГВИА. Ф.16. Оп.36. Д.90 ("Дело о показаниях арестантов титулярного советника Пощенкова и уволенного из купеческого звания Юрьева и о сообщничестве с польскими мятежниками прaporшика Фрича", 50 л.); Ф.801. Оп.72/43. Д.101. ("Дело по отношению командира корпуса внутренней стражи с превозношением военно-судного дела о прaporщике Московского гарнизонного батальона Фриче, судженном по высочайшему повелению за получение им от политических преступников трех записок и за явно лживые показания" 79 л.).
 15. ЦИА Г.Москвы. Ф.1712. Оп.1. Д.9. Л.181 об.
 16. ЦИА Г.Москвы. Ф.1712. Оп.1. Д.9. Л.78.
 17. ЦИА Г.Москвы. Ф.1712. Оп.1. Д.9. Л.81,127.
 18. Wiosna Ludów... S.399.
 19. Ibid. S.449.
 20. РГВИА. Ф.1873. Оп.1.Д.57. Л.206 об.
 21. Makarowa G. Oblicze... S.40.
 22. Wiosna Ludów... S.399.
 23. Ibid. S.335.
 24. Ibid. S.246.
 25. РГВИА. Ф.1873. Оп.1. Д.44. Ч.2. Л.479 об.
 26. Wiosna Ludów... S.451.
 27. Makarowa G. Oblicze... S.34.
 28. РГВИА. Ф.1873. Оп.1. Д.44. Ч.3. Л.203-203 об.
 29. Там же. Л.279-280.

И.В.ПОПОВА

ВЕНГЕРСКОЕ ДВОРЯНСКОЕ СОЗНАНИЕ И СЛОВАЦКИЙ ПАНСЛАВИЗМ
(начало 40-х годов XIX в.)

В течение второй половины XIX – начала XX в. термин "панславизм" прочно вошел в общественное сознание как ассоциирующийся с попытками экспансии России в Европе и ее стремлениями возглавить славянское движение, как "ожидаемое политическое объединение и возвышение славянского мира под влиянием России, или распространение над славянским миром прямого господства России, которая таким образом получит приращение к своим и без того опасным силам и наконец захватит себе Балканский полуостров"¹. Используемый публицистами и историками, этот образ вобрал в себя как идеологию славянской общности и славянской взаимности, так и планы политического переустройства славянского мира, окрасил в негативные тона культурные связи между славянскими народами². В настоящей статье предпринята попытка из материала словацкой и венгерской общественной мысли рассмотреть некоторые факторы, способствовавшие превращению понятия панславизма в его первоначальном значении как *unio in literatura inter omnes Slavos* (языкового единства всех славян) в зловещий образ, который сочетал в себе как черты реальности, так и искаженные, зачастую фантастические представления о славянском движении и роли в нем России.

Концепции славянской общности, развивавшиеся представителями словацкой интеллигенции в первой половине XIX в. на основе имевших распространение ранее представлений о *natio Slavorum* (славянской нации) и *gens Slavicae* (славянском народе), обогащенные идеями И.Г.Гердера, были нацелены на противодействие германизации и мадьяризации и обоснование прав словаков как нации. Своё наиболее полное выражение они получили в работах так называемых будителей Я.Коллара, П.Шафарика, М.Хамуляка и др.

Поэма Я.Коллара "Дочь славы", первое издание которой

появилось в 1824 г., стала настоящей библией для адептов идеи славянской общности и взаимности. История и культура словацкого народа осмысливаются в поэме как приобщенные к истории и культуре славянства в целом, что делает их опорой для развивающейся нации в условиях отсутствия традиций самостоятельной государственности. Великая единая славянская нация становится у Коллара "целью вековой" исторического пути славян, а провозглашение им лозунга "единение – наш закон", "единение во главе с величавой Россией"³ позволяет отметить политическую направленность его идей. Утверждение о величии славян, перед которым "Европа на колени б пала"⁴, по мнению современного исследователя М.Пишута, было призвано компенсировать комплекс национальной неполноценности, возникший у словаков вследствие неразвитости социальной структуры словацкого общества и проводимой в Венгерском королевстве политики мадьяризации⁵. Коллар был одним из тех, кто сделал всеславянскую идею предметом и целью практических действий. Программу их он изложил в работе "О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянскими", опубликованной в 1836 г. на чешском, а годом позже – на немецком языке⁶.

Историческим обоснованием идеи славянской общности стали труды П.Й.Шафарика "История славянского языка и литературы" (1826 г.) и "История славянских древностей" (ее первый том вышел в 1837 г.). Благодаря южнославянским контактам Шафарика представления о единстве славян распространяются в южных землях Габсбургской монархии. Этому немало содействовала также просветительская деятельность Л.Гая, одного из лидеров "иллиристского" движения.

"Всеславянство" Коллара, несмотря на критическое отношение к нему со стороны некоторых современников, образовало своеобразный ментальный стереотип в сознании многих поколений словаков. Тем не менее в конце 1830-х годов идеология славянского единения переживает кризис, ко-

торый в немалой степени был обусловлен подавлением польского восстания 1830–1831 гг. царской Россией, что вызвало неоднозначные толки среди словаков⁷. Противоречия во взглядах Коллара, пытавшегося объединить интересы славянства в целом с интересами отдельных славянских народов, также подготовили кризис идеологии. Молодое поколение словацких интеллектуалов старалось акцентировать самостоятельность и автономность словацкого народа среди остальных славянских народов, как, например, М.Хамуляк, который обосновывал уникальную роль словацкого языка как моста, связующего звена между западно- и восточнославянскими языками⁸.

Л.Штур также подчеркивал индивидуальность словаков и их языка, особенности их культурной эволюции. Эта позиция, в известной мере противостоявшая лозунгу объединения славян, могла вызвать сочувствие у дворянства северной Венгрии, которое Штур, вероятно, пытался привлечь на свою сторону⁹.

Еще одной причиной кризиса всеславянской идеи стало развитие политического сознания чехов, которые поставили под сомнение ее практичесность. Граф Л.Тун, один из главных участников венгеро-чехо-словацкой полемики начала 40-х годов XIX в., говоря о славянах, имел в виду прежде всего практическую цель разрешения проблемы славянства внутри монархии Габсбургов и потому выдвинул концепцию австро-славизма, доминировавшую затем в славянском движении монархии на протяжении всего XIX века. Л.Туну также принадлежит заслуга уточнения понятия "панславизм". Отрицая его политический подтекст, Тун определяет панславизм на основе колларовских представлений прежде всего как культурную взаимность¹⁰.

В венгерской прессе термин "панславизм" был впервые употреблен в статье К.Крамарчика "Чешско-словацкие герои панславизма в Лёче (Левоче. – И.П.)", опубликованной 14 ноября 1840 г. в журнале "Таршалкодо" ("Собеседник"). Этот термин настолько прочно вошел в сознание эпохи реформ 30–40-х годов XIX в., что дал основание назвать дви-

жение за реформы в Венгрии антицанславистским^{II}. Такое определение особенно справедливо в отношении основного носителя национальной идеологии – венгерского среднепоместного дворянства. Главной программной установкой этого социального слоя как утверждающей себя самостоятельной политической силы являлось создание единого национального государства посредством социально-экономических и политических реформ, но мышление его представителей было амбивалентным, что проявилось в своеобразном "дворяноцентризме": понимание необходимости и важности реформ сочеталось с нежеланием поколебать свое уникальное положение в обществе. Эта вторая сторона активизировала традиционные установки венгерского дворянства, такие как отождествление нации и дворянства, нации и государства (государства как института и как территории земель Короны Святого Стефана), что вело к отрицанию прав невенгерских национальных групп, проживавших на территории Венгерского королевства. Так, например, газета "Пешти хирлап" ("Пештская газета"), орган дворянской либеральной оппозиции, одна из наиболее читаемых газет Венгрии эпохи реформ¹², писала в № 10 за 1842 г.: "...для того чтобы народ имел национальность, необходимо, чтобы члены его были связаны узами общей конституции, общей потребностью прогресса и развития и общими чувствами в отношении вместе прожитого славного прошлого"¹³.

Та же амбивалентность характерна для отношения представителей дворянства к истории и культуре Венгрии, что выразилось, с одной стороны, в чрезвычайной чувствительности к отсталости страны и в резкой критике этой отсталости, а с другой – в стремлении подчеркнуть заслуги Венгрии перед европейской цивилизацией. Прежде всего имелось в виду противостояние венгров турецкой угрозе¹⁴. Об историческом предназначении Венгрии играть роль форпоста западной цивилизации в борьбе с варварским Востоком, быть для Европы плотиной на пути грозящего ей варварства

писал 14 апреля 1841 г. журнал "Таршалкодо", близкий по многим вопросам к "Пешти хирлап"¹⁵. Закреплению таких представлений способствовало развитие так называемой географической ментальности: в сознании индивида возникала эмоционально окрашенная карта мира, происходило осмысление территориального масштаба страны, ее места и значения в сравнении с другими странами. Одной из доминант венгерского сознания были представления об особой роли Венгрии как страны, расположенной между Востоком и Западом. Эти представления усиливали чувство национальной гордости от осознания уникальности исторической судьбы родины¹⁶.

Все это обусловило характерную для среднепоместного дворянства позицию национализма, причем ее разделяли те его представители, которые имели со славянами, и, в частности, со словаками, генеалогическую связь, как, например, Л. Кошут¹⁷.

Национализм, подогревавшийся гердеровским пессимизмом относительно перспектив сохранения венгерской нации, был причиной чрезвычайно обостренного отношения ко всему, что каким-либо образом угрожало или могло угрожать венгерской национальности, в частности, к различным формам социальной и культурной активности других народов, населявших Венгерское Королевство. При этом опасность со стороны других народов сильно преувеличивалась, воспринималась далеко не адекватно ее истинным масштабам. Все это серьезно повлияло на отношение венгерского общества к панславизму.

В представлениях либерального дворянства панславизм связывался с отсутствием патристизма, поскольку, как отметил в "Пешти хирлап" Ф. Пульски, идеологам панславизма, и прежде всего Я. Коллару, больше нравится писать не о национальных интересах венгров, а о единой славянской нации и единой для всех славян родине¹⁸. В венгерской печати Коллар характеризовался как подстрекатель духовенства пештского словацкого прихода, в его работах усматривались яр-

ко выраженные антивенгерские мотивы (которые, действительно, становились все явственнее, в частности, в каждом новом переиздании "Дочери славы"). В любой строке трактата Коллара "О литературной взаимности", по мнению того же Ф.Пульски, проглядывала ненависть к венграм и панславизму¹⁹. В трактате Коллар ссылается на Я.Геркеля, который впервые употребил термин "панславизм" для обозначения славянского языкового единства. "Согласно Геркелю, - пишет Ф.Пульски, панславизм - это не более, чем в другом месте, однако, это то, что интересует и касается каждого славянина ...; но трудно поверить, что каждого славянина касается и интересует только литература"²⁰. Таким образом, сходство взглядов Коллара и Геркеля дало венгерским публицистам дополнительные аргументы для использования понятия "панславизм" в качестве характеристики идей Коллара.

Тесное переплетение проблем развития культуры с политикой, характерное для венгерской общественной жизни, повлияло на то, что термин "панславизм" все более стал наполняться в общественном сознании политическим содержанием: под это понятие подводятся не только планы политического объединения славянских земель, но и национальное движение словаков, культурные связи между славянскими народами; идеологи панславизма, независимо от их национальности, и просто русские учёные, посещавшие Венгрию, оцениваются не иначе, как "агенты" царской России²¹. "Чем больше будет Гаев, Хловачеков, Колларов, тем сильнее северный гигант (т.е. Россия. - И.П.)", - писал 29 мая 1841 г. журнал "Таршалкодо". "С севера, из России, грозит нам наибольшая опасность", - утверждал тот же журнал 14 апреля 1841 г.²² Ф.Пульски отмечал, что Россия всегда направляла политику таким образом, чтобы придать славянскому движению характер панславизма²³. В венгерской печати Россия изображалась как "северное чудовище", "стоглавая гидра"²⁴, "северный Бриарей"²⁵. Антируssские настроения во многом подогревались польскими эмигрантами, ока-

завшимися за пределами своей страны после разгрома польского восстания 1830–1831 гг. В Венгрии отношение к ним было весьма сочувственное, "полонофильство в начале 30-х годов было даже в моде"²⁶. Симпатии венгров к полякам и антипатии к русскому самодержанию проявлялись вплоть до конца 60-х годов. По мере усиления национальных движений в Европе и в самой Венгрии эти антипатии укреплялись, препятствуя углублению культурных связей венгров с Россией. Это, однако, не свидетельствует об отсутствии у них интереса к культуре России, ознакомлению с которой способствовала, в частности, венгерская пресса²⁷.

Опасения перед русской угрозой и панславизмом заставили представителей либеральной оппозиции искать способ нейтрализации панславистских идей. Некоторые, как например М. Вешшеленъи, выдвигали проекты федеративного переустройства монархии и предоставления проживающим в Венгрии национальным меньшинствам определенных прав самоуправления²⁸. Проекты реформ были тем более актуальны, что угроза венгерскому национальному движению, как об этом писала газета "Пешти хирлап", исходила не только от возможной поддержки Россией борьбы австрийских славян, но и от перспективы достижения согласия между ними (в частности, словаками) и венским двором, который, решая для себя задачу управления многонациональным государством, использовал тактику засыгрывания со своими славянскими подданными²⁹. "Подстрекательство, — писал впоследствии Ф. Пульски, — было любимой страстью правительства... Тогда я не понимал, что венские господа хотели противопоставить славянское движение венгерскому"³⁰.

Термин "панславизм" использовался либеральной оппозицией и ее прессой в тех случаях, когда решались вопросы межпартийной борьбы. Его употребление должно было подчеркнуть отсутствие патриотизма у того или иного представителя консерваторов. Так, например, граф И. Сечени, давший толчок движению за реформы в Венгрии, выступавший против мадьяризации, заслужил в свой адрес обвинения в недооценке опас-

ности панславизма, в том, что своими речами он настраивает славян против венгров³¹. "Будь я иллиром или славянином, - пишет Ф.Пульски 1 января 1843 г. в "Пешти хирлап" по поводу речи графа в Академии наук, в которой Сечени доказывал нецелесообразность и невозможность мадьяризации, - слова графа произвели бы на меня мрачное впечатление. Они убедили бы меня в том, что против моей родной речи венгры составили заговор"³².

Консерваторов сближало с либералами одинаковое представление о нации. Так, например, А.Сечен писал, что в Венгрии существует только две нации – венгры и хорваты, остальные не имели традиций самостоятельной государственности и национальной жизни, а потому являются только национальностями, но не нациями³³. В то же время консерваторы не были склонны преувеличивать, подобно либералам, угрозу панславизма, который, как считал один из консервативных лидеров А.Дежеффи, не несет в себе опасности из-за многовековой борьбы между славянскими народами, прежде всего между русскими и поляками³⁴. Кроме того, консерваторы подчеркивали и наличие религиозных противоречий между славянами. По мнению графа А.Стараи, утверждение Гердера о перспективе исчезновения венгров как нации не имело под собой основания, а следовательно, беспочвен и страх перед панславизмом³⁵. Поскольку основной ценностной ориентацией аристократии являлось сохранение целостности монархии Габсбургов, консерваторы во главе с Сечени выступили против языкового национализма либералов, считая, что именно целостности монархии это может повредить.

Все вышесказанное позволяет выделить несколько основных значений термина "панславизм", распространенных в венгерском обществе. Он употребляется и как синоним российской экспансии, и как понятие, характеризующее развивавшиеся культурные связи между славянскими народами. Термин "панславизм" служит также для обозначения словацкого национального движения как такового, о чем свидетель-

ствует, в частности, раздельное употребление Л. Кошутом понятий "иллиризм" и "панславизм"³⁶. Столь широкая и противоречивая трактовка термина "панславизм" была связана как непосредственно с теоретическими разработками идеологов всеславянства, так и опосредованно с социально-политическими процессами, происходившими в венгерском обществе. Среди первой группы факторов можно выделить попытки расширить содержание данного понятия за счет включения в него культурных взаимосвязей между славянскими народами, употребление наименований "славянин" и "словак" в качестве равнозначных; необходимо отметить также антивенгерскую направленность работ ряда славянских идеологов, наличие в них скрытых политических тенденций и идеализации царской России. Среди социально-политических факторов на первый план выдвигается такое явление, как конституирование среднепоместного дворянства в качестве влиятельной и самостоятельной политической силы, что в сфере социальной психологии сопровождается акцентированием момента принадлежности к определенной социальной группе и ее состава; структура мышления в этом случае приобретает жесткость и сильную сопротивляемость в отношении чужеродных идеологических элементов, которые либо отторгаются, либо деформируются, либо интерпретируются в соответствии с традиционными установками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. Москва, 1913. С.1.
2. См.: Fischel A. Panslavismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart, 1919; Kohn H. Pan-Slavism. Its history and ideology. Indiana, 1953. Подобный подход характерен и для современных исследований, например, для опубликованной недавно в Венгрии книги молодого историка Г.Гече, в изложении которого панславизм и стремление к экспансии предстают как неотъемлемая часть всей русской истории, начиная с IX в. и до наших дней (Gecse G. Bizánctól Bizáncig. Budapest, 1993).

3. Коллар Я. Сто сонетов. Москва, 1973. С.147, 127.
4. Koci J. Der Austroslavismus und seine Rolle in der tschechischen Politik // L'udovít Stúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. S. 94.

5. Pisút M. Die Slowaken und die Idee der slawischen Wechselseitigkeit in den Zwanziger und Dreissiger Jahren des 19. Jahrhundert // L'udovít Stúr... S. 15. О политике мадьяризации см. подробнее: Kapant D. *Ilegalna mad'arizácia*. Sv. Martin, 1947.

6. Я.Коллар предложил создать в славянских столицах сеть библиотек и книготорговли, открыть кафедры славянских языков в средних и высших школах, издавать общеславянский литературный журнал на всех славянских языках, проводить совместные фольклорные изыскания и работать над постепенным сближением славянских наречий с целью создания общеславянского языка. Были предприняты и конкретные шаги по осуществлению этой программы. См. подробнее: Matuia V. Slovanska vzájemnost¹ - narodnoslovenskodzovacia ideológia slovenského narodného hnutia (1835-1849) // *historický časopis*. T. VIII. Bratislava, 1960. S. 2-3.

7. См. подробнее: Гогина К.П. Отклики на польское восстание 1830-1831 гг. в чешских землях и Словакии // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-70-е годы XIX в.). М., 1991. С.32-33.

8. См.: Butwin J. Martin Hanuljak and the fundamental problems of the Slovak national revival // *Studia Historica Slovaca*. T. III. Bratislava, 1965.

9. См. подробнее: Brock P. The Slovak national awakening. Toronto, 1975. P. 143-144.

10. Wollmen F. Slawismy a antislavismy za Jara národu. Praha, 1968. S. 66.

11. Kévai J. "Panslavizmus" és szellemi honvédelem // Helyünk Európában. Nézetek és koncepciók a 20. századi Magyarországon. Budapest, 1986. 1 köt. 535 old.

12. Тираж газеты составлял через год после выпуска первого номера 5200 экземпляров, т.е. больше, чем любой другой газеты в Венгрии.

13. *Festi Hírlap*. 1842, N. 10.

14. А.Гергей отметил присущее либералам чувство ответственности нации перед Европой за эту часть территории (Gergely A. The liberalisation of Hungarian political life 1830-1848 // *Etudes historiques hongroises publiées à l'occasion du XVIIe Congrès international des sciences historiques*. Vol. I. Budapest, 1983. P. 245).

15. См.: Kapant D. Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842. Bratislava, 1943. D. II. S. 193.

16. Ortutay Gy. Between East and West. Europa et Hungaria. Budapest, 1955. P. 255.

17. Л.Кошут имел словацкие корни, поскольку был родом из Северной Венгрии, его двоюродный брат возглавил словацкое движение на севере страны.

18. Kapant D. Op.cit. P. 411.

19. Pulszky F. Eletem és korom. 1 köt. Budapest, 1958. 176 old.

20. Чит. по: Kapant D. Op.cit. P. 411.

21. См.: Arató E. A magyarországi szlávok és az oroszok kapcsolatához a reformkorban // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. 1 köt. Budapest, 1951.

22. Цит. по: Rapant D. Op.cit. P. 234, 193.
 23. Pulszky F. Op.cit. P. 175.
 24. Meszaros J. Magyaren und Slowaken. Zur Frage des Pan-Slavismus in der Vormärzzeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1957. Bd. 15. Heft 3. S. 412.
 25. Festi Hírlap. 27.II.1843.
 26. Fenyő I. Az orosz irodalom fogadtatása a reformkorban magyar hírlapirodalomban // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. 1 köt. 212 old.
 27. Венгерская общественность имела возможностьзнакомиться с переводами из русской литературы, публиковавшимися в периодических изданиях; имена русских деятелей культуры довольно часто встречались на страницах журналов. См. подробнее: Куренная Н., Майер Р. Русская литература в венгерской периодической печати первой половины XIX века // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX-XIX вв. М., 1990.
 28. См. подробнее: Исламов Т.М. Федерализм как способ организации многонационального государства // Национальное движение в Центральной Европе... С.168-169. См. также: Trócsányi Zs. Wesselényi Miklós. Budapest, 1965.
 29. Цит. по: Wagner H. Metternich and the Slavs // Austrian History Yearbook. Heuston. Vol. IV-V. 1968. P. 139.
 30. Pulszky F. Op.cit. P. 139.
 31. Kussuth L. Iratai. XIII köt. Budapest, 1911.4-5 old.
 32. Цит. по: Meszaros J. Op.cit. P. 494.
 33. Denés I.Z. Közüggé emelt kiválltságörzés. Budapest, 1989.
 34. Ibid. P. 38.
 35. Ibid. P. 59.
 36. Kossuth L. Op.cit. P. 4.

С.М.ФАЛЬКОВИЧ

ОТНОШЕНИЕ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ К АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ИДЕОЛОГИИ АВСТРОСЛАВИЗМА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ПАНСЛАВИЗМА И ПАНГЕРМАНИЗМА
(50-70-е годы XIX в.)

Для большинства славянских народов Австрийской империи отношение к ней в значительной мере определялось угрозой пангерманизма и связанной с этим опасной перспективой превращения Австрии в лидера германского мира. Идеи же панславизма в том или ином варианте, наоборот, находили поддержку, в том числе и официальная концепция панславизма, с которой выступал русский царизм. Более того, ряд славянских народов Австрийской империи именно на славянскую политику России делали основную ставку. Панславизм становился козырем в их борьбе против немецкого централизма Вены.

Иначе обстояло дело с Польшей, которая оказалась разделена Россией, Пруссиею и Австриею. Специфика ее ситуации требовала борьбы и против пангерманизма, и против панславизма. Это наложило отпечаток на отношение польского национально-освободительного движения к Австрийской империи, что отразилось как в разработке теоретических положений лидерами различных его течений, так и в самой политической практике польских патриотических "партий" и группировок.

Еще в 50-е годы деятели польской аристократической эмиграции, имевшей центр в парижской резиденции князей Чарторыских - Отелье Лямбер, отмечали более благоприятные, по сравнению с другими частями Польши, условия развития польского народа в Галиции и объясняли это тем, что империя Габсбургов включает в себя слишком много народов, чтобы проводить активную германизаторскую и ассимиляторскую политику. В статьях публициста аристократического лагеря Ю.Клячко идеализировалось отношение Австрии к Польше и польскому вопросу, подчеркивалось, что полное уничтожение национальных чувств поляков не входит в ее задачу, так как усиливает Россию. Клячко отрицал возможность для Австрии как государства "католи-

ческого, феодального и восточного" сыграть руководящую роль в объединении Германии, "подлинный дух которой - мещанский, либеральный и ярко протестантский". Способность к либеральной и реформационной инициативе среди немецких государств он признавал только за Пруссией, историческое же призвание Австрии видел не в германском мире, а на Востоке. В соответствии с этим Отель Лямбер осуждал всякие выступления Австрии в роли немецкой державы. Например, в войне Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г. он стоял на стороне последней, так же как и вся польская демократическая эмиграция. И напротив, всячески приветствовались шаги Австрии, которые, по мнению поляков, были направлены против России и панславизма; делались попытки направить монархию Габсбургов на путь активной восточной политики¹.

Еще накануне Крымской войны Отель Лямбер по подсказке Франции добивался в Вене активного выступления Австрии против России, связывая это с надеждой на отказ Габсбургов от Галиции и постановкой ими польского вопроса. В хлопоты чарторыши удалось вовлечь и некоторых видных галицийских консерваторов, эмиссар Отеля Лямбер вел переговоры в Галиции и в Вене. Несмотря на неудачу этого плана А.Чарторыйский в 1858 г. возобновил переговоры с галицийскими политиками и на аудиенции у Франца-Иосифа предложил ему, как он выразился, "надежды Галиции", заключавшиеся в том, чтобы связать дело восстановления Польши с габсбургской династией. В письме В.Замойского А.Чарторыйскому 14 июля 1859 г. подчеркивалось, что Австрия может сделать себе из Галиции "щит и оружие для достойнейших целей", а Галиция "сумеет быть и терпеливой и верной государству, которое в такой степени возвратит ей жизнь"².

Издание Веной Октябрьского диплома в 1860 г., по мнению политиков Отеля Лямбер, создавало благоприятную ситуацию для действий в этом направлении. В речи А.Чарторыйского 29 ноября 1860 г. говорилось об осознании Австрией своей заинтересованности в восстановлении Польши как средстве спасения империи от развала. Шагом на пути объединения поль-

ских земель должна была стать широкая автономия Галиции и назначение австрийского эрцгерцога ее наместником. В 1860 г. при посредстве Отеля Лямбер видный галицийский политик А. Голуховский обратился к Наполеону III с планом австрийской секундогенитуры для Галиции. Обсуждая с Чарторыскими этот план, он подчеркивал необходимость решения вопроса территориальных компенсаций – отказа Австрии от Венеции, передачи ей Боснии и Герцеговины и вознаграждения Турции за счет Кавказа. Предложение дать Галиции широкую автономию и принца Габсбургского дома в наместники было передано непосредственно в Вену через посольство в Стамбуле³.

Программа, сформулированная Отелем Лямбер и галицийскими консерваторами, определяла их австрофильскую позицию, обусловливая стремление не допустить каких-либо антиавстрийских акцентов в польском национально-освободительном движении. Это наиболее ярко проявилось во время восстания 1863 г. в Королевстве Польском, которое Отель Лямбер и польские консервативные круги хотели использовать лишь как козырь для постановки державами польского вопроса. Созданный во Львове комитет проводил всю работу помочь восстанию таким образом, чтобы воспрепятствовать перенесению борьбы в Галицию, при этом подчеркивалась "благонамеренность" повстанцев в отношении Габсбургской монархии⁴, от которой ожидали активного вмешательства в пользу Польши и предоставления широкой автономии австрийским полякам. Отмечавшееся современниками "холодное отношение к восстанию", продиктованное страхом перед активностью масс, у наиболее реакционной части галицийской шляхты переходило в прямое пособничество австрийским властям в деле преследования повстанцев и конспираторов; они добивались введения в крае военного положения и приветствовали установление "порядка".

Тактика венских правящих кругов способствовала поддержанию австрофильских иллюзий у деятелей польской аристократической эмиграции. Так, в частности, как жест доброй воли Вены они расценили предоставление амнистии повстанцам и создание в 1865 г. консервативного кабинета Белькреди, склон-

ного к признанию автономии провинций. Лоялизм подогревали ожидания, связанные с назначением Голуховского наместником края и начавшейся полонизацией галицийской администрации. Большие надежды в плане реализации программы выдвижения польского вопроса на международную арену вызвала австро-прусская война 1866 г., в которой Отель Лямбер и галицкие политики видели противопоставление католической консервативной Австрии "либеральной" и протестантской Пруссии, олицетворявшей в их глазах идею пангерманизма. В то время как демократическая эмиграция рассчитывала на взаимное ослабление обоих угнетающих польский народ государств, а также на поражение Австрийской монархии в войне с Италией и утверждение тем самым принципа национальности – важного теоретического обоснования возрождения Польши, в то время как развивались планы создания польского легиона в помощь Италии, галицкие магнаты и чарторышина призвали к формированию отряда добровольцев – "кракусов" в поддержку Габсбургов⁵. Отель Лямбер рассчитывал, что таким путем создастся возможность включения польского вопроса в повестку дня европейской политики, и в этой связи В.Чарторыский неоднократно вел переговоры в Галиции и Вене. На основе намеков и туманных обещаний императора и его окружения Отель Лямбер утвердился в своих надеждах и дал соответствующие рекомендации связанным с ним галицким политикам, тем более что они и сами склонялись к подобному курсу, вдохновленные, в частности, одобрительной позицией Вены в отношении проведенных в Галиции консервативных реформ, укреплявших власть польской шляхты⁶.

Социально-экономические интересы были важным, а для определенной части имущих классов Галиции решающим и единственным аргументом в пользу курса австрофильства и лоялизма. Так называемые старые консерваторы во главе с П.Попелем после восстания 1863 г. отвергли "общепольские" планы, выступив против того, чтобы предназначать Галицию роль "польского Пьемонта" – центра сбиения польских земель под эгидой Габсбургов. Они требовали снять с повестки дня воп-

рос о независимости, отказаться от революционных методов национально-освободительной борьбы во имя сохранения национального и социального мира в Галиции и обеспечения тем самым прочности галицийской автономии, гарантии того, что автономия не будет использована против центральной власти. Хотя другая часть "краковских консерваторов" (связанные с Отелем Лямбер "молодые") разделяла эти опасения, она тем не менее продолжала поддерживать "общепольскую" программу и даже в еще большей степени возлагала надежды на австрийскую инициативу в деле восстановления Польши.

Сходную позицию в этом вопросе занимали и сторонники А.Голуховского. Если в 1861 г. Польское коло (польские депутаты венского рейхсрата), определяя программу парламентской борьбы, акцентировало задачу защиты польской национальности от германизма⁷, то в 1866 г. надежды на расширение европейского конфликта и совместное выступление Австрии и Франции против России и Пруссии делали лозунг соглашения с Габсбургской монархией "патриотическим". Добиваясь такого соглашения, Голуховский рассчитывал использовать жупел панславизма для давления не только на польскую, но и на австрийскую сторону, имея в виду факт выступления в это время в Галиции украинских московофилов в пользу России. В декабре 1866 г. сторонники Голуховского и "краковские консерваторы" добились принятия в галицийском сейме адреса императору, где заявлялось о стремлении поляков к союзу с сильной Австрией. Ее исторической задачей авторы адреса провозглашали защиту западной цивилизации, а путь к осуществлению этого видели в предоставлении автономии коронным провинциям Австрийской империи⁸.

О надеждах на Австрию в связи с ее миссией "защиты Европы от России" говорилось в брошюре Э.Бялоскурского в 1867 г., являвшейся как бы официальной программой партии Голуховского⁹. Воздействие на польское общественное мнение, с одной стороны, а с другой - на официальные круги Вены пытались оказать и "краковские консерваторы". В их пропагандистских выступлениях опасность панславизма и связанная с

ней угроза захвата Галиции Российской также фигурировала в качестве аргумента в пользу соглашения поляков с Габсбургской монархией, которое рассматривалось как залог спасения империи от распада и укрепления ее сил. В брошюре Ю.Шуйского "Несколько истин из нашей истории для размышления в настоящий момент" (1867 г.) подчеркивалось, что причина слабости Австрии в забвении ею своей главной миссии на Востоке – быть оплотом против России, что теперь Россия непосредственно угрожает Габсбургам и потому задача борьбы против нее объединяет их с поляками. Шуйский развивал мысль о необходимости для поляков "органического национального развития" в рамках габсбургского государства, Габсбургов же призывал спасти монархию, отказавшись от централизма и используя "идею национальных государств", т.е. преобразовать Австрийскую империю на началах федерализма, который он противопоставлял дуализму¹⁰.

В выступлении Шуйского отразились реалии политической борьбы, происходившей в то время в государстве Габсбургов. Галицкие политики боялись, что дуализм или другие комбинации дадут преобладание какому-либо национальному элементу. Конечно, в свете опасности пангерманизма их, как и чехов, беспокоило возможное господство немецкого меньшинства, хотя Шуйский выступал также и против преобладания славян или венгров. В то же время среди польских консерваторов были сторонники триализма – объединения Габсбургами австрийской, венгерской и польской корон. Да и лозунг федерализации Австрийской империи, за который выступала основная часть галицких политиков, не снимал вопроса о преобладании одних народов над другими, так как предусматривал создание Федерации пяти автономных "исторических" территориальных образований – Австрии, Венгрии, Чехии, Польши (Галиции), Хорватии и не учитывал проживавших на этих территориях "неисторических" народов.

Определяя позицию в борьбе за преобразование монархии Габсбургов, польские политики постоянно оглядывались на такой столь существенный в их глазах момент, как угроза пан-

славизма и царизма. Консервативная пресса подчеркивала, что поддержав Габсбургов, поляки спасут монархию и самих себя от этой угрозы. Галицийские деятели стремились "открыть глаза и совесть венграм и славянам", разъяснить им опасность дуализма для государства. В.Йордан писал в январе 1867 г.: "Если венгры не разглядят, в какую пропасть они толкают себя и другие народы ... то, сдается, еще в этом году Галиция, и дай Бог только ли Галиция, попадет в руки Москвы"^{II}. Не требовать уступок, которые могли бы повредить единству и мощи империи, не нарушать национального равновесия и добиваться автономии для всех "исторических" народов – таков был совет Отеля Лямбер, который призывал поляков, венгров, чехов объединиться против панславизма. Стремление обеспечить участие чехов в таком союзе было дополнительным стимулом борьбы польских политиков против дуализма, победа которого неминуемо толкнула бы чехов в сторону панславизма и России. Одновременно "краковские консерваторы" добивались отказа галицийских украинцев от прорусской ориентации взамен за предоставление им "равноправия" в Галиции.

В борьбе, развернувшейся в связи с преобразованием монархии Габсбургов, активно участвовали не только консервативные политики Галиции, но и либералы – "львовские демократы". По существу их взгляды в отношении Австрии и ее роли в будущем восстановлении Польши, встроенные в контекст проблемы пангерманизма и панславизма, мало отличались от позиции "краковских консерваторов" и партии Голуховского и были окрашены тем же лоялизмом. Лидер либералов Ф.Смолька еще в 1860 г. пытался вступить в переговоры с правительством и вместе с А.Сапегой ездил в Вену. В 1861 г. в рейхсрете он рекламировал автономию Галиции и других австрийских провинций как средство спасения монархии. В среде "львовских демократов" существовало и радикальное крыло, настроенное против соглашения с Веной, но оно было слабо, что проявилось во время восстания 1863 г.: несмотря на провозглашение антиавстрийского курса умеренное большин-

ство возобладало в краковской Главной галицийской раде, призвавшей избегать столкновений с австрийскими властями. Революционная борьба масс испугала имущие классы Галиции, заставила искать поддержки у австрийского правительства, в обществе усилились австрофильские настроения. Ощущение угрозы социальному порядку ускорило политическую консолидацию в господствующем лагере, сблизив консерваторов с либералами, особенно с их правым крылом. Именно в кругу право-либеральных политиков родилась идея выделения Галиции в рамках дуалистической монархии. Однако среди либералов преобладали симпатии к федерализму как антитезе дуализма. Последний либеральная "Газета народова" считала гибельным для Польши, так как он толкнул бы славянские народы Австрийской империи в объятия панславизма. В этой связи газета подчеркивала: "Наш национальный интерес диктует, чтобы равная справедливость была оказана всем историческим народам, ибо только тогда Галиция сможет сохранить данный ей статус"¹².

Таким образом в программе федеративного преобразования империи "львовские демократы" делали акцент на предоставление автономии Галиции и другим "историческим" провинциям как единственное средство спасения монархии. По проекту Смольки число таких "исторических" групп земель было сведено к четырем (немецкие, венгерские, польские и чешские провинции). Этот проект "львовские демократы" отстаивали в рейхсрате вместе с чешскими депутатами. В то же время Смолька связывал идею федерации с лозунгом польской гегемонии среди славян¹³ с целью борьбы против панславизма и укрепления монархии Габсбургов. В проекте устава возглавленного им Национально-демократического общества, возникшего во Львове в 1868 г., говорилось: "Будучи гражданами великой и могучей державы, какой является Австрия, мы должны стараться всеми средствами показывать властям, что только при условии, если она будет нас поддерживать, сама она, а именно ее династия, сможет существовать"¹³. В документах Общества проводилась мысль, что восстановление Польши яв-

ляется необходимостью для Габсбургов и для Европы, выдвигалось требование определить отношения Галиции с монархией "на основе федерации и признания исторической индивидуальности", звучал призыв бороться против панславизма и поддерживать стремления славянских народов к самостоятельному развитию, добиваться, чтобы Польша стала для них центром притяжения¹⁴. И хотя во время обсуждения документов Общества на массовых митингах проявлялись явные антиавстрийские настроения (что повлекло даже репрессии правительства против Общества), в целом его программа опиралась на концепцию австрофильства. Отличие "львовских демократов" от консерваторов в этом вопросе заключалось лишь в том, что в идее лояльности монархии Габсбургов как защитнице поляков от царизма они видели не принцип, а только средство, служащее национальным интересам польского народа.

Австрофильство наложило отпечаток и на последующую политику галицийских деятелей, когда они оказались перед фактом принятия Веной не федеративной, а дуалистической модели. Создание дуалистической Австро-Венгерской монархии означало усиление немецкого влияния в Цислейтании – невенгерской части империи. Однако это не повлекло за собой активизации борьбы галицийских политиков на антигерманском фронте. Наоборот, после 1867 г. становится все более твердым их антирусский курс, все большее внимание направляется на борьбу с панславизмом. Лелея надежду на скорую войну Австро-Венгрии против России, Отель Лямбер видел в Галиции плацдарм для выступления австро-венгерской армии и формирования польских отрядов. Мысль о стратегической роли Галиции развивалась в мемориалах чарторышины для австрийских военных властей на протяжении конца 60-х годов. В 1867 г. во время визита Франца-Иосифа в Париж польская аристократическая эмиграция и галицийские магнаты из свиты императора делали попытки при помощи Наполеона III добиться согласия Габсбургов на предлагаемый поляками курс¹⁵. Его антирусская направленность выражалась и в стремлении противопоставить "русскому панславизму" идею "польского славизма", выдвигаемую под ло-

сунгом "защиты католицизма". Идею славянской взаимности польские консерваторы связывали с предоставлением автономии землям Австрийской империи, населенным славянами, объединением их в федеративном союзе с другими народами под скипетром Габсбургов. Эта концепция австрославизма предполагала, что главная роль в такой федерации перейдет к венграм и славянам, а среди последних особое место займут поляки. Еще в 1846 г. А.Фредро писал Ф.Стадиону, что автономная Галиция "станет крепостным валом и пунктом опоры для многих славянских поколений, собранных под отеческой властью австрийского дома"¹⁶. Исходя из такой позиции, польские консерваторы стремились укрепить свои связи с чехами, хорватами, сербами, словенцами, теснее сотрудничать с ними в венском рейхсрате и, в частности, в парламентском клубе автономистов, выступившем против централизма. Польское коло старалось при содействии Отеля Лямбер окказать влияние на славян (в том числе на хорватов и сербов), чтобы способствовать их примирению с венграми. Делались также попытки укрепить влияние Австрии среди угнетенных Турцией славянских народов. Используя давние связи на Балканах, аристократическая эмиграция посыпала эмиссаров в юнославянские страны для ведения соответствующей пропаганды¹⁷. Польские политики содействовали также сближению Австрии и Турции, выступали посредниками в переговорах между ними. При посредстве поляков в августе 1867 г. было подписано тайное австро-турецкое соглашение, направленное против панславизма и России¹⁸.

Следуя этому курсу, польские консерваторы перед лицом краха своих федеративных планов предпочли отказаться от борьбы за федерацию и широкую автономию для Галиции. Правда, Отель Лямбер на первых порах не одобрил такой линии и предлагал Польскому колу продолжать в рейхсрате борьбу против дуализма, чтобы оправдаться в глазах чехов и других австрийских славян и помешать их сближению с Россией¹⁹. Вся польская эмиграция предостерегала против угрозы панславизма в связи с подготовкой в 1867 г. Славянского съез-

да в Москве. Перед съездом в Париже состоялись переговоры деятелей Отелья Лямбер и представителей польской демократической эмиграции с чешскими консерваторами Ф.Палацким и Ф.Л.Ригером. Ю.Клячко в статье, опубликованной в "Ревю де до монд" уже после съезда и посвященной его результатам, вновь призывал чехов объединиться против панславизма, но при этом прозвучала националистическая нотка, когда он сравнивал поляков, чехов и сербов²⁰. Однако спустя некоторое время Отелья Лямбер стал осуждать союз с чехами, последовательно выступавшими за федерализм; на них в первую очередь падали подозрения в симпатиях к России и панславизму. Была осуждена и сама идея федерализма как вредная утопия, выдумка врагов Австрии.

Стремясь направить галицийское общество на путь сотрудничества с Веной, консерваторы прибегли к демагогии, пугая угрозой крестьянского восстания. Предостерегая от революционных выступлений, авторы памфлета "Портфель Станьчика", выпущенного в 1869 г. группой издателей журнала "Пшеглёнд польский" – органа "молодых" консерваторов, представляли австрийскую власть как законное продолжение польской государственности, а Франца-Иосифа как законного наследника польских королей²¹. В речи 3 мая 1870 г. В.Чарторыйский одобрил дуализм, признал необходимым сохранение политического единства Цислейтании, отверг возможность сотрудничества с чешской и вообще со славянской оппозицией. Вместе с тем он высказался за такое федеративное устройство, которое привело бы к объединению в рамках империи Габсбургов большинства польских земель: "Наш идеал, – заявил он, – великая федеративная монархия от Черного моря до Балтики, вмещающая все те народы, которые уже однажды в истории, в хувеке, были объединены под эгидой одной династии, сохранив кажды свою независимость. Такая федерация необходима для свободы мира, чтобы Россию территориально отделить от Пруссии и закрыть ей дорогу на Константинополь; она необходима для европейского равновесия, чтобы заменить бывший Германский союз, разбитый в 1866 г., и выполнить его зада-

чу создания противовеса державам оси"²².

Подобные акценты содержала и речь Клячко во львовском сейме в 1870 г. Он настаивал на австро-французском сближении и декларировал неизменную связь Галиции с Австрией, готовность поляков быть посредниками в деле умиротворения народов империи. Выступая в самый канун франко-пруссской войны, Клячко напомнил о роли прусских крестоносцев в истории славян и призвал к борьбе против германизма²³. Однако расчет здесь был не только на вовлечении Австрии в борьбу против пруссаков, но и на то, что в таком случае Россия вмешается в войну на стороне Пруссии и создастся благоприятная ситуация для постановки польского вопроса. Надежда на это была всеобщей и, в частности, послужила причиной отказа Ф.Смольки от оппозиционной тактики в отношении Вены, которой он придерживался после введения дуализма²⁴. Деятели праволиберального толка также заявляли о враждебности как панславизму, так и пангерманизму. Именно этим мотивировал Ф.Земляковский поддержку польскими депутатами рейхсрата закона о всеобщей военной службе в 1868 г., подчеркнув, что монархии Габсбургов угрожают Россия, и Пруссия, а потому нужно укреплять ее вооруженные силы²⁵.

Сохранение Австро-Венгрией нейтралитета во франко-пруссской войне, а затем поражение Франции и торжество пруссаков, в зависимости от которых оказалась Габсбургская монархия, – все это нанесло надеждам галицийских поляков сокрушительный удар и, по существу, заставило отказалось от планов активной борьбы против панславизма и пангерманизма, встать на путь безоговорочного сотрудничества с австрийским правительством. Так, в 1873 г. В.Чарторыйский, выступая против ухода польских автономистов из рейхсрата, указывал, что в условиях союза России и Пруссии нельзя ссориться с Веной²⁶. Кроме того, польских консерваторов не оставляла мысль о возможности добиться от Габсбургов в будущем реализации модели "триады" – предоставления Галиции статуса, подобного статусу Венгрии. Г.Вызынь-

ский еще в августе 1868 г. писал В.Чарторыскому, что "нужно медленно, осторожно подготавливать дорогу для мысли о трех коронах, время которой близится"²⁷.

При этом нужно отметить, что консервативные политики Галиции с самого начала подчеркивали возможность сотрудничества только с консервативно-монархической Австрией, на- чисто отвергая всякий компромисс со "шмерлинговско-централистично-доктринерско-конституционно-немецкой утопией"²⁸. Либерализм для них был однозначен с централизмом, протестантизмом и пангерманизмом. Галицийские политики и польская аристократическая эмиграция видели союзников в кругах, близких к монархии, в созданных этими кругами кабинетах Белькреди, Бейста. Контакт с ними осуществляла группа польских деятелей в Вене, связанная с Отелем Лямбер (К.Рогавский, В.Големберский, В.Милович, Б.Гольдман). Она имела сношения также с венской прессой. В Вене выходила газета "Ле Мессажер де Вен", издававшаяся Б.Воловским при участии польских сотрудников²⁹.

Контакт Отеля Лямбера и связанных с ним лиц с представителями влиятельных кругов Австрии обеспечивал информацию для галицийских политиков, а в ряде случаев оказывал существенное влияние на их позицию. Вена пользовалась посредничеством польской аристократической эмиграции, чтобы инспирировать желательную для нее политику поляков, оказывать на них давление³⁰. Одним из направлений деятельности австрийских правящих кругов было внедрение в польское общество определенных идей, формирование общественного мнения и настроений. При этом в ход шла и демагогия: так, полуофициальный орган Бейста венская "Ди Дебат" писала, что Австрия должна восстановить Польшу в собственных интересах и для искупления "греха" – участия в ее разделах; она внушала полякам мысль о необходимости сотрудничества с Веной и следования "дорогой прогресса". В 1869 г. газета опубликовала программу торжеств, связанных с 300-летием Люблинской унии, а в связи с церемонией перезахоронения праха польского короля Казимира Великого напоминала о надеждах

польского народа на историческую справедливость³¹.

Если консервативная польская эмиграция и господствующие круги Галиции стремились к сотрудничеству с Габсбургской монархией, то позиция демократических эмигрантов и радикальных элементов галицийского общества носила ярко выраженный антиавстрийский характер; лозунг борьбы на два фронта – против панславизма и против пангерманизма осуществлялся ими последовательно. Однако ненависть к монархии Габсбургов и к пангерманизму не означала неприязни к немецкому народу. В 1866 г. орган демократической эмиграции "Голос вольный" писал, что борясь за объединение Германии, немецкий народ борется за справедливый "принцип национальности"³². Громада Революции "Лондон" (одна из польских социалистических организаций в эмиграции), выступая за объединение славян против Австрии и Пруссии, заявляла, что нужно уничтожить не германские народы, а их правительства и тем самым освободить их³³. Польским демократам ненавистна была феодальная католическая Австрийская монархия – "сторож огромной тюрьмы народов", и они яростно атаковали программу польских "угодовцев" – сторонников соглашения с Веной, так как эта программа была нацелена на внутреннее укрепление и усиление империи. Планам союза и сотрудничества с Австро-Италией демократы противопоставляли планы совместной борьбы революционных народов против Габсбургов³⁴.

Такие планы развивались в конце 50-х годов в обстановке ожидания новой фазы борьбы Италии за воссоединение. Предполагалось, что с началом австро-итальянской войны возникнут волнения в провинциях Австрийской империи, в том числе в Галиции, Венгрии, Банате и Трансильвании. Поскольку вторжение в последние области должно было произойти через побережье Адриатики, предусматривалось, что к восстанию примкнет и население Хорватии. Для подготовки Галиции к выступлению представитель польской демократической эмиграции приехал во Львов, где вели переговоры с Я.Добжаньским, Ф.Земялковским, Павликовским и другими деятелями либераль-

но-демократического лагеря³⁵.

Польские эмигранты демократического толка активно сотрудничали в это время в Центральном комитете европейской демократии и находились в непосредственном контакте с Д.Мадзини, Д.Гарибальди, Л.Кошутом, Д.Клапкой, И.Тюрром, Ф.Пульским, Э.Кватерником и другими итальянскими, венгерскими, югославянскими революционерами. На протяжении 1859-1862 гг. З.Милковский, В.Мицкевич, Л.Мерославский, Ю.Высоцкий и др. вели с ними переговоры и совещания, согласовывая сроки одновременного выступления в Польше, Венгрии, в районе Адриатики и Далмации. Велись военные приготовления в Молдавии, которая рассматривалась как плацдарм для удара на Галицию и Украину; проводилась также подготовка и на территории Балкан, где сосредоточилась значительная часть польских эмигрантов³⁶. В Италии формировались венгерский и польский легионы, была открыта военная школа для обучения польской молодежи, поляки принимали участие в походах Гарибальди. Еще в 1859 г. была сделана попытка создать легион польских гарибальдийцев для вторжения в Венецию, а оттуда в глубь Австрии.

С энтузиазмом сражаясь за дело Италии, польские патриоты воспринимали это как борьбу против одного из угнетателей Польши. Польская эмигрантская печать писала о необходимости революционного союза с итальянцами и венграми против общего врага. О традициях революционной солидарности Польши и Венгрии напоминал З.Милковский³⁷. Мерославский в документе, озаглавленном "Выводы из соглашений между генералами Мерославским и Гарибальди, утвержденных 26 января 1861 г.", указывал, что нужно "прежде всего разделить австрийское чудовище между пятью нормальными национальностями, включенными в его состав, не считая Венеции". "Этот предполагаемый распад, - заявлял он, - выделит Галицию, возвращающуюся к своему польскому целому; немецкие края, возвращающиеся к своей германской автономии; Венецию, возвращающуюся в Итальянское государство; Чехо-Моравию, собственно Венгрию и Югославищину"³⁸.

По мнению Мерославского, "австрийская развалина" представляла собой "лишь одни из ворот, через которые Легион пробьется в лоно Нации". Выдвигая лозунг: "нужно пробиваться к живой Польше через мертвую Австрию", он напоминал, что царский указ квалифицировал революционную деятельность, направленную против Австрии, как нацеленную и против России³⁹. Тем самым подчеркивалась обусловленность борьбы на два фронта – как против германских, так и против славянских угнетателей. Такой подход был как нельзя более актуален в условиях нараставшего в Королевстве Польском патриотического движения и начавшейся там подготовки к восстанию. При этом весьма важными оказались контакты, установленные ранее демократической польской эмиграцией с итальянскими, венгерскими, румынскими, югославянскими революционерами. Переговоры относительно общих планов борьбы вели с ними в 1862 г. Ю.Нажимский, один из активных деятелей конспиративной организации в Варшаве, а затем уже от имени Центрального Национального Комитета – руководящего органа этой организации – В.Милович, Ю.Цверцякевич, З.Падлевский. Пригодились и связи Милковского, который стал агентом ЦНК на Востоке и землях Украины, а позже был назначен представителем повстанческого правительства в Сербии. Милковский также выступал за освобождение Польши из-под ига России и Австрии. Сторонник революционного союза поляков с другими народами, и прежде всего венграми и южными славянами, он предсказывал: "Польское восстание ... вызовет движение в Австрии, а именно в Венгрии, Чехии, в Ломбардии ... оно вызовет второе издание итальянской войны 1859 г. ... эти движения освободят Галицию и создадут нам основу для регулярной войны против России"⁴⁰.

Исходя из такого взгляда, Милковский вел работу в Дунайских княжествах и на Балканах, готовя оружие, формируя военные отряды. На него возлагалось проведение организационной подготовки на украинских землях России и Австрии, поддержание связей с Галицией. В Галиции действовали и эмиссары Мерославского. Генерала поддерживала львовская

"Газета народова"; группа его сторонников во Львове во главе с Я.Чарнецким имела свою печать, собирала средства на восстание и на формирование легиона. Мерославский установил связь и с краковской Главной галицийской радой, а ее руководителя А.Щепаньского назначил организатором для Галиции, посыпал ему революционную литературу и планы организации. Он наладил контакт с революционными элементами Тарнува и Станиславова. Всего организация Мерославского в Галиции насчитывала до 200 человек⁴¹.

Стремление левого крыла польского национально-освободительного движения распространить восстание на Галицию, выступить одновременно и против австрийского ига в союзе с другими угнетенными Австроией народами встречало в их среде горячий отклик. В поддержку повстанцев выступали как итальянская и венгерская революционная эмиграция, так и общественность этих стран, а также младочешская оппозиция, словацкие и сербские леволиберальные и радикальные круги, хорватские праваши, рассчитывавшие, что польское восстание повлечет за собой международный конфликт, распад империи Габсбургов и освобождение порабощенных ею народов. Многие представители этих народов спешили на помощь повстанцам, непосредственно участвовали в их борьбе. В.Милович вел переговоры о создании 20-тысячного легиона под венгерскими знаменами. Но в повстанческом правительстве преобладали противники революционного союза, разделявшие консервативную концепцию решения польского вопроса дипломатическим путем с помощью вмешательства западных держав. Они противились распространению восстания на Галицию, избегали каких бы то ни было антиавстрийских акцентов в политике и потому требовали, чтобы венгерский легион выступал без национальной символики и ни в коем случае не действовал в Галиции. По тем же причинам не был реализован план экспедиции в Польшу итальянских добровольцев под руководством Менотти Гарибалди; тем не менее отряд под командой полковника Ф.Нулло храбро сражался в восстании⁴².

Хотя планы перенесения восстания в Галицию и совмест-

мого удара на Австрию не осуществились, они представлялись Вене достаточно реальными и опасными. В феврале 1864 г. в переписке австрийских официальных лиц сообщалось о сближении галицийского комитета с революционной партией, имеющей целью в течение нескольких месяцев подготовить вооруженное выступление, скоординированное с восстаниями в Италии и Венгрии. В этой связи граф Й.Рехберг писал: "Нельзя игнорировать тот факт, что революционная партия этого края (Галиции. - С.Ф.), которая тесно связана с партией, действующей в Королевстве Польском, старается в последнее время подготовить всеми средствами всеобщее восстание в Галиции, и те разоблачения, каковые сделаны местными властями, дают явное доказательство, что существует согласие между этой партией и венгерскими и итальянскими революционерами, цель которых очень легко отгадать". Чтобы "защитить общественный порядок и целостность империи", правящие круги Австрии считали необходимым принять "чрезвычайные меры"⁴³. Одной из таких мер стало введение в Галиции военного положения.

Эта акция лишь усилила антиабсбургские настроения среди демократических группировок польского патристического лагеря. Восстание клонилось к упадку, и спасение его они видели единственно в объединении освободительных усилий поляков и других народов, порабощенных тем же ярмом. Повстанческое правительство, в котором произошли перемены, поручило В.Пшибыльскому и Ю.Орденге предпринять переговоры с итальянскими и венгерскими революционерами, и в марте 1864 г. был заключен оборонительно-наступательный пакт, провозгласивший братское сотрудничество польского, венгерского и хорватского народов, а в июне Орденга и Гарибалди подписали польско-итальянский союзный трактат, в котором декларировалось единство действий против общего врага - Австрии. Предполагалось одновременное выступление поляков и итальянцев со стороны Румынии и Италии после двухлетней подготовки и дополнительной проработки военных и финансовых планов. К соглашению мог присоединиться любой народ,

борющийся против Австрии, прежде всего венгры и хорваты. Последние же в лице Кватерника уже обязались "всеми силами служить объединению всех народов против австрийского господства ... сделать все для объединения ... Хорватии с Польшей, Италией, Венгрией, Чехией и всеми национальностями, угнетенными общим врагом, и целеустремленно добиваться их общего освобождения"⁴⁴.

Курс на революционное сотрудничество с народами Австрийской империи стремились реализовать, наряду с повстанческим правительством, и возникшие в это время за границей польские революционные организации. Так, созданный в Дрездене Союз патриотов во главе с Я.Кужиной вел переговоры с Кошутом и Мадзини, а Польский революционный центр (Огниско) в Лондоне, возглавленный Л.Булевским, заявив о необходимости "объединить дело Польши с делом всех угнетенных наций и особенно Италии и Венгрии", обратился к Гарибальди. Вместе с Центральным комитетом европейской демократии Огниско начало разработку плана одновременного восстания в Венгрии и славянских землях Австрии, поддержанного гарибальдийской экспедицией в Далмацию. Был начат сбор средств, делались попытки сформировать в Италии польский и славянский легионы, а в Молдавии создать венгерские и польские отряды, предназначенные для вторжения в Галицию и южные губернии России или в Трансильванию. Для подготовки дalmatinской экспедиции были посланы эмиссары в Хорватию; активная работа велась среди южных славян: в частности в Черногории и Сербии, занимавшей важное место в планах антиавстрийского выступления, действовал Милковский как представитель повстанческого правительства. На Балканах энергичную деятельность развивал Ю.Гауке-Босак, занимавшийся подготовкой военных сил в Галиции и Молдавии. Ставилась также задача вести агитацию в Герцеговине⁴⁵. Все эти активные усилия способствовали созданию у польских патриотов настроения подъема и нетерпеливого ожидания. Польская повстанческая газета "Глос з Литвы" утверждала в марте 1864 г.: "...не хватает лишь первой искры, чтобы вспыхнул пожар, зарево которого отразится в водах Вислы и Дуная"⁴⁶.

Решимость польских патриотов дать бой на Висле и Дунае сразу двум врагам – России и Австрии не имела реальной опоры в собственных силах повстанческого движения, которое в 1864 г. уже явно шло на убыль. Она опиралась главным образом на веру в эффективность объединенных усилий участников революционного союза народов. Вместе с тем эта решимость подтверждала верность польских демократов принципу борьбы на два фронта – против панславизма и пангерманизма: привлекая славян к сотрудничеству, поляки отрывали их от России и идеи панславизма; направляя же удар против Австрии, они были и по оплоту пангерманизма – Пруссии, которая в это время заключила с монархией Габсбургов военный союз и вместе с ней выступила против Дании. Между союзниками предусматривалась секретная договоренность на случай национальных волнений в Австрийской империи: прусские войска обязывались прийти на помощь, если бы при объявлении Австрии войны Италией восстали славяне или венгры⁴⁷.

В этой ситуации понятной становилась позиция тех польских революционеров, кто призывал бороться не только против России и Австрии, но и против Пруссии. С таким призывом выступали Я.Дзялынский и Босак, стремившиеся мобилизовать на продолжение борьбы все силы поляков в Галиции, Познанщине, за границей. Серьезного внимания к военной организации Галиции и Познанщины требовали А.Гуттри и Я.Кужина от имени Союза патриотов. Агенты Союза были посланы в Краков (А.Зеффрид, И.Мархвинский, С.Рамлов) и Львов (К.Уейский) для подготовки выступления в Галиции, а когда летом 1864 г. Кужина был назначен заграничным представителем повстанческого правительства, он выдвинул программу: "Народ и война, восстание в Галиции и Познани". Ц.Аккорд стал комиссаром в Галиции, А.Зеффриду как члену штаба Босака поручалось организовать в Кракове отряд для военных действий в Саномирском и Люблинском воеводствах, поддержать которые должно было выступление сформированного в Турции легиона. Кужина старался укрепить связи с итальянскими, венгерскими, чешскими революционерами, обсуждал с ними планы совместных действий, осуществля-

вление которых намечалось на весну 1865 г. С начала этого года к ним подключился Представительный комитет – заграничная организация, сделавшая последнюю попытку поддержать восстание в Королевстве Польском с помощью революционного союза народов. И у этих польских патристов идея союза сохранила антиавстрийскую интерпретацию, а их практические усилия были направлены, в частности, на формирование в Турции польско-венгерских отрядов общей численностью до 8 тыс. человек, которых предполагалось разместить в Северной Dobрудже и близ сербской границы⁴⁸.

Хотя реализовать революционные планы в создавшейся международной ситуации, в условиях полного подавления повстанцев в Королевстве Польском оказалось невозможным, идея борьбы с габсбургским игом продолжала жить. В 1866 г. не прекращались усилия польской демократической эмиграции возродить революционную организацию в Галиции. В частности, отмечались активные попытки Мерославского засыпать в Галицию эмиссаров для ведения пропаганды и организационной работы. Антигабсбургской направленностью характеризовались и контакты поляков с чехами и сербами в Славянском клубе. В момент, когда Австрия оказалась втянутой в войну против Италии и Пруссии, а в Венгрию вступил легион под началом Клапки, польские революционеры попытались также сформировать в Италии свой легион. Это отнюдь не означало поддержки Пруссии против Австрии, расчет был на взаимное ослабление обоих угнетателей польского народа и на победу Италии, которая позволила бы оторвать от монархии Габсбургов Венецианскую область и помочь итальянскому народу воссоединиться⁴⁹.

В результате поражения Австрии эта цель была достигнута. Но одновременно оказалось, что поляки потеряли одного из участников антигабсбургской коалиции – Италию, решившую свои проблемы. В 1867 г. после преобразования Австро-Венгерской империи в дуалистическое государство от революционного союза отпала и Венгрия. Тем не менее демократическое крыло польского национально-освободительного движения не отказалось от антигабсбургского курса и продолжало разработку

планов освобождения Галиции как базы дальнейшей освободительной борьбы. В этом участвовали, в частности, деятели демократической эмиграции Босак, Я.Домбровский, В.Врублевский, М.Гайденрейх и др.⁵⁰ При этом Домбровский, например, рассчитывал на оставшиеся в Галиции после восстания элементы военной и гражданской организации. Представительный комитет Объединения польской эмиграции (Зъедночена) – организации демократического направления – высылал в Галицию эмиссаров. Была создана тайная организация, имевшая связи с Украиной и Литвой⁵¹. В расчет бралось и то, что в Галиции оказались многие из участников революционной борьбы в Королевстве Польском, сохранившие свой революционный потенциал⁵².

Польские демократы по-прежнему считали неизбежным распад государства Габсбургов, основывая это мнение, в частности, на взглядах чешских и хорватских радикальных деятелей. Связи со славянскими, и в первую очередь, с чешскими союзниками силой обстоятельств выдвинулись для польских революционеров на одно из первых мест. Прежде всего им импонировала последовательная и упорная оппозиционность чешских радикалов в борьбе против дуализма, и эту черту демократическая польская пресса за границей подчеркивала и ставила в пример. Контакт поляков с радикалами-младочехами осуществлялся главным образом через Й.Фрича, сотрудничавшего в органе Зъедночена "Неподлеглость", связанного также с редакциями "Огниска", "Ле Пёпль Полонез", постоянно поддерживавшего сношения с З.Милковским, В.Мицкевичем, Я.Н.Яновским, Я.Домбровским, Ю.Гауке-Босаком, с братьями Куланьскими, которые, как и Фрич, входили в Славянское коло в Париже. Эти деятели демократической польской эмиграции имели и непосредственные контакты с Прагой, со многими чешскими политиками и редакциями изданий⁵³.

Польскую и чешскую демократическую эмиграцию связывала общая ненависть к Австрии, стремление вместе бороться за свободу и побрататься на развалинах Австрийской империи. Польские эмигранты с горячим энтузиазмом встретили выступ-

ление Фрича в 1860 г. в Париже в годовщину польского восстания 1830 г., когда он призывал к солидарности против общего врага – монархии Габсбургов. Во время восстания 1863 г. чешские революционеры непосредственно продемонстрировали солидарность с поляками: некоторые, как, например, Фрич, пошли на службу повстанческому правительству, другие сражались в рядах повстанцев и подвергались репрессиям, в том числе и со стороны австрийскихластей. Член чешско-польского общества в Базеле польский эмигрант П.Рамлов напоминал в 1864 г., что братство поляков и чехов родилось в австрийских тюрьмах. В середине 60-х годов антиавстрийские акценты звучали и в публикациях польской эмигрантской прессы, связанных с 500-летием Я.Гуса⁵⁵. После разгрома Габсбургов в войне с Пруссией, в обстановке борьбы за федерализм против дуалистического преобразования монархии близость позиции польских и чешских демократов в вопросе о судьбе общего врага стала еще более явственной. "Неподлегłość", публикуя мнение Фрича о неизбежности распада Австрийской империи, соглашалась с ним, подчеркивая, что нельзя "омоложение этого одряхлевшего государства" ставить в зависимость от осуществления принципов автономии и федерализма, хотя и следует за это бороться. В отличие от консервативных и либеральных политиков в Галиции и эмиграции, демократическое крыло польского патристического движения не стремилось "омолодить", спасти монархию Габсбургов. "Неподлегłość" писала в октябре 1867 г.: "Как поляки мы не хотим Австрии сильной, потому что сильная отобрала бы и те крупицы свободы, которой сейчас дышит Галиция; как люди с совестью мы не хотим Австрии сильной, так как сильная снова стала бы стражником огромной тюрьмы народов; как люди мыслящие мы не хотим сильной Австрии, потому что знаем, что это нереально". В том же 1867 г. ряд радикально настроенных польских эмигрантов (Я.Амборский, Ю.Жулиньский, В.Костшевский, Галушкевич) от имени Представительного комитета Зъедночения передали чехам мемориал, главный лозунг которого звучал так: "Сначала освободимся от оков, а потом побратаемся!"⁵⁶.

Мемориал был связан с открывшимся в Москве Славянским съездом и самым непосредственным образом касался актуальных для польских патриотов вопросов борьбы против панславизма и пангерманизма, против централизма и дуализма в государстве Габсбургов. В этой связи вставал вопрос о федерации, в том числе славянской, о "братании" с чехами и другими славянскими народами Австрийской империи. Призыв побрататься после освобождения нес в себе широкие возможности интерпретации: речь могла идти как о федеративном объединении народов в рамках Габсбургской монархии на основе автономии, так и о создании федерации на руинах империи после ее распада, шагом к которому радикальная демократия считала, в частности, автономию. В любом случае это была не австрофильская, а антиавстрийская позиция. Тем более отрицательно относились польские демократы к концепции австро-венгерского дуализма, так как видели в таком разрешении венгерского вопроса, с одной стороны, укрепление империи Габсбургов, потерю в лице венгров важного союзника в борьбе против Вены, а с другой - усиление позиций немецкого и мадьярского национальных элементов, тяжелые последствия для поляков и других славянских народов. Еще в 1865 г. эмигрантская "Ойцизна" атаковала идею дуализма, предупреждая, что он будет означать заострение политики против Галиции. В 1868 г. "Неподлегость" осудила предложенный галицкими консерваторами план присоединения Галиции к Венгрии в рамках дуалистической системы, поскольку его реализация поставила бы чехов и других славян в полную зависимость от немцев, а значит, лишила бы поляков поддержки их "естественных союзников" в борьбе с Габсбургами и способствовала успеху панславистской пропаганды у славянского населения империи⁵⁷.

Пресса демократической эмиграции с одобрением отмечала те антиавстрийские акценты, которые проявлялись в выступлениях львовского Национально-демократического общества в период установления дуализма, и, в частности, идею поддержки национальных устремлений славянских народов. Но в

отличие от либерального руководства Общества, стремившегося в союзе с чехами и другими славянами добиться федерализации государства Габсбургов и тем самым продлить его жизнь, радикальные польские демократы формулировали лозунг антиавстрийского выступления поляков в союзе со славянскими народами империи во имя ее уничтожения. За ликвидацию монархии Габсбургов и создание на ее основе славянской федерации выступал участник восстания 1863 г. К.Микошевский. Ю.Гауке-Босак подчеркивал, что "либеральные" и "федералистские" тенденции Австрии представляют собой обман, что подлинная федерация строится не на принципе "разделяй и властвуй", а на основе соглашения свободных народов и означает конец империи. Угнетенным славянским народам, заявлял он, не нужны реформы, цель которых – спасти монархию, усилив "господство немецкого меньшинства над славянским большинством"⁵⁸.

Идею славянской федерации польские демократы связывали с задачей борьбы как против пангерманизма, так и царского панславизма. Милковский призывал к союзу славян против Габсбургов, царизма и Османской империи и вел в Белграде работу в этом направлении. Эмигрантская организация Громада Революцийна "Лондон", стремившаяся установить тесную связь с Чехией и Моравией, считала первоочередной целью объединения славян борьбу против Австрии и Пруссии⁵⁹. По-разному решался вопрос о гегемонии внутри славянского союза: ряд деятелей демократической эмиграции (З.Милковский, Я.Домбровский, В.Хельтман) в связи с антиавстрийской направленностью планов славянской федерации были склонны признать руководящую роль за чехами, тогда как Национально-демократическое общество и некоторые политики консервативного и либерального толка отдавали пальму первенства полякам как центру славянского мира. Этот взгляд разделяли и отдельные представители славянских народов империи: например, Фрич подчеркивал значение для славян последовательной борьбы поляков с панславизмом и царизмом и предлагал обсудить вопрос о подготовке ими собственного славянского кредо в целях ведения агитации среди славян (особенно сре-

ли чехов) и противодействия панславистской пропаганде⁶⁰.

Последовательная позиция польских демократов в славянском вопросе, принципиальное неприятие ими концепций панславизма и австрославизма, их недоверие и неприязнь к Габсбургам тем не менее не исключали определенных иллюзий, связанных с расчетом на то, что международная ситуация может заставить Австрию попытаться найти опору в славянских народах, предоставить им автономию, создать федеративное государство. Так, в 1870 г., когда наметилась перспектива франко-пруссской войны, завороженные надеждой на выступление Австрии в поддержку Франции и постановку ими польского вопроса в повестку дня, некоторые круги демократической эмиграции отступили от антигабсбургского курса. Газеты "Глос вольный" и "Жеч посолита Польска" заверяли Вену в лояльности галицийских федералистов, доказывали, что федерация сделает Австрийскую монархию сильной и великой, приведет к расцвету свободы, просвещения и всеобщему благосостоянию на всей ее территории⁶¹.

Эти выступления были неискренними, конъюнктурными, и их бесплодность стала ясной очень скоро. Они не могли повлиять на главную политическую линию польской демократической эмиграции, которая в 50–60-е годы XIX в. неизменно выступала под лозунгом освобождения народов Австрийской империи. Именно демократическая часть польского патриотического лагеря последовательно отстаивала принцип борьбы на два фронта и действительно боролась против пангерманизма и панславизма всеми средствами. Отбрасывая различные модификации подобных идеальных концепций, она отвергала также австрофильство и австрославизм, которые для консервативных и либеральных кругов в Галиции и эмиграции служили постоянным элементом идеологического обоснования проводимой ими политики лоялизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Wiadomości Polskie. Paryż, 27.XI 1858; Klaczko J. Stu-dia dyplomatyczne. Sprawa polska – sprawa duńska(1863–1865). T.I. Kraków, 1903; Borejsza J.W. Emigracja polska po pow-staniu styczniowym. Warszawa, 1966.S.288–289.

2. Jenerał Zamojski (1803-1868). T.6. Poznań, 1936. S. 301.
3. Zdrada J. Sprawa autonomii galicyjskiej w polityce Hotelu Lambert w latach 1854-1873 // Studia historyczne. Kraków, 1967. Z.3/4 (38/39). S.44, 54-56.
4. Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863-1864 rr. T.3. Lwów, 1890. S.93-104; Homołę-Dzikowska J. Mikołaj Zyblikiewicz (1823-1887). Wrocław-Warszawa-Kraków, 1964. S.30.
5. Borejsza J.W. Op. cit. S.257-258.
6. Zdrada J. Op. cit. S.59-61.
7. Zdrada J. Organizacja i stanowisko Koła Polskiego w wiedeńskiej Radzie Państwa 1861-1862 //Zeszyty naukowe UJ. LXI. Prace historyczne.Z.12. Kraków, 1963. S.75.
8. Galicja w dobie autonomicznej (1856-1874). Wrocław, 1952. S.XIX-XX, 98-99.
9. Białyński E. Przed wyborami w roku 1867. Lwów, 10.I 1867.
10. Szujski J. Dzieła. S. III. T.1. Kraków, 1885. S. 278-285.
11. Zdrada J. Sprawa... S.63-64, 66-67.
12. Gazeta Narodowa. Lwów, 9.II 1867.
13. Zdrada J. Archiwum Lwowskiego Towarzystwa Narodo-Demokratycznego (1868-1870) // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. T.12. Kraków, 1966. S. 80.
14. Ibid. S.80, 99-100; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. M., 1981. С.252.
15. Zdrada J. Sprawa...S.64-65.
16. Ibid. S.56.
17. Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50-60-х годов XIX в. M., 1966. С.144-145.
18. Borejsza J.W. Op. cit. S.311-312, 316.
19. Zdrada J. Sprawa... S.62.
20. Borejsza J.W. Op. cit. S.327-329.
21. Przegląd Polski. Kraków, 1869. R. III. T.IV. S.294-296, 457-460.
22. Zdrada J. Sprawa... S.67-69.
23. Galicja... S.133.
24. Zdrada J. Archiwum... S.81.
25. Ziemiałkowski F. Pamiętniki. T.I. Kraków, 1904. S.37-40.
26. Zdrada J. Sprawa... S.69-70.
27. Ibid. S.65; Zdrada J. Wybory do galicyjskiego sejmu krajowego w 1867 r. // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. T.9. Kraków, 1963. S.40.
28. Zdrada J. Organizacja... S.72.
29. Zdrada J. Lwowska "Ujczyna" z roku 1875 // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. T.15. Kraków, 1969. S.248,253-255.
30. Cm.: Zdrada J. Sprawa...S.64-65, 69-70.
31. Zdrada J. Państwa zaborcze a patriotyczne obchody w Galicji w 1859 r. // Studia historyczne. Kraków, 1970. Z.3(50). S.375, 380-381, 385.

32. Bożejsza J.W. Cpr. cit. S.289.
 33. Фалькович С.М. Указ.соч. С.I23.
 34. Bożejsza J.W. Op.cit. S 250-252.
 35. Miłkowski Z. Z kolebką przez życie.T. II. Kraków, 1936.
 1936. S.275-281.
 36. Фалькович С.М. Указ.соч. С.75-76,80,98-99, I02;
Она же. Антигабсбургские планы польских, итальянских и
 венгерских революционеров в контексте национальных дви-
 жений народов Австрийской империи в 50-60-е годы XIX в.
 // Национальное движение в Центральной Европе. Сотрудни-
 чество и контакты (30-70-е годы XIX в.). М., 1991. С.I88-
 I89, 198-199.
 37. Фалькович С.М. Антигабсбургские планы... С.I92;
 Przegląd rzeczy polskich. Paryż, 16.VII 1859.
 38. Biblioteka Jagiełłowska w Krakowie. Dział rękopisów. 5772. K.48-49.
 39. Ibidem.
 40. Фалькович С.М. Антигабсбургские планы... С.I99-202.
 41. Там же. С.200; Фалькович С.М. Идейно-политическая
 борьба... С.I07, 189, 255.
 42. Фалькович С.М. Антигабсбургские планы... С.202-204.
 43. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (далее -BCzart).
 5751 III.K.177-178, 265-266, 278, 285-286, 290, 297-298.
 44. Фалькович С.М. Антигабсбургские планы... С.204-205,
 207; Освободительные движения... С.319.
 45. Фалькович С.М. Антигабсбургские планы... С.205-206,
 208, 210-212.
 46. Glos z Litwy. Wilno. 20.III 1854.
 47. BCzart. 5751 III. K.309-310.
 48. Фалькович С.М. Антигабсбургские планы... С.210-213.
 49. Там же. С.214.
 50. Historia Polski. T. III.Cz.I. Warszawa, 1963. S.133-
 134.
 51. Bożejsza J.W. Cpr.cit. S.387-388, 267.
 52. В 1873 г. в Галиции жило до двух тысяч эмигрантов
 из других частей Польши (Bożejsza J.W. Cpr. cit. S.417).
 53. Ibid. S.262.
 54. Ibid. S.262, 268, 329-330.
 55. Ibid. S.330; Limanowski B. Pamiętniki. Warszawa,
 1937. S.219-221.
 56. Bożejsza J.W. Op. cit. S.251-252, 327.
 57. Bożejsza J.W. Op. cit. S.251-252, 327.
 Ojczyzna. Bendlikon, 23.VIII 1865. N58. S.3; Niepod-
 ległość. Paryż, 10.VIII 1868. N73. S.1-3; Zdrada J. Wybory...
 S.94
 58. Освободительные движения... С.199, 252; Kozłowski E.
 Generał Józef Hauke-Bosak(1834-1871). Warszawa, 1973. S.344-
 352.
 59. Освободительные движения... С.252; Фалькович С.М.
 Идейно-политическая борьба... С.I23.
 60. Bożejsza J.W. Op. cit. S.321, 325.
 61. Glos wolny. Londyn, 30.II 1870. N230. S.1003; Rzecznik
 pospolita Polska. Genewa, 1.III 1870. N12. S.93.

Г.И. ЕРЕМЕЕВА

ИДЕОЛОГИЯ ЧЕШСКИХ РАДИКАЛЬНЫХ ДЕМОКРАТОВ 40–60-Х ГОДОВ XIX В.: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Буржуазная революция на территории многонациональной Австрийской империи, в том числе и в Чешских землях, в силу исторических условий не была единовременным актом. В течение двух десятилетий (1848–1867) постепенно, сверху, путем компромисса буржуазии с силами старого, феодального общества, и прежде всего с монархией и дворянством, реализовывались основные задачи революции. Важнейшими из них были решение вопроса об участии буржуазии в политической власти, разрешение национальной и аграрной проблем.

В Чешских землях выразителем тенденций сотрудничества и союза чешского национального движения с отживающими силами старого общества – династией Габсбургов и дворянством выступала либеральная и консервативная буржуазия во главе со своими лидерами Ф. Палацким, Л. Ригером и др. В 40–60-х годах эта идеология, отождествлявшая себя с идеологией чешской нации, была преобладающей.

Но в ходе революции формировалась другая, радикально-демократическая мысль, игравшая роль главного оппонента чешского либерализма. Радикально-демократическое течение не представляло собой единого, монолитного лагеря. Его идеологов, находившихся на левом фланге буржуазно-демократического движения, объединяло стремление защитить интересы народных масс, отстоять принципы демократизации общественной жизни. Радикалы выступали за широкое участие народа в политической жизни государства, были сторонниками ликвидации феодальных пережитков. Они видели будущее Чехии вне монархии Габсбургов, думали о создании на развалинах Австрийской монархии свободной федерации независимых конституционных государств и рассчитывали добиться этого путем борьбы чешского народа совместно с прогрессивными и революционными силами других угнетенных народов империи.

Национально-политические и социальные концепции радикаль-

иных демократов разрабатывались в 30–40-е годы XIX в. и в основном были сформулированы к началу революции 1848–1849 гг. в обстановке роста социальных выступлений крестьянства и пролетариата Чешских земель. Весной 1848 г. в политической атмосфере кануна революции в чешском обществе раздавалась резкая критика, направленная против национального и политического бесправия чешского народа, обсуждались перспективы национального движения, будущее славянских народов, формулировались идеи преобразования Австрийской империи.

Для оппозиционных правительству кругов, в том числе радикальных, были характерны антиабсолютистские взгляды, идеи конституционализма, ими рассматривались принципы разделения власти между императором и представителями народа, выдвигались требования политических свобод, гарантий прав граждан, обсуждались и идеи социального переустройства.

Либеральные круги, выражавшие интересы богатой части чешской буржуазии, старались добиться, в первую очередь, равноправного положения с немецкой буржуазией. Опасаясь вовлечения в движение народных масс, либералы возлагали основные надежды на реформы сверху, стремились к ограниченным уступкам со стороны австрийской монархии. В своей программе на первое место они ставили требование национальной автономии, формулировали идеи австрославизма – превращения Австрии в конституционную федеративную монархию и предоставления Чешским землям равных прав с другими землями и провинциями империи.

Весна 1848 г. – время активной политической деятельности радикалов в связи с предстоявшими выборами во Франкфуртский парламент и бойкотом этих выборов в Чехии. Так как Франкфуртский парламент, в котором преобладала либерально-националистическая буржуазия, предполагал включение не только австрийских, но и Чешских земель в состав Германского государства, чешские политические лидеры от имени чешского народа отказались от участия в выборах, что привело к обострению чешско-немецкого антагонизма и усилиению политической напряженности в Австрии и в Чешских землях.

В этих условиях радикалы поддержали концепцию сохранения австрийской монархии с предоставлением автономии чехам и другим народам, сформулированную Ф.Палацким в его "Послании во Франкфурт". Они солидаризировались с позицией либералов, руководствовавшихся программой австрославизма и призывающих к бойкоту выборов в общегерманский франкфуртский парламент. Однако австрославизм в интерпретации радикалов отличался от его понимания либералами: в первую очередь радикалы подчеркивали необходимость введения в будущем Австрийском федерализованном государстве подлинно демократических конституционных порядков, созыва демократически избранного сейма для земель чешской короны, ликвидации привилегированного положения дворянства и духовенства, обеспечения свободы печати, гарантii права на труд для рабочих. Эти и другие важнейшие положения радикально-демократического движения формулировались в канун революции в многочисленных листовках, петициях на имя императора, в выступлениях на митингах, в публицистике. К началу революционных событий радикалы уже имели опыт публицистической и общественно-политической деятельности, а некоторые из них позже стали депутатами чешского сейма и австрийского рейхсрата (Э.Арнольд, В.Вавра, К.Сладковский и другие).

Как в либеральной, так и в демократической публицистике кануна и начала революции национально-политическим и государственно-правовым проблемам, а также требованиям равноправия чешского и немецкого языков в школах, учреждениях уделялось значительное внимание. И либералы, и радикалы отстаивали государственно-правовую концепцию, выступали за объединение Чешских земель в единое административное целое, за учреждение чешского сейма и правительства. При этом радикалы выдвигали на первый план необходимость провозглашения демократических свобод, подчеркивали важность удовлетворения социальных требований народных масс – крестьян и рабочих, выступали за отмену барщины без выкупа, ликвидацию всех феодальных повинностей, за "орга-

низацию труда" для рабочих, улучшение условий их жизни.

Программные требования радикалов свидетельствовали о том, что в условиях Чехии периода революции, когда не было сильной и революционно настроенной национальной буржуазии, они полнее других выражали интересы мелкой буржуазии города и деревни, ремесленников, крестьянства и части интеллигенции. С самого начала они стремились опереться на эти слои населения, боролись за социальное равноправие и участие народа в политической жизни общества. Агитацией радикалов были охвачены главным образом сельское население, рабочие, а также студенчество. Так, Э.Арнольд уже в марте 1848 г., ведя агитацию среди крестьян, призывал их прекратить выполнение барщины и других повинностей, не вносить выкуп помещикам.

Весной 1848 г. в связи с объявленными выборами в чешский сейм радикалы вели агитацию в провинции, разъясняли народу его конституционные права: не только посланцы королевских городов и помещики, заявляли они, но также и сельское население должно получить право представлять свои интересы в земельном сейме¹. Э.Арнольд при этом выступал за однопалатный сейм с представительством от всех сословий, надеясь тем самым ликвидировать засилье дворянства в политической жизни. Он подчеркивал несовместимость интересов феодальной аристократии и демократических слоев общества. В то время как либеральные круги мирились с сохранением привилегий дворянства и высшего духовенства, радикалы резко оппозиционно выступали по отношению к ним, были противниками предоставления им каких-либо привилегий и преимуществ на выборах в представительные органы². Лидеры радикалов критиковали объявленный II мая 1848 г. избирательный закон, вводивший, в частности, имущественный ценз и отстранявший тем самым от участия в выборах широкие слои трудящихся. Правда, в радикальной среде допускали возможность участия в работе парламента тех представителей дворянства, которых изберет народ³.

В мае 1848 г. Арнольд, уже будучи депутатом сейма, при-

зывал крестьян вооружаться, чтобы поддержать деятельность парламентариев, настаивал на необходимости с оружием в руках защищать конституцию⁴.

В складывании мировоззрения таких представителей радикальной демократии, как Э.Арнольд, К.Сабина, В.Вавра-Гаштальский, Я.Кнедльганс-Либлинский, Й.В.Фрич и других, важную роль сыграли идеи Великой французской революции, уроки классовой борьбы английских, французских и германских рабочих, польского национально-освободительного движения 1830–1831 гг.

Считая существующие общественные отношения несправедливыми, радикалы подвергали их резкой критике, они выдвигали лозунг смены этих отношений новым общественным порядком, при котором будет царить всеобщее равенство. Некоторые из них проповедовали идеи мелкобуржуазного утопического социализма (К.Сабина, Э.Арнольд). Сочувствуя бедственному положению рабочих, лидеры радикалов видели в них силу, без участия которой невозможны завоевание политических свобод, социальный прогресс нации. В своей агитации демократы подчеркивали существующую в обществе пропасть между богатыми и бедными, способствуя пробуждению классового самосознания пролетариата.

Радикалов объединяла готовность к революционным методам борьбы, хотя большинство из них верило в возможность осуществления своих идеалов и целей мирным путем, без социальных потрясений; они надеялись, что им удастся привлечь лидеров чешской и немецкой буржуазии на сторону демократической радикальной программы. В то время как либералы упирали на легальные формы борьбы, в многочисленных листовках антиправительственного содержания, исходивших из радикально-демократического лагеря, открыто высказывались симпатии к революционным методам борьбы с абсолютизмом и реакцией, выражаясь солидарность с народами других стран, борющимися за свободу (французам, итальянцам и др.)⁵.

Пропагандируя свои взгляды в печати, ведя непосредственную агитацию в массах, радикалы способствовали росту

революционных настроений в обществе. А когда в июне 1848 г. в Праге стихийно началось восстание, они встали во главе народа, сражавшегося на баррикадах.

Воздействие антиправительственной агитации чешских радикальных демократов на чешское общество стало особенно сказываться с осени 1848 г. Их трибуной были газеты "Пражски вечерни лист" ("Пражская вечерняя газета"), "Новини Липы слованске" ("Газета Славянской Липы"), а также издаваемая Э.Арнольдом "Обчанске новини" ("Гражданская газета"). Свои идеи радикалы по-прежнему пропагандировали в многочисленных листовках, брошюрах, воззваниях к народу.

Среди радикалов были люди, убежденные в прогрессивной роли революций в обществе (Э.Арнольд, Й.В.Фрич). Готовность радикалов к совместным действиям с революционерами других стран проявилась в мае 1849 г. К этому времени в Чехии обострилась внутриполитическая обстановка, о чем свидетельствовали волнения рабочих, вызванные безработицей и ростом дороговизны, усиление недовольства крестьян в связи с разорительными последствиями аграрной реформы (вместо безвозмездной отмены барщины было установлено, что крестьяне должны платить выкуп за нее). Крестьяне повсеместно уклонялись от рекрутских повинностей, отказывались платить властям налоги. По-боевому было настроено и студенчество. В ходе студенческих демонстраций нередко происходили столкновения с властями.

Наступление контрреволюции после поражения Пражского восстания сопровождалось все более явно проявлявшимся возвратом австрийских властей к абсолютистским формам правления. Мероприятия правительства были направлены на подавление всех проявлений национальной жизни в землях монархии Габсбургов. В этих условиях радикальные демократы провозглашали своей главной целью защиту национальных прав чешского народа, демократических свобод, пропаганду идей славянской взаимности. Они активно участвовали в деятельности организаций национально-политического характера, таких, например, как "Славянская Липа"⁶. В обстановке осложнившихся

межнациональных отношений в монархии радикалы не смогли занять последовательно революционные позиции и поэтому не поддержали Октябрьскую революцию 1848 г. в Вене. Не в последнюю очередь это было обусловлено националистическим великогерманским курсом немецких депутатов австрийского рейхсрата.

Октroiование мартовской конституции 1849 г., отмена свободы печати, равноправия чешского и немецкого языков, местного самоуправления, предоставление преимуществ и привилегий католической церкви - все это сводило на нет завоевания буржуазно-демократической революции в Австрии, в том числе и в Чешских землях. Радикалы видели полный провал тактики, проводимой лидерами либералов, ориентировавшихся на компромисс с властями. В их прессе, в частности, в газете "Обчанске новини", раздавалась резкая критика австро-славистской концепции либералов. По мнению Арнольда, сосредоточение главного внимания на необходимости решения национального вопроса, является серьезной ошибкой чехов, так как разлигание национальной розни лишь на руку австрийским властям. Радикалы подвергали критике разгон австрийским императором Кромержижского парламента, а также введение октroiированной конституции в марте 1849 г. как незаконные акты.⁷

За период с осени 1848 г. до весны 1849 г. в программе и тактике радикалов происходят существенные изменения. Если осенью 1848 г. радикалы не сумели понять характера Октябрьской революции в Вене и начавшейся революционной борьбы в Венгрии, то на рубеже 1848-1849 гг., исходя из опыта политических событий в Чехии и освободительного движения других народов Европы, они начинают склоняться к идеи совместных революционных действий славянских, немецких и венгерских демократов. Из пропагандистов идей солидарности угнетенных славянских народов радикалы превращались в сторонников объединения усилий всех народов как славянских, так и неславянских, страдающих от национального угнетения. Лидеры радикалов приняли непосредственное участие в разработ-

ке планов намеченного на весну 1849 г. восстания, которое должно было объединить силы польского, чешского и немецкого революционно-демократического движения и поддержать революцию в Венгрии.

Радикалы были членами революционного комитета, действовавшего в Праге с апреля 1849 г. и ставшего организационным центром по подготовке к восстанию. Члены этого комитета вели агитацию среди рабочих, крестьян, а также в армии. Революционеры ставили целью свержение династии Габсбургов, смещение существующего правительства, провозглашение временного революционного правительства и независимой Чешской демократической республики.⁸

В постановке аграрного вопроса к весне 1849 г. радикалы также делают шаг вперед. Закон 7 сентября 1848 г. отменил барщину и другие феодальные повинности крестьян, ставших собственниками тех участков земли, которые они обрабатывали. Почти все повинности отменялись за выкуп. Если весной 1848 г. радикалы выступали за ликвидацию феодальных повинностей и безвозмездную отмену барщины, то весной 1849 г. Э.Арнольд выдвигает требование конфискации помещичьих латифундий и раздела их среди малоземельных и безземельных крестьян.⁹

Таким образом, в ходе революции 1848–1849 гг. в мировоззрении радикальных демократов произошла определенная эволюция. На начальном этапе они разделяли австрославистские взгляды, верили в возможность осуществления целей буржуазно-демократической революции мирным путем, без революционных потрясений. Однако их позиция существенно отличалась от взглядов либералов, поскольку они проявляли интерес к нуждам беднейших слоев общества, резко оппозиционно выступали по отношению к дворянству, были готовы к самым решительным средствам борьбы, если этого требуют интересы народа (Э.Арнольд. К.Сладковский и др.). Постепенно радикалы приходили к убеждению, что революционные методы борьбы неизбежны. Они активно участвовали в Пражском восстании, а позже разрабатывали планы нового восстания интернациональ-

ного характера, в результате которого, как они полагали, на развалинах монархии Габсбургов возникнет свободная федерация народов.

В социальной области для представителей радикальной демократии была характерна ориентация на крестьянство, городскую бедноту, на тесные связи с рабочими. В интересах трудовых слоев они выдвигали требования осуществления демократических свобод, равноправия для всех и устранения социального угнетения, безвозмездной отмены барщины, а затем и конфискации ее в пользу деревенской бедноты.

Радикалы не имели четко сформулированной программы, слишком разнородным являлся социальный состав той части населения, которая страдала от установления новых, капиталистических отношений и интересы которой демократы стремились защищать. Для идеологов радикализма было характерно сочетание антифеодальных взглядов, общедемократических устремлений и элементов утопического социализма. При всей противоречивости взглядов отдельных представителей этого направления чешской общественной мысли можно рассматривать чешскую радикальную демократию 40-х годов XIX в. как разновидность европейской революционной демократии¹⁰.

В период после поражения революции 1848–1849 гг. политика Габсбургов в отношении чешского народа, нарастание немецко-чешского антагонизма в Чешских землях, недовольство народа социальными условиями способствовали активизации мелкобуржуазно-радикальных устремлений среди части интеллигенции. Нерешенность национального вопроса, усиление национальных противоречий в монархии Габсбургов после провозглашения Октябрьского диплома 1860 г. и февральской конституции 1861 г. отодвинули на второй план многие общественные проблемы.

В условиях Чехии 50–60-х годов радикальную позицию разделяла лишь небольшая группа интеллигентии, главным образом литераторы, журналисты. Большинство бывших радикальных демократов отказывается в этот период от самостоятельной политики, от революционных методов борьбы. Под воздействием

лозунгов о "едином чешском народе", противостоящем немецкому господству в Австрийской империи, они переходили на либеральные позиции, надеясь найти путь решения "чешского вопроса" в сотрудничестве с лидерами Национальной партии во главе с Ф.Палацким, Л.Ригером и др.

Развернувшаяся в начале 60-х годов в чешской прессе полемика свидетельствовала о существовании в обществе расхождений по важнейшим вопросам национально-освободительного движения. К числу дискутировавшихся проблем относились, в частности, вопросы о допустимости сотрудничества с дворянством в освободительном движении и восстанию как средству завоевания народами национальной свободы, об отношении к России и царизму и т.д. В условиях оживления национально-политической жизни в Чехии в 60-е годы важное значение приобрели такие вопросы, как тактика политической борьбы, проблема союзников и т.д. Австрославизм, русофильство, полонофильство – эти концепции, основанные на идеях славянской общности, стали особенно актуальными в связи с восстанием в Королевстве Польском в 1863 г.

В то время как лидеры Национальной партии осудили восстание как средство завоевания национальной свободы, предостерегали чехов от каких-либо "самостоятельных действий" и "крайних мер", демократы встали на сторону восставших поляков. Такие радикальные издания как "Болеславан" (по названию города Млада-Болеслав), "Свобода", "Правда" и др. не скрывали своих чайний, связанных с восстанием в Польше. Большие надежды возлагались в демократических кругах и на революционный взрыв в России, который мог бы стать поддержкой для восставших поляков¹¹.

Вспышка полонофильских настроений в чешском обществе сопровождалась дискуссией по вопросам об отношении к России, самодержавию, к славянской взаимности. В этой связи "Правда" разъясняла, что славянская солидарность не означает солидарности с царским самодержавием, а с народами славянских стран, борющимися за свободу. Провозгласив лозунг: "За вашу и нашу свободу!", восставшие поляки тем

самым взяли на себя миссию борцов за свободу славянских народов.

Расхождения по вопросу о борьбе польского народа за свободу и независимость оказали существенное воздействие на идейную дифференциацию в чешском обществе. На необходимости идейного и организационного размежевания с лидерами Национальной партии и открытого выступления в качестве самостоятельной политической группировки настаивали радикальные политические деятели и публицисты. В проекте программы партии демократического направления, подготовленной Фричем, главной задачей провозглашалось завоевание Чешскими землями независимости с последующим вхождением в "великую свободную федерацию"¹². Однако попытки создания демократической партии в Чешских землях остались неосуществленными.

Спецификой чешского национального движения было то, что расхождения во взглядах касались отдельных вопросов, но в основном не затрагивали национальной программы, поскольку большинство идеологов объединяло стремление к сохранению монархии Габсбургов и перестройке ее на основе федерации. В этих условиях во имя поддержания национального единства перед лицом "внешнего врага" и защиты прав чешской нации многие представители демократического направления в 60-е годы отказываются от ряда идейных принципов, которыми они руководствовались в период революционных событий 1848–1849 гг.

Радикальные демократы во главе со Сладковским, примкнувшие к либералам, видели в австрийской монархии защитника "малых народов" от посягательств внешних врагов. Идеалом для них являлась преобразованная в федеративное государство Австрийская империя, в которой славянским народам принадлежала бы решающая роль. Сладковский и его единомышленники писали о политической необходимости существования австрийской монархии, акцентировали особую историческую миссию "единственной" в своем роде империи, которая якобы сохранит народам, ее населяющим, их национальную самобытность на основе равноправия и взаимного уважения, а также

обеспечит их свободное развитие. Поэтому они отстаивали единство и целостность империи. Сладковский, ставший впоследствии одним из лидеров младочехов, подчеркивал, что славянские народы, в том числе и чехи, ведут борьбу не против Австрии, а лишь против такого ее устройства, при котором отсутствуют равные права входящих в состав монархии народов. Для этих народов, полагал Сладковский, превыше всего интересы империи в целом¹³.

После 1867 г., в период перестройки монархии на основах дуализма, Сладковский и его сторонники стали еще более рьяно выступать в роли защитников целостности империи, осуждая те народы, которые выдвигали в качестве первоочередной задачу завоевания своей независимости¹⁴. Акцентирование лояльности в отношении правящей династии, законного и справедливого характера требований чехов, отказ от возможности революционного пути решения проблем, стоявших перед чешским обществом в 60-е годы, стремление избежать во что бы то ни стало революционных потрясений – такая политическая позиция свидетельствовала о повороте вправо значительной части радикальных демократов. Сладковский и его приверженцы утверждали, что реформы, а не революционные перевороты являются движущей силой прогресса в обществе и государстве. Отрицая свою принадлежность к лагерю революционеров, бывшие радикальные политики возлагали надежды на возможность завоевания большинства в чешском сейме, что могло, по их мнению, сделать в будущем их политическую позицию более самостоятельной, независимой от политики лидеров Национальной партии.

С открытой антиавстрийской программой, обосновывающей необходимость создания на развалинах монархии Габсбургов независимых государств, которые объединяются впоследствии в свободную федерацию, выступили политики и публицисты, группировавшиеся вокруг ряда радикальных чешских изданий, – Й.Барак, Р.Турн-Таксис, А.Котик, В.Фрич, а также находившиеся в эмиграции Й.В.Фрич, А.Страка и др. Полемизируя с тезисом Ф.Палашского о нежелательности нарушения компактно-

го единства славянских народов в рамках Австрийской империи и выдвижения ими требования независимости, радикальные публицисты доказывали, что для народов, испытывавших национальный гнет, завоевание независимости является первоочередной задачей. Й.В.Фрич в эмиграции решительно выступил против австрославистской программы лидеров чешской буржуазии, против их тактики соглашательства с династией. Он противопоставлял этой тактике борьбу за свободу и независимость, которую вели угнетенные народы Европы – поляки, итальянцы и др. На страницах выходившей в Женеве газеты "Чех" (1861–1862), а также в демократических изданиях в самой Чехии Фрич доказывал невозможность "соглашения между чехами и Габсбургским домом"¹⁵. Лояльность к австрийской династии, полагал Фрич, означает на деле поддержку австрийских властей против борющихся за свободу народов, он обосновывал важный вывод: свобода чехов не может существовать изолированно, она тесно связана со свободой всех народов, поднявшихся на борьбу за свое освобождение. Обращаясь к соотечественникам, чешский демократ призывал их "избрать путь упорной борьбы, неисчислимых жертв", следовать примеру тех, кто поднялся на борьбу за свободу и независимость. Опытом этих народов он стремился вооружить чешское освободительное движение¹⁶.

В 1863–1864 гг. в период острой полемики, развернувшейся в чешской прессе в связи с восстанием в Королевстве Польском, Фрич резко критиковал позицию Палацкого и Ригера, осудивших восставший польский народ. Он подчеркивал, что подобная позиция лидеров Национальной партии является не случайностью, а продолжением позиции, занятой ими в 1848–1849 гг., когда Палацкий и Ригер "выступили против венгерской и германской демократии"¹⁷.

В опубликованной в 1868 г. брошюре "Пусть между нами будет ясность" Фрич подводил итог прошедшему со времени революционных событий 1848–1849 гг. двадцатилетнему периоду в жизни чешского народа, отмечал "диаметральную противоположность" позиции "правых" и демократов, подчеркивал

принципиальный характер разногласий двух течений в чешском национальном движении. Осуждая политику разжигания национальной вражды, И.В.Фрич отстаивал необходимость признания за народами, населяющими Австрийскую империю, права на самобытность и самостоятельность. Политике национального угнетения и ассимиляции он противопоставлял идею взаимопомощи и взаимной поддержки народов в борьбе против деспотических режимов¹⁸.

В самой Чехии с резкой критикой политики австрийских властей выступала радикальная пресса ("Правда", "Свобода" – органы Й.Барака). Подчеркивая, что "Австрия является препятствием для политической жизни" народов, входящих в состав империи Габсбургов, радикалы отвергали как централизм, так и дуализм, рассматривая их как в равной мере враждебные чешскому народу режимы. Радикальные публицисты связывали поражение Австрии в войне с Пруссией (1866) с "губительной системой", которая подавляет жизнь чешского общества. Полемизируя с положениями федералистской программы переустройства монархии, которая была сформулирована Палацким в работе "Идея австрийского государства" (1865), радикальная пресса опровергала тезис об отсутствии самостоятельного будущего у малочисленной чешской нации. В противовес этому пессимистическому прогнозу она призывала чешский народ вести борьбу за свои права¹⁹.

Задумываясь над будущим "малых народов" в системе европейских государств, такие представители чешской буржуазной демократии, как И.В.Фрич, К.Сабина, видели спасение и защиту этих народов от угрозы пангерманизма и панславизма, в завоевании ими независимости и создании на развалинах Австрийской империи центральноевропейской (или славянской) Федерации равноправных народов²⁰. Вопрос о том, какую конкретную форму будет иметь федеративное объединение, идеологии буржуазной демократии оставляли открытым. По мнению Фрича, основными принципами создания Федерации должны стать добровольность объединения и признание за каждым народом "неотъемлемого права на самоопределение и самобытное

национальное развитие". Такая федерация послужит, как полагал он, надежной гарантией для политического и национального развития "малых" народов²¹.

Радикальная публистика уделяла значительное внимание борьбе за свободу и независимость, которую вели в 60-е годы народы Европы и сообщения о которой находили живой отклик в широких кругах чешского общества. Подчеркивая, что правительства Англии, Франции, Турции являются противниками народов, борющихся за свободу, радикальная пресса предсказывала приближение решающих битв в Болгарии и Сербии; с большой симпатией писала она о восстании в Королевстве Польском; о "решительной борьбе не на жизнь, а на смерть", которую ведут народы Италии, Испании; о героизме болгарского народа, поднимавшегося на борьбу с османским игом. Восхищаясь национально-освободительной борьбой угнетенных народов против деспотических режимов, демократические публицисты делали вывод о том, что "если у народа есть сыновья... готовые умереть за свою родину, то у такого народа есть будущее ... такой народ пробудится к жизни и над ним засветит заря свободы. Беда тогда тиранам"²².

Подробную информацию о революционных событиях в Европе регулярно публиковал на своих страницах журнал "Бланик" (по названию горы недалеко от Праги), издававшийся Фричем и его единомышленниками в Берлине. "Бланик" систематически знакомил чешскую общественность с программами демократических партий европейских стран, подчеркивал общность целей в борьбе различных народов против национального угнетения, приветствовал идею создания в будущем, после распада Австро-Венгерской и Турецкой империй конфедерации независимых государств²³. Подобное освещение освободительных движений других народов, хотя и не было прямым призывом действовать по их примеру, способствовало подъему революционных настроений, росту национального самосознания чешского народа, пробуждало в нем чувства симпатии и солидарности с другими народами Европы.

Передовые представители чешской буржуазной демократии

связывали задачи национального освобождения чешского народа с широкими демократическими преобразованиями в чешском обществе. Демократическая пресса 60-х годов, защищая права широких народных масс, провозглашала своей целью, как и в годы революции, завоевание свободы и равноправия для всех слоев нации.

Указывая на глубокие социальные контрасти в обществе, когда на одном его полюсе сосредоточены богатство и роскошь, а на другом – бедность и нищета, демократы выступали против каких бы то ни было привилегий, за социальную справедливость. Социальные вопросы, наряду с политическими, являются важнейшей составной частью демократической программы улучшения существующих социальных отношений, утверждал К. Сабина. Являясь сторонником коренных преобразований в обществе, он также подчеркивал необходимость того, чтобы радикальная политика овладевала умами людей²⁴.

Радикалы выражали сочувствие трудящимся – крестьянам, рабочим, ремесленникам в связи с испытываемыми ими лишениями. Радикальная пресса в 60-е годы с тревогой писала об усилении эмиграции из страны вследствие голода и роста нищеты широких масс, о волнениях среди рабочих, "в поте лица добывающих свой хлеб за низкую заработную плату". В статьях демократических публицистов внимание общественности привлекалось к бедственному положению рабочих, отмечалось, что лишь незначительное их меньшинство "зарабатывает столько, чтобы не голодать", что работодатели относятся к рабочим (благодаря труду которых они "набивают карманы") как к рабам. Не выходя за рамки филантропии и благотворительности, буржуазные демократы призывали общество заботиться о трудящихся, об обеспечении их работой и справедливой оплате, о просвещении и моральном совершенствовании широких масс народа. "Необходимо, – писала радикальная "Свобода", – воспитывать в рабочих любовь к труду и собственности, тогда они возвышаются в моральном отношении, и у них исчезнут злость и ненависть". Такими мерами идеологи буржуазной демократии надеялись избежать социальных потрясений и не до-

пустить того, чтобы "народ начал разрушать стены Пражского града"²⁵. Лишь отдельные представители демократического крыла чешского национального движения (Й.В.Фрич, К.Сабина) и в 60-е годы протестовали против политики умеренных буржуазных лидеров, стремившихся всеми средствами "усыплять" общественное мнение, в то время как "крайняя необходимость состоит в том, чтобы пробуждать народ". Й.В.Фрич видел серьезную угрозу интересам чешской нации в стремлении "держать народ в узде", против этого он резко выступал в своих публицистических работах 60-х годов²⁶. Один из немногих буржуазных политиков, Фрич осознавал необходимость революционной борьбы за утверждение нового, более прогрессивного строя.

Решение наболевших социальных вопросов в обществе буржуазные демократы предлагали отложить до того времени, пока не будет завоевана независимость Чехии. Лишь после этого, по их мнению, станет возможным улучшение экономического положения всех слоев народа, в том числе и рабочих. Буржуазные демократы осуждали выдвижение каких бы то ни было требований по улучшению положения отдельных классов и сословий в ущерб общенациональным интересам. Они подчеркивали, что рабочие являются составной частью единой чешской нации, "единой национальной семьи чехов". Наряду с самоусовершенствованием, они рекомендовали рабочим объединять свои небольшие капиталы, чтобы те могли стать сначала совладельцами предприятий, а затем их хозяевами²⁷.

Интерес к идеям социального переустройства общества, в том числе к идеям утопического социализма, в 60-е годы проявлял и К.Сабина. В своих социальных исследованиях в эти годы он критиковал тех политических деятелей, которые пытались не замечать существование социалистических идей. Он подчеркивал, что эти идеи все более овладевают обществом, и потому уделял большое внимание рассмотрению и анализу европейских социалистических теорий, знакомил с ними чешскую общественность. Работы Сабины свидетельствуют о том, что ему были известны труды К.Маркса, теорию которого

он, однако, не разделял. Выступая против классовой борьбы, Сабина считал, что обществу необходимы безотлагательные социальные реформы, так как "в настоящее время все общественные дела находятся на краю пропасти". Эти реформы должны, по его мнению, предотвратить насильственную кровавую революцию, противником которой он являлся. Лишь духовная революция, проповедовал Сабина, приведет к успеху. Так же, как большинство чешских буржуазных демократов, он видел выход главным образом в просвещении народа, о чем писал в своих работах и чему посвящал свою практическую деятельность, редактируя, в частности, "Календарь для рабочих". Участвуя в создании рабочих организаций, Сабина придавал им большое значение, так как видел в рабочих, в первую очередь, активных борцов за национальную свободу²⁸.

Проблема "справедливого" урегулирования общественных отношений поднималась Й.В.Фричем на страницах журнала "Бланник", где обращалось внимание на тяжелое положение народных масс, на несправедливость, царящую в обществе, в том числе на бесправное положение женщин. Журнал выступал в защиту интересов мелкой буржуазии, которой развивающийся капитализм нес все большее разорение и которой приходилось платить все больше налогов. Фрич писал в "Бланнике" о многочисленных пережитках феодальных отношений в деревне, о тяжелом положении чешского крестьянства, не получившего несмотря на отмену барщины и крепостной зависимости равных с другими гражданами политических прав. Поднимая вопрос о бесправии крестьян, Фрич знакомил чешское общество с идеями "крестьянского социализма" Бакунина, видевшего в славянской крестьянской общине своеобразие, жизнеспособность, что определяло будущее славян и их всемирно-историческую миссию²⁹.

Хотя проблема урегулирования отношений в обществе, улучшения экономического положения трудящихся масс находилась в поле зрения идеологов буржуазной демократии, но первоочередной задачей они считали борьбу за национальное освобождение чешского народа. Радикальная пресса 60-х годов продолжала утверждать, что чешский народ ведет борьбу

не на жизнь, а на смерть, так как "немецкое меньшинство поставило своей целью стереть с карты Европы славное Чешское королевство"³⁰. Но выступая против угрозы германизации, радикалы не были и сторонниками панславизма, ставшего официальной идеологией царской России.

В то время как в консервативно-либеральных кругах чешского общества восхваляли русского царя и самодержавное правительство за отмену крепостного права и последовавшие за этим реформы в России, в демократических кругах подчеркивали вынужденность царской политики реформ, указывали на то, что Российская империя находится накануне неизбежного социального переворота. Критическое отношение к русскому самодержавию было унаследовано демократическими идеологами у радикальных демократов периода революции 1848 г.

Демократическая пресса начала 60-х годов, основываясь на материалах, печатавшихся в "Колоколе" Герцена, привлекала внимание к волнениям крестьян в Казанской, Пензенской и других губерниях, писала о недовольстве крестьян, обманутых обещаниями, содержащимися в царском манифесте об освобождении крестьян. В центре ее внимания была деятельность русских революционеров и демократов и прежде всего "русских социалистов" Герцена и Огарева. Их статьи, а также информация о деятельности русских революционеров в эмиграции нередко печатались на страницах чешских изданий 60-х годов.

Чешские демоクラты понимали, что русский народ и правительство самодержавной России не одно и то же. Они подчеркивали, что "русское правительство, являющееся главным угнетателем свободы ... никогда не было ... представителем русского народа". Для Фрича и его единомышленников "русские" – это люди, подобные революционеру М.А.Бакунину³¹. В своих статьях в период восстания в Королевстве Польском в 1863–1864 гг. Фрич опровергал утверждение о том, что весь русский народ стоит на стороне царского правительства и осуждает польских повстанцев. Демократические круги в Чехии solidarizировались с позицией Герцена по польскому вопросу. Они приветствовали лозунг восставших поляков "За вашу и нашу

свободу", подразумевавший общность целей борьбы сил демократии и прогресса России и Польши. И для освободительной борьбы своего народа они также видели опору, в первую очередь, в прогрессивных силах русского общества, которые вели борьбу с царским самодержавием во имя построения новой России. Поэтому И.В.Фрич обращал свои взоры к русским революционерам, преследуемым царскими властями, томящимся в тюрьмах и сосланным в Сибирь³².

Деятельность Фрича в 40–60-х годах показывает, что лучшие представители чешской буржуазной демократии предпочитали расплывчатым идеям "славянской взаимности" планы объединения прогрессивных, демократических сил различных народов, как славянских, так и неславянских. Во время пребывания представителей славянских народов в 1867 г. на Славянском съезде в Москве Фрич выражал тревогу по поводу выдвижения на первый план идеи славянской общности в ущерб солидарности сил прогресса и демократии. Он напоминал соотечественникам о том, что европейская демократия, в том числе немецкая и венгерская, – союзник чешского народа в его борьбе за свободу и независимость.

Идея славянской солидарности приветствовалась демократами постольку, поскольку она придавала силы славянским народам, становилась поддержкой в их борьбе за национальную свободу, давала им возможность не чувствовать себя одинокими. Славянскую взаимность и солидарность передовые представители чешской демократии понимали, прежде всего, как борьбу за общие цели освобождения народов от их угнетателей – реакционных правительств России, Австрии, Турции³³.

В статье "Славянство и панславизм" К.Сабина подчеркивал, что те, кто выступает за славянскую идею, ничего общего не имеют с панславизмом, напротив, они находятся в оппозиции к панславизму. Стремление славян опереться на величие и мощь России не может иметь ничего общего ни в прошлом, ни в будущем с русским панславизмом, стремящимся поглотить и подчинить себе славянские народы. Сабина призывал балканских славян к политической прозорливости и

бдительности в отношении политики царского самодержавия в этом регионе³⁴.

Предсказывая славянским народам в будущем значительную роль в мировой истории, чешские демократы подчеркивали их право на самобытное национальное существование. Гарантию свободы всех народов, в том числе славянских, Фрич, например, видел в "свободной федерации", которая возникнет лишь после завоевания ими независимости³⁵.

В то же время, стремясь обосновать законность прав чешской нации на свою государственность, идеологи буржуазной демократии прибегали к "исторической" аргументации, так называемым историческим правам чешской короны.

В этом смысле с большими надеждами в чешском буржуазном лагере был встречен Октябрьский диплом 1860 г., суливший "историческим" народам монархии соблюдение их "исторических прав", в частности, законодательных прав местных сеймов, а также права на участие в общеимперских внутриполитических и внешнеполитических делах. Некоторые положения Октябрьского диплома легли впоследствии в основу государственно-правовой программы чешских буржуазных лидеров 1868 г., имевшей целью перестройку Австрийской империи на основах триализма, т.е. замену дуализма созданием триединого государства в составе Австрии, Венгрии и Чехии.

Буржуазные политики рассчитывали, что преобразование монархии Габсбургов в федералистское государство будет означать конец централизма, и земли Чешской короны получат автономию на основе "исторического права". "Историческое право" становилось, таким образом, одним из аргументов в борьбе за национальные права чешского народа.

Пресса всех направлений, включая демократическую, писала о том, что чешская нация должна стать наследницей своих "исторических прав"; повышенный интерес проявлялся к историческому прошлому Чехии, в частности, к тому времени, когда землями чешской короны правили чешские короли; приветствовался факт перенесения в Прагу королевских регалий – символа власти чешских королей. При этом историческое

прошлое нередко идеализировалось. Ему противопоставлялась современная действительность, когда чешский народ подвергался национальному угнетению и австрийские власти преследовали тех его представителей, которые протестовали против несправедливой политики.

В отличие от консервативно-либеральных политиков, подчеркивавших особый, специфический характер тех условий, в которых находилась чешская нация, и насаждавших в чешском народе национализм, передовые представители чешской демократии провозглашали право всех без исключения народов (а не только "исторических") на самоопределение и самостоятельное национальное существование и подчеркивали, что "каждое государство и каждый народ должны свободно решать вопрос о своей судьбе без какого-либо давления извне". Такой подход означал отказ от идеи преобразования Австрийской империи во имя ее сохранения. Выдвигая в качестве первоочередной задачи завоевание национальной независимости, Фрич, например, отмечал, что "дальнейшее существование австрийской монархии потеряло всякий смысл", что "она является реакционной силой, стоящей на пути ко всеобщему прогрессу и миру"³⁶. В этом состояло принципиальное отличие позиции передовых представителей чешской буржуазной демократии от взглядов консерваторов и либералов, которые, отказавшись от борьбы за независимость и государственную самостоятельность, разрабатывали планы сохранения целостности монархии Габсбургов путем ее преобразования в триалистическое государство.

Выступая в защиту "исторических прав" чешской короны, идеологи чешской либеральной буржуазии, а также буржуазные радикалы допускали возможность привлечения к общенациональному движению представителей национального дворянства, находившихся в оппозиции к австрийским властям. Но демократы при этом решительно возражали против такого толкования "исторического права", при котором за дворянством признавались бы привилегии в обществе и руководящая роль в национальном движении. Своих союзников они скорее видели среди прогрессивных сил других народов, в частности в европейской демок-

ратии.

Для консервативно-либеральных политиков апелляция к "историческим правам" была тесно связана с их тактикой лояльности по отношению к правящей династии, логическим следствием чего являлись призывы к спокойствию, порядку, ожиданию уступок от властей, акцент на просвещение народа и т.д. Что касается представителей буржуазной демократии, то они критиковали эту тактику пассивной оппозиции, пропагандировали необходимость активной борьбы.

Отмежевываясь от политических лидеров, отказавшихся от активных действий во имя свободы, радикалы причисляли их к лагерю реакции. Исходя из опыта революционных событий в 1848–1849 гг., они призывали чешских политических лидеров не верить в искренность обещаний австрийских властей, не строить иллюзий насчет того, что австрийское правительство будет считаться с интересами чехов.

В 60-е годы XIX в., на завершающем этапе формирования чешской нации, экономические и социальные интересы чешской буржуазии обуславливали ее стремление к сохранению австрийского государственного комплекса. Это вело к тому, что ее политические лидеры постоянно шли на соглашение с правящей династией, видя в ней своего защитника, в первую очередь, от Германской империи.

Особенно очевидно стало это во время массового национально-освободительного движения в Чешских землях, развернувшегося в конце 60-х годов, в период так называемых народных тaborов (1868–1871). Чешские буржуазные радикалы приняли активное участие в массовом национально-политическом движении, нередко они были организаторами тaborов (массовых многодневных народных собраний), участвовали в составлении резолюций, содержание которых свидетельствовало о тесном переплетении национальных требований с общеполитическими и социальными. В то время как консервативные и либеральные политики стремились направить тaborы в русло исключительно национальной борьбы, сгладить классовые противоречия, отвлечь массы от предъявления социальных требований,

радикалы выдвигали на народных собраниях лозунг широкой демократизации общественно-политической жизни в Чехии: представление всеобщего избирательного права, устранения феодальных пережитков и т.д. При этом лозунг всеобщего избирательного права имел важное социальное значение, так как большинство трудящихся Чешских земель (малоземельные и безземельные крестьяне, ремесленники, фабричные рабочие) не принимали участия в выборах.

На этом этапе движения к социальным проблемам обращался находившийся в эмиграции Й.В.Фрич. Так, на страницах своего журнала "Бланик" в рубрике "Письма чешского крестьянина" он привлекал внимание общества к положению крестьян, видя в них социальную опору национального движения. Отмена барщины и ряда других феодальных пережитков в 1848 г., писал Фрич, означала, что крестьяне стали равными в правах с другими гражданами, и это привело к росту их самосознания; однако до тех пор, пока будут сохранены остатки феодальной зависимости в деревне, крестьяне не смогут чувствовать себя действительно свободными и равными в правах с другими членами общества. Фрич также отмечал несовершенство существующей избирательной системы, приводившее к тому, что многие депутаты, прошедшие в парламент от сельской местности, не выражали интересы крестьян.³⁷

Широкое распространение в Чешских землях, особенно в сельской местности в период тaborов получила изданная Фричем брошюра "Ни гроша налогов более..." (1868), в которой содержался призыв не платить налогов властям. Неуплата налогов, как полагал Фрич, должна была явиться протестом против политики репрессий, против запрещения народных тaborов, введения в ряде городов Чехии чрезвычайного положения, конфискации чешских газет, арестов редакторов и т.д.³⁸

К началу 70-х годов XIX в. происходит спад массового национального и демократического движения в Чехии, кульминацией которого стали народные тaborы 1868-1871 гг. Эти годы явились конечным рубежом в деятельности чешской радикальной демократии. Представляя собой одно из направлений

чешской общественной мысли в переходную эпоху от феодализма к капитализму, когда большинство чешской нации страдало как от пережитков старого феодального общества, так и от утверждавшегося капиталистического, чешская радикальная демократия стремилась защитить интересы масс, облегчить их положение. Часть из них проповедовала утопические взгляды, выступая против тех невзгод, которые принес народным массам капитализм.

Отстаивая необходимость предоставления демократических прав и свобод широким слоям общества, в том числе национальной свободы, включая идею независимого чешского демократического государства, радикальные демократы внесли существенный вклад в освободительное движение чешского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kazbunda K. České hnutí r. 1848. Praha, 1929. S. 94.
2. Arnold E. Sebrane spisy. Praha, 1954. S. 58.
3. Heidler J. Antonín Springer a česká politika v letech 1848-1850. Praha, 1914. S. 42.
4. Arnold E. Op. cit. P. 60-62.
5. Удальцов И.И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. Москва, 1951. С. 69, 70.
6. Подробнее см.: Novotný J. Slovanská liga 1848-1849: K dějinám prvního českého politického spolku. Část I: Od založení spolku do svolání sjezdu slovanských lip. Praha, 1975; Část II: Od sjezdu slovanských lip do zaniku spolku. Praha, 1976.
7. Arnold E. Op. cit. P. 579- 582.
8. Гогина К.П., Еремеева Г.И. Radikální demokrat. Etapuel, Arnold 1854. S. 25-28. význam a dříve Arnold E. Sebrane spisy. Praha, 1954. S. 25-28.
9. Kosík K. Politické názory E. Arnolda // Filosofický časopis. Praha, 1953. N 3-4. S. 184- 202.
10. Гогина К.П., Еремеева Г.И. Характер и особенности чешской радикальной демократии // Революционно-демократическое движение в странах Восточной Европы второй половины XIX в. и его роль в развитии международных связей. Тезисы докладов. Львов, 1985. С.39-45; Удальцов И.И. Историография революции 1848-1849 гг. в Чешских землях. Москва, 1989. С.54; Фрейдзон В.И. Чешская демократия и международная революционная солидарность в 1848-1849 гг. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты. 30-70-е годы XIX в. Москва, 1991. С.91-105.
- II. Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 - начало 70-х годов XIX в. Москва, 1989. С.220-222.
12. Čestí radikální demokraté (далее - CRD). Praha, 1953. S. 395- 407.

13. Sladkovský K. *Výbor z politických řečí a uvah.* Praha, 1879. S. 46, 252, 253, 257.
 14. Чешская нация... С.91.
 15. Подробнее о взглядах и деятельности И.В.Фрича см.:
Еремеева Г.И. Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич. Из истории общественно-политической борьбы в Чехии в 40-60-е годы XIX в. Москва, 1984. С.72-113.
 16. Цит. по: Еремеева Г.И. Указ.соч. С.62.
 17. Там же. С.61; Чешская нация... С.94.
 18. Цит. по: Еремеева Г.И. Указ.соч. С.92,93.
 19. Чешская нация... С.92,93.
 20. Там же; Sabina K. *Slovanství a panslavismus* // ČRD. S. 304- 305.
 21. Чешская нация... С.93.
 22. Там же. С.219-222.
 23. Подробнее об издании Фричем в Берлине журнала "Бланик" см.: Еремеева Г.И. Указ.соч. С.103-III.
 24. Чешская нация... С.94,95.
 25. Там же. С.94.
 26. Frič J.V. *Bud' jasno mezi námi.* Praha, 1868. S. 1,3.
Еремеева Г.И. Указ.соч. С.94,96,97.
 27. Чешская нация... С.94.
 28. Sabina K. *Socialní studie.* Praha, 1950. S 135;
Чешская нация... С.94.
 29. Blaník. 1868. N 5. S. 43; Еремеева Г.И. Указ.соч. С.108.
 30. Чешская нация... С.95.
 31. Цит.по: Еремеева Г.И. Указ.соч. С.98.
 32. См.: Там же. Указ.соч. С.61,64.
 33. Чешская нация... С.99.
 34. Sabina K. *Slovanství a panslavismus* // ČRD. S.284,
289.
 35. См.: Еремеева Г.И. Указ.соч. С.106, 107,
 36. Чешская нация... С.92.
 37. См.: Еремеева Г.И. Указ.соч. С.107,108.
 38. Frič J.V. *Ani gros dáně níč:* Еремеева Г.И. Указ.соч. С.103.
ne slova. Berlin, 1868 ;

ВЗГЛЯДЫ ВЕНГЕРСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ НА РЕШЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ВЕНГРИИ В 50-60-е ГОДЫ XIX в.
(Идеи, подходы и проекты)

Венгрия, входившая в состав монархии Габсбургов, была многонациональной страной. Согласно переписи, при общей численности населения 13 млн чел. в 1851 г. в Венгрии проживало 4,8 млн венгров, что составляло 36,5% от всего числа жителей, 2,2 млн румын (17%), 1,7 млн словаков (13,2%), 1,3 млн немцев (10,3%), 1,1 млн хорватов (9%), 980 тыс. сербов (7,4%), 447 тыс. русин (украинцев) (3,4%)¹. С середины XIX в. национальный вопрос стал одним из злободневных, требующий своего решения.

В период революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг. народы страны оказались по разные стороны баррикад. Разделявшие их противоречия именно тогда проявились в полной мере. Политика венгерского правительства не учитывала стремления невенгерских народов, что в свою очередь мешало привлечению их на сторону освободительной борьбы венгров против австрийского господства. Осознание венгерскими политиками важности национального вопроса для такой страны, как Венгрия, фактически пришло только после поражения революционно-освободительной борьбы.

В 50-е годы XIX в. большинству венгерских политических деятелей стало ясно, что необходимо найти взаимопонимание со всеми народами Венгрии, наладить с ними сотрудничество в интересах решения общих задач в борьбе против австрийского абсолютистского режима. В условиях, когда австрийское правительство в равной степени игнорировало национальные требования как венгерского, так и других народов Венгрии, открылись возможности для национального примирения и поиска путей к согласию между народами страны. С венгерской стороны крепло понимание того, что лишь уступками в пользу невенгерских народов – сербов, румын, словаков и др. можно достичь согласия и взаимопонимания. Многие венгерские поли-

тические деятели пришли к выводу, что следует отказаться от господства венгерского языка во всех сферах общественной жизни и необходимо предоставить возможность для национального развития всем народам, населяющим Венгрию.

Каковы были подходы в Венгрии к национальному вопросу, какие вырабатывались концепции и предлагались проекты его решения в середине XIX в. – эта проблематика нашла отражение в трудах современников, таких видных венгерских политических и общественных деятелей, как Л. Кошут, Л. Мочари, Й. Этвёш², в выступлениях депутатов венгерского парламента, зафиксированных в протоколах или дневниках венгерского Государственного собрания³. Важным источником для исследователей является и публикация документов по национальному вопросу, вышедших в Будапеште в начале 50-х годов XX в.⁴ Национальной проблеме в Венгрии, характеристике деятельности политиков, занимавшихся ее решением в 50–60-е годы прошлого века, уделено внимание в крупных обобщающих трудах по истории, изданных в послевоенные годы в СССР и Венгрии⁵, в специальных исследованиях венгерских, австрийских и американских историков⁶.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать предложения, а также конкретные проекты венгерских общественно-политических деятелей 50–60-х годов XIX в., направленные на решение национальной проблемы в Венгрии.

Среди тех, кто в это время обращался к национальному вопросу, были известные политики и мыслители, такие как Лайош Кошут, Лайош Мочари, Ласло Телеки, Йожеф Этвёш и др.

За справедливое урегулирование национального вопроса, за удовлетворение национальных стремлений невенгерских народов в числе первых выступили представители венгерской политической эмиграции. Осмыслив опыт 1848–1849 гг., они пришли к пониманию важности и необходимости национального примирения, целесообразности мирного сожительства различных народов, населяющих Венгрию. Эти венгерские политики, оказавшиеся в вынужденной эмиграции, не переставали надеяться на то, что Венгрия в скором времени все же сможет

завоевать свободу и добиться независимости. С учетом этого они строили планы и полагали, что будущая свободная Венгрия должна вступить в братский союз с соседними государствами, освобождающимися от австрийского и турецкого ига, прежде всего с Сербией и Дунайскими княжествами⁷. Они считали, что эти малые дунайские государства слишком слабы и поодиночке легко могут стать игрушкой в руках великих держав, а образовав федерацию или конфедерацию, они стали бы достаточно сильными для отражения внешней агрессии. Кроме того, такая Дунайская конфедерация, взяв на себя функции объединения ряда народов Австрийской империи, оказалась бы способной заполнить вакuum, который должен был возникнуть в результате раз渲ала монархии Габсбургов. При этом необходимой предпосылкой для создания подобной конфедерации они полагали неизбежное урегулирование национального вопроса в самой Венгрии.

Наиболее конкретный и достойный внимания план решения национального вопроса в Венгрии был разработан находившимся в Турции лидером венгерской политической эмиграции Л. Кошутом. Свою концепцию он изложил в 1851 г. в проекте конституции для Венгрии ("Предложение относительно будущего политического устройства Венгрии с учетом решения национального вопроса")⁸. Конституционный проект Л. Кошута являлся по сути детально разработанным планом демократического переустройства венгерского общества в соответствии со стоящими перед ним задачами политической модернизации. Он предусматривал введение всеобщего избирательного права, широких демократических свобод, суда присяжных, а для обеспечения законности в стране – создание конституционного суда. Единственным источником права объявлялся народ, под которым Кошут понимал "совокупность граждан без различия расы, языка и вероисповедания". Он предлагал развить систему самоуправления в качестве противовеса возможным злоупотреблениям центральных органов власти. Именно в системе самоуправления (местного и комитатского) и видел Л. Кошут средство обеспечения национального равноправия невенгерских народов⁹.

В решении национального вопроса Л. Кошут исходил из принципа сохранения территориального единства Венгрии. Для него были неприемлемы предложения, направленные на ее преобразование в федерацию национальных автономий, с чем были готовы согласиться такие деятели эмиграции, как Л. Телеки и Д. Клапка; он обращал внимание на то, что значительную часть Венгрии составляют территории со смешанным населением, где не преобладает ни одна из национальностей. Предоставление же самоуправления на комитатском и местном уровнях, по мнению Кошута, позволило бы нормализовать национальные отношения по всей стране¹⁰. На местах – в городах и селах, а также в комитатах со смешанным населением – Кошут предлагал ввести в качестве официального языка народа, составляющего большинство на данной территории; при этом должны были быть гарантированы и языковые права меньшинств. В соответствии с проектом Л. Кошута, законы государства должны были издаваться на языках всех народов, проживающих в Венгрии. Каждому гражданину страны предоставлялось право обращаться во все государственные инстанции на своем родном языке. В сфере народного образования Кошут также предлагал последовательно осуществлять принцип самоуправления. Выбор языка обучения предоставлялся местным органам самоуправления; при этом за национальными меньшинствами на данной территории сохранялось право выбора школы и получения образования на родном языке. Одновременно каждая нация получала возможность создания общественных организаций в масштабах всей страны (по образцу церковных организаций) с выборным главой.

В специальном приложении к своему проекту Л. Кошут останавливался на судьбе Хорватии^{II} – края, единственно удостоенного им права на самоопределение. Он предлагал ей полную автономию или же право на отделение и полную независимость. В отношении Трансильвании его проект такого права не предусматривал. Кошут лишь выразил надежду, что демократические преобразования, намеченные в конституции, сделают привлекательным для румын Трансильвании сохранение ее в составе Венгрии. Правда, впоследствии он изменил свою позицию и был го-

тов предоставить Трансильванию автономию, если на то будет решение народного референдума края.

Таким образом проект Кошути, хотя и не удовлетворял полностью все требования и стремления румын и славянских народов Венгрии, все же давал широкие возможности для национального развития и открывал путь к дальнейшему сближению народов страны.

Программа Л. Кошути, получившая широкое распространение в Венгрии, была встречена многими политиками с непониманием. Более того, у некоторых она вызвала негодование и была отвергнута как слишком радикальная, делающая непозволительные уступки невенгерскому населению страны. Кошути обвинили в том, что он хочет растворить венгерскую нацию в славянском окружении, что его проект представляет угрозу территориальному единству земель венгерской короны. Такая реакция в Венгрии на проект Кошути, разумеется, не означала, что венгерские политические круги не понимали необходимости нормализации национальных отношений в стране. Но политики понимали это по-разному. Некоторые были всерьез обеспокоены существовавшим положением и были готовы пойти на серьезные уступки меньшинствам, так как осознавали, что примирение проживающих в стране народов является залогом ее успешного и спокойного развития. Другие считали, что некоторые уступки национальным меньшинствам нужны только для того, чтобы успокоить их, выиграть время и добиться соглашения с Габсбургами на наиболее выгодных условиях.

К первой группе венгерских политиков принадлежал, в частности, барон Габор Кемень и депутат парламента Лайош Мочари, которые в 50–60-е годы XIX в. являлись активными членами национального равноправия всех народов, населяющих Венгрию. Г. Кемень, последовательно выступавший за примирение наций, исходил из того, что нельзя сформулировать реальную политическую концепцию развития страны, если замалчиваются и не принимаются во внимание национальные стремления всех народов, живущих в Венгрии¹². Л. Мочари призывал своих коллег отказаться от такого политического курса, ко-

торый ущемлял бы интересы населяющих Венгрию национальностей. В 50-60-е годы он написал ряд работ, в которых изложил свои взгляды на решение национальной проблемы. Он считал необходимым решительно признать, что национальный вопрос для Венгрии является жизненно важным. "Венгр не может оставаться единственным господином, а остальные (нации. - Ч.К.) подчиненным ему народом", - писал Л.Мочари в 1860 г. в одной из своих книг¹³. Для справедливого решения национального вопроса он предлагал признать не только то, что Венгрия является многонациональным государством, но ратовал и за предоставление равной возможности свободного развития всем нациям Венгрии¹⁴.

К числу общественно-политических лидеров Венгрии 50-60-х годов XIX в., уделявших особое внимание национальным проблемам и их достойному правовому решению, принадлежал писатель и политический деятель барон Йожеф Этвёш. Будучи политиком, близким к партии Ференца Деака, идейного вдохновителя и автора осуществленного в 1867 г. австро-венгерского соглашения о преобразовании Австрийской империи на началах дуализма, Этвёш стремился к примирению не только двух основных наций Австрии и Венгрии, но и к удовлетворению требований невенгерских народов страны. Впоследствии именно его представления легли в основу закона 1868 г., регулирующего национальные отношения в Венгрии. Как сторонник примирения с Австрией он полагал, что лишь такое крупное и могущественное государство, как монархия Габсбургов, может обеспечить безопасность и гарантировать спокойное и уравновешенное для всех народов этого региона Европы развитие. Исходя из этого он считал, что все национальности Венгрии, которых объединяет общее историческое прошлое, заинтересованы в ее сохранении¹⁵. Государство же, в свою очередь, обязано предоставить равные национальные права всем народам страны. В своем сочинении "Национальный вопрос" (1865) И.Этвёш прямо указывал своим соотечественникам на бесплодность попыток ассимилировать невенгерские народы, ибо они уже осознали себя как нации. С учетом это-

го задачу венгров он видел в том, чтобы всемерно способствовать национальному развитию остальных народов страны, сохранению и укреплению их языков, традиций и обычаев, чтобы они не чувствовали себя в угнетенном положении¹⁶.

Этвёш считал, что решить национальный вопрос можно лишь на основе расширения буржуазных прав и свобод, полного гражданского равноправия, путем развития системы самоуправления сел, городов, комитатов¹⁷. Он предлагал ввести язык большинства населения на местах в делопроизводство местных и комитатских органов власти, гарантировать всем национальностям право на образование на родном языке, право на создание культурно-просветительных и других общественных организаций. По замыслу Этвёша, государство не должно давать преимуществ какой-либо одной нации, его задача состоит в обеспечении благоприятных условий для национального развития всех народов Венгрии.

Несмотря на различия в подходе к решению национального вопроса абсолютное большинство венгерских общественно-политических деятелей пришли к согласию в том, что удовлетворение всех национальных требований невенгерских народов возможно лишь при условии сохранения территориальной целостности и неделимости Венгрии. Для них было неприемлемо преобразование страны в федерацию национальных территорий, чего добивались представители национальностей, которых не устраивало простое признание равенства всех граждан перед законом вне зависимости от национальной принадлежности. Таким образом, возможности для взаимоприемлемого решения национального вопроса были весьма ограничены.

На рубеже 50–60-х годов XIX в., в условиях кризиса абсолютистской системы, политическая жизнь в Венгрии активизировалась, с новой силой развернулись национальные движения венгерского и других народов, находившихся под властью Габсбургов. В этой обстановке острота национального вопроса проявилась с особой силой. Весной и летом 1861 г. словаки, сербы, румыны собрали свои национальные конгрессы, где сформулировали свои требования¹⁸: признание невенгер-

ских народов в качестве самостоятельных наций, создание соответствующих национально-территориальных автономий и преобразование Венгрии в федерацию.

В таких условиях начавшее работу в апреле 1861 г. Государственное собрание Венгрии не могло обойти молчанием национальный вопрос. Именно на этом заседании парламента была предпринята попытка нормализовать межнациональные отношения и урегулировать этот вопрос законодательным путем. Почти все депутаты парламента касались его в своих выступлениях, признавая наличие проблемы и высказываясь за необходимость ее решения путем расширения прав невенгерских народов. Депутат Л. Салаи подчеркивал, что нельзя ни один народ " лишить тех средств, с помощью которых он приходит к полному осознанию своей роли; таким средством, практически единственным, является язык", и он "готов открыть самые широкие просторы для его употребления в Венгрии всем живущим здесь народам"¹⁹. В выступлениях венгерских депутатов прослеживалось два основных момента, которые они подчеркивали, - необходимость соблюдения территориальной целостности Венгрии и положение о том, что не должно быть привилегированных наций, что вопрос нужно решить путем уравнения в правах всех граждан вне зависимости от национальности²⁰.

Представители невенгерских народов А. Влад, Я. Поп, Я. Игнитович, Н. Милич в своих речах пытались говорить о том, что в 1848-1849 гг. они сражались не столько на стороне австрийской реакции, сколько боролись за свои национальные права. Они подчеркивали, что в период абсолютизма, наступившего после революции 1848 г., их народы пострадали не меньше, чем сами венгры. Сербские и румынские депутаты, уважая территориальную целостность Венгрии, выдвигали требование признать за своими народами право на национальное существование.

Соглашаясь с этим, венгры говорили о своей готовности всемерно способствовать положительному решению этого вопроса, удовлетворить справедливые национальные требования.

По инициативе Й.Этвёша была создана парламентская комиссия в составе 27 человек для изучения национального вопроса и подготовки соответствующего законопроекта²¹. В нее вошли 12 представителей невенгерских народов и 15 венгров, причем при голосовании представители национальностей получили наибольшее число голосов. Вошел в эту комиссию и сам Й.Этвёш, став ее председателем. Характерно, однако, что в составе комиссии не оказалось активно участвовавших в обсуждении национального вопроса политиков - И.Иванки, В.Сидади, Л.Мочари.

Й.Этвёш был практически единственным человеком в комиссии, кто на профессиональном уровне мог считаться специалистом по национальному вопросу²². Это обстоятельство отразилось и на представленном комиссией законопроекте. Отсутствие других специалистов и других точек зрения в комиссии привело к тому, что законопроект полностью отражал взгляды Й.Этвёша и по существу являлся его произведением.

Комиссия Этвёша по национальному вопросу завершила работу в июле 1861 г.²³, а 9 августа представила Государственному собранию свое заключение²⁴ (точнее, подготовленный законопроект). В нем комиссия исходила из следующих двух принципов: 1) все граждане Венгрии вне зависимости от языка и национального происхождения составляют одну политическую нацию, соответствующую историческому понятию венгерского государства, т.е. единую венгерскую нацию; 2) все народы Венгрии - венгры, словаки, румыны, сербы, немцы, русины и др. * - являются равноправными национальностями, которые в рамках политического единства государства могут свободно удовлетворять свои национальные потребности на

* Хорваты в этом ряду не упоминаются, так как Государственное собрание при рассмотрении законопроекта о равноправии национальностей руководствовалось границами Венгрии без Хорватии, которая имела свой особый статус. Хорваты признавались самостоятельной политической нацией, имеющей свою государственность. Внутренняя автономия Хорватии была впоследствии закреплена венгеро-хорватским соглашением 1868 г.

основе личной свободы и свободы объединений²⁵. Это означало, что исходным пунктом проекта закона явилось разграничение политической общности, выраженной понятием "венгерская нация", и культурно-языковой общности, выраженной понятием "национальность". Соответственно, венгерская нация и венгерская национальность не рассматривались как идентичные понятия, а перечисление венгров среди других равноправных народов призвано было символизировать отказ от гегемонистских устремлений.

Заключение парламентской комиссии по национальному вопросу признавало национальности в качестве корпораций, но отказывало им в праве создавать самостоятельные политические территориальные образования внутри государства, так как расценивало это как угрозу территориальной целостности страны. На основе двух вышеизложенных принципов и в их рамках комиссия предлагала программу удовлетворения национальных требований на основе принципа свободы личности. Эта программа предполагала переход к формированию органов власти на базе народного представительства и широкое территориальное местное самоуправление во всех регионах. Такая система была призвана обеспечивать использование гражданами родного языка не только в частной, но и в общественной жизни, в сфере образования. Область обязательного применения венгерского языка как языка делопроизводства и заседаний ограничивалась Государственным собранием и центральными органами исполнительной власти (§ 18, 21), а также ведением протоколов в органах самоуправления на уровне комитетов и выше (§ 13).

Граждане получали возможность использовать любой язык национальностей страны при обращении во все инстанции (§ 1). Органы самоуправления низшего и среднего звена сами определяли большинством голосов, на каком языке они ведут дела. Проектом предусматривалась некоторая защита прав национальных меньшинств на уровне низшей администрации и самоуправления: по их требованию делопроизводство должно было вестись и на их родном языке. Каждый гражданин мог выступать

на родном языке в местном самоуправлении. В сфере народного образования и в церковных делах предоставлялась полная самостоятельность, при государственных университетах должны были открыться кафедры языка и литературы для каждой национальности (§ 6-10).²⁶

Изложенная в проекте программа означала решительный разрыв с взглядами венгерского национализма 30-40-х годов, согласно которым употребление венгерского языка было обязательным на всех уровнях и во всех сферах. Однако и эта новая программа, составленная комиссией Этвёша, не могла удовлетворить требования населяющих Венгрию невенгерских народов. Если для венгерской стороны были неприемлемыми требования политической автономии этих народов, то для других национальностей предложенный И.Этвёшем проект не мог быть той основой, на которой возможно было полное национальное примирение. Позиция национальностей выражалась лозунгом "нет - свободе личности без национальной свободы!"²⁷, и потому заключение комиссии встретило их резко отрицательную реакцию²⁸. Главное недовольство вызывал тезис о политической нации. Венгры должны признать, что в стране проживает несколько наций, считали лидеры национальных движений. Таким признанием они отождествляли бы территориальную целостность Венгрии с жизненными интересами ее наций, заявил, в частности, словацкий деятель С.М.Дакснер²⁹.

Столь негативный прием законопроекта однозначно свидетельствовал о том, что цель, поставленная И.Этвёшем, - примирение национальных интересов венгров и других народов - не была выполнена. Лишним подтверждением этому стало наличие альтернативного законопроекта, подготовленного членами комиссии, не согласными с ее заключением. Этот документ, составленный румынскими депутатами А.Владом и С.Поповичем, получил название проекта меньшинства³⁰. Он явился попыткой достичь компромисса между требованиями национальных конгрессов и положениями официального заключения комиссии и, действительно, занимал как бы промежуточную позицию. Главное отличие проекта Влада-Поповича от заключения комиссии

состояло в том, что, признавая тезис о политической нации, авторы вкладывали в него иное содержание. А.Влад и С.Попович исходили из того, что политическую нацию составляют не отдельные личности, а коллективные члены – нации, и потому политическая нация Венгрии (а не венгерская политическая нация) есть совокупность румынской, словацкой, сербской, русинской, немецкой и венгерской наций (§ 1). Таким образом, они объединили в своем проекте требование национальных движений признать их как нации с исходным принципом парламентской комиссии о политической нации. В вопросе о территориальной автономии проект меньшинства носил также более умеренный, чем требования национальных конгрессов, характер: понимая заведомую неприемлемость для венгров создания политических национальных округов, румынские депутаты выступили с предложением изменить границы комитатов в соответствии с расселением различных этносов и в рамках этих новых административно-территориальных единиц осуществлять языковую национальную автономию (§ 5)³¹.

Проект меньшинства встретил активное сопротивление как со стороны венгерского либерального дворянства, выразившего свою точку зрения в заключении комиссии, так и со стороны идеологов национальных движений. Фактически он не нашел поддержки у невенгерских народов и отражал лишь позицию ее авторов А.Влада и С.Поповича. Таким образом Государственным собранием 1861 г. была упущена возможность найти путь к согласию венгерского и других народов. Благоприятная атмосфера в начале его работы, когда деятели венгерского и невенгерских национальных движений проявляли готовность к взаимоприемлемому решению, сменилась ростом подозрительности и недоверия друг к другу. Роспуск Государственного собрания в конце августа 1861 г., на время положил конец поиску путей политического решения вопроса и сделал невозможным обсуждение законопроектов в парламенте. Так, работа над законом о национальностях была прервана до 1865 г., когда Государственное собрание возобновило свою работу и вновь был поднят национальный вопрос.

За 1861–1865 гг. представители невенгерских народов последовательно ставили вопрос о национальных правах, да и в венгерском общественном мнении также произошли определенные изменения. Многие не считались с существованием национальных движений и далеко не всегда шли навстречу требованиям невенгерских народов, склоняясь к венгерскому национализму.

В Государственном собрании, начавшем работу в декабре 1865 г., главным вопросом было заключение соглашения между Венгрией и династией Габсбургов, пресобразование монархии на основе дуализма. Наряду с этой основной проблемой национальный вопрос занял подчиненное место, хотя он по-прежнему оставался очень важным для будущего страны. Обсуждение национального вопроса Государственным собранием венгерские политики считали нежелательным до подписания соглашения. Большинство исходило из того, что после урегулирования главной проблемы венгры смогут вести переговоры с невенгерскими народами уже с позиции силы и не придется идти на значительные уступки. Другая часть депутатов, проявляя понимание к требованиям национальных меньшинств, боялась, что Вена вновь использует выдвижение национального вопроса на первый план для того, чтобы добиться от Венгрии как можно больших прав и преимуществ для себя при заключении соглашения. Что же касается представителей невенгерских национальностей в парламенте, то они проявили терпимость и готовность подождать, тем более что было принято решение создать комиссию для разработки проекта закона о национальностях³². Смирившись с предстоящим преобразованием империи на дуалистических началах, они надеялись, что новый закон о национальностях будет учитывать их требования, сделает возможным федерацию наций хотя бы в рамках Венгрии³³.

Однако в преддверии подписания соглашения представители невенгерских народов стали проявлять беспокойство. Они вполне обоснованно могли опасаться, что акт подписания положит конец надеждам на преобразование Венгрии в федерацию

автономных национальных территорий. Одним из тех депутатов, кто наиболее полно выражал интересы национальностей, был серб Светозар Милетич. Он подчеркивал, что Венгрия не может быть единым в национально-языковом отношении государством по образцу мононациональных западноевропейских стран. "Необходимо, чтобы многонациональное государство отражало характер всех ее наций ... Это может найти политическое выражение в государственной федерации", - говорил С.Милетич и требовал в связи с этим признания политическими нациями всех народов Венгрии³⁴.

После заключения австро-венгерского соглашения и сформирования венгерского правительства в феврале 1867 г. отпали и те формальные препятствия, которые мешали перейти вплотную к решению национального вопроса. В июне 1867 г. был представлен рабочий вариант законопроекта о национальностях, подготовленный комиссией под руководством Й.Этвёша³⁵. Этот документ, как и прежний, составленный в 1861 г., фактически выражал позицию и взгляды Й.Этвёша по национальным проблемам Венгрии. Новый законопроект в основных чертах повторял заключение парламентской комиссии 1861 г., но имел и некоторые отличия, связанные со стремлением к компромиссу с невенгерскими национальностями и учетом их пожеланий. Главное здесь заключалось в отсутствии тезиса о единой венгерской политической нации. По-прежнему отвергая возможность преобразования Венгрии в федерацию и не признавая коллективные политические права народов страны, Й.Этвёш хотел пойти навстречу невенгерским национальностям и в связи с этим даже отказался употреблять в проекте слово "нация". Документ говорит о равноправных "национальностях", при этом понятия "нация" и "национальность" не дифференцируются. Все это должно было служить цели, поставленной Этвёшем - не допускать такого толкования закона, которое позволило бы говорить об особых привилегиях венгров по сравнению с другими национальностями.

Рамки, которыми ограничиваются национальные права, были сформулированы уже во введении к законопроекту: "политичес-

кое единство, территориальная целостность государства, единство его законодательства и управления" не должны быть нарушены³⁶. Это исходное положение, высказанное Этвёшем уже в 1861 г., стало обязательной платформой для венгерских либеральных политиков при решении национального вопроса. В то же время проект в либеральном духе предусматривал довольно широкие национальные права на основе свободы личности. Отдельному гражданину гарантировалась свобода выбора языка при обращении во все государственные инстанции (§ 1). На каждом уровне управления осуществлялся принцип применения того языка, на котором говорило большинство населения данной территории (§ 3, 10). Сельские, городские и комитатские органы самоуправления свободно и самостоятельно могли путем голосования решать, каким языком они хотят пользоваться в делопроизводстве, проведении заседаний и пр. При этом в случае наличия двадцатипроцентного национального меньшинства употребление его языка также становилось обязательным в документах органов самоуправления. Таким образом, проект предлагал удовлетворить одно из основных требований невенгерских народов – возможность их политического самовыражения, но не путем создания национальных территориальных образований, а в рамках комитатского самоуправления.

Тем не менее представленный подкомиссией законопроект в целом вызвал всеобщее недовольство. Как и прежде им не были удовлетворены ни представители национальностей, ни венгры. О принципиальном несогласии с проектом подкомиссии заявили 24 депутата от невенгерских народов. 11 февраля 1867 г. они представили свой законопроект³⁷, подписанный С.Милетичем, А.Мочари и С.Брановачки. Этот документ во многих отношениях восходил к предложениям А.Влада и С.Поповича 1861 г. Его авторы отказались от требования национально-территориальной автономии и проявляли готовность реализовать права национальностей в рамках комитатского самоуправления (§ 2). То, что отличало проект сербских и румынских депутатов от проекта подкомиссии, –

это предложение преобразовать комитаты и избирательные округа по этническому принципу и превратить органы комитатского самоуправления в органы пропорционального национального представительства. Для осуществления такой реорганизации предлагалось создать комитет, на паритетных началах представляющий все нации Венгрии³⁸. Кроме этого, авторы альтернативного законопроекта хотели закрепить за депутатами Государственного собрания право выступать в нем на родном языке (§ 4). Свой законопроект С.Милетич, А.Мочони и др. потребовали поставить на обсуждение вместе с проектом подкомиссии.

Вскоре после того, как оба документа были распространены среди депутатов (альтернативный законопроект – в качестве приложения), в стране началась кампания протеста против законопроекта о национальностях. По инициативе комитета Земплен в парламент стали поступать резолюции комитатских собраний, в которых подготовленный подкомиссией проект осуждался как "лишающий комитаты их венгерского национального характера" и выдвигалось требование установить обязательное употребление на уровне комитатов одного только венгерского языка³⁹. Особенно же отличилось в этом движении протеста венгерское дворянство тех комитатов, где большинство населения составляли невенгры. Дело в том, что в случае претворения в жизнь закона о национальностях (пренебрегающего знание чиновниками и должностными лицами языков народов, живущих на данной территории) массе венгерского комитатского дворянства грозила потеря монополии на власть и возможности занимать доходные посты в органах власти на комитатском уровне. Венгерские помещики заявили, что они не для того отказались от своих сословных привилегий, чтобы теперь отдать их представителям другой национальности⁴⁰. В такой позиции, затрудняющей достижение примирения с невенгерскими народами, выразились крайнее нежелание венгерского землевладельческого дворянства идти им на уступки, боязнь потерять свою господствующую роль в политической и экономической сфере.

Реакция большинства венгерских депутатов, считавших, что проект подкомиссии дает невенгерским национальностям слишком много прав, привела авторов проекта к мысли отложить его обсуждение в парламенте. Лишь осенью 1868 г. (24-29 ноября) на обсуждение палаты депутатов были вынесены два документа: проект парламентской комиссии и проект национальных депутатов от II февраля 1867 г., который теперь подписали 26 человек (18 румын, 7 сербов и 1 русин). Ф. Деак, первым взявшись слово, предложил третий вариант законопроекта⁴¹. Его формулировки несколько расширили сферу применения венгерского языка на комитатском уровне по сравнению с проектом комиссии. Главным в предложениях Ф. Деака было возвращение к тезису о единой венгерской политической нации: "Все граждане Венгрии образуют одну политическую нацию, и эта нация венгерская; каждый гражданин является равноправным членом этой политической нации. Далее, из политического единства нации следует: все, что совершается от имени государства, не может совершаться на нескольких языках. Это должно совершаться на языке государства, на венгерском языке"⁴².

Тезис о венгерской политической нации и подчеркнутое внимание к венгерскому государственному языку исключали возможность трактовать равноправие национальностей в политическом смысле и делали очевидным превосходство венгров над остальными национальностями. Согласно проекту Деака венгров можно было отождествлять с нацией, а другие народы – только с национальностью. Таким образом, законопроект Ф. Деака еще более сужал права невенгерских национальностей, по сравнению с двумя другими представленными законопроектами и особенно с вариантом национальных представителей, который хотя и присутствовал среди других, но всерьез вряд ли воспринимался большинством депутатов парламента.

В ходе дальнейших дебатов выяснилось, что среди выступавших депутатов венгерской национальности преобладали такие настроения и подходы к проекту, которые были проникнуты духом превосходства титульной венгерской нации, идеями политического единства и целостности государства, сохране-

ния его унитарного характера. Выступавший в первый же день обсуждения А.Шимони заявил, что при решении национального вопроса руководящим принципом "должно служить политическое единство венгерского государства", при этом он подчеркивал: "...что бы мы ни дали национальностям, их нельзя удовлетворить, потому что они всегда будут желать большего"⁴³. Отвечая румынским депутатам, заявившим, что закон не может помешать румынам быть нацией, Й.Юст отметил, что у него "нет никаких возражений против того, чтобы они были нацией в Валахии, но никогда не допустит, пока жив, чтобы это произошло в Венгрии"⁴⁴. Одновременно он считал нужным предупредить, что невенгерские народы ставят своей целью расчленение Венгрии. В более спокойной форме аналогичные взгляды выразил и К.Тиса, руководитель парламентской оппозиции. Говоря о преимуществе и привилегиях венгров, он выразил недоумение, почему это рассматривается как нечто недопустимое. Венграм, утверждал он, должна принадлежать руководящая роль в стране "в силу их численности, образованности и благосостояния", а в конечном счете, в силу "культурного уровня и многовекового исторического прошлого". "Итак, - делал вывод этот политический деятель, - закон дает не привилегии, не незаконное превосходство, а просто констатирует то положение, которое есть в настоящее время"⁴⁵.

Депутаты, защищавшие интересы невенгерских народов, в своих выступлениях высказывались против такого подхода к национальному вопросу и отстаивали проект С.Милетича, А.Мочони и др. Призывая всех поддержать этот проект, А.Мочони говорил, что остальные проекты "проводят в жизнь единственный принцип - принцип венгерского превосходства", который осуществляется при помощи тезиса о единой политической нации и расширении сферы применения венгерского государственного языка⁴⁶. Нельзя сводить национальный вопрос лишь к языковому, считал С.Милетич. Он предложил признать колективные права наций и при решении национального вопроса использовать сочетание принципа федерации (национально-территориальной автономии для населения Хорватии и Трансиль-

вания) с принципом гарантии национальных прав в рамках комитатского самоуправления (для других народов Венгрии)⁴⁷.

Выступления выявили непримиримость позиций венгров и невенгерских народов монархии в этом вопросе. Исходной посылкой для венгерского большинства являлось политическое единство, территориальная целостность и неделимость государства, в рамках которого возможно удовлетворение национальных прав. Депутаты же от невенгерских национальностей приоритет отдавали идею равноправия наций, которое вынуждено ограничивалось принципом политического единства Венгрии. В результате голосования по трем проектам за основу был принят проект Ф. Деака, после чего невенгерские депутаты покинули зал заседаний. Так, закон, касающийся жизненных интересов невенгерских народов, был принят 29 ноября 1868 г. без участия их представителей. Он получил название "Закона о национальном равноправии".

Закон не отвечал основным требованиям невенгерских народов, состоявшим в признании их коллективных национальных прав и создания собственных политических институтов. Представители невенгерских национальностей считали оскорбительным для себя тезис о единой венгерской политической нации, который отрицал права сербов, румын, словаков и др. как политических наций и использовался для обоснования ведущей роли венгров в экономической, культурной и политической жизни страны. Вместе с тем "Закон о национальном равноправии", несмотря на свой ограниченный характер, открывал неплохие возможности для культурного развития всех народов, населявших Венгрию. Он сделал возможным создание сети национальных школ, культурных обществ и других объединений неполитического характера. Либеральное содержание закона было признано впоследствии и невенгерскими народами, когда в условиях политики мадьяризации, развернувшейся в последние десятилетия XIX в., они требовали его исполнения.

Итак, в середине XIX в. перед Венгрией со всей острой стала национальный вопрос. В поисках удовлетворительного варианта решения и в интересах межнационального при-

мирения народов Венгрии к его разработке приступили выдающиеся политики и мыслители страны. Возросшее национальное самосознание большинства населяющих Венгрию народов, пройдя чисто культурную фазу своего развития, привело эти народы на этап выдвижения политических требований и программ, обусловило как столкновение различных национальных интересов, так и потребность в разрешении назревших национальных противоречий. К этому времени многие венгерские общественные и политические деятели уже были готовы к осознанию остроты национального вопроса и поняли важность его принципиального решения, насущную необходимость нормализации отношений венгерского и невенгерских народов. В 50-е и особенно в 60-е годы XIX в. рядом венгерских политиков, видных представителей венгерской общественной мысли, были высказаны предложения, направленные на создание приемлемых условий для свободного национального развития всех народов, проживающих в Венгрии.

Подводя итоги анализу концепций и проектов, выдвинутых венгерскими политическими деятелями по решению национального вопроса в Венгрии, следует отметить, что наиболее весомый вклад в разработку этой проблемы внесли такие известные политики, как Л. Кошут, Л. Мочари, И. Этвёш. Высказанные ими идеи исходили из безусловного признания Венгрии многонациональной страной и необходимости удовлетворения справедливых национальных требований невенгерских народов в качестве неотложной политической задачи.

Разработанные ими проекты предполагали решить национальную проблему в Венгрии на основе создания развернутой системы национального самоуправления на местном и комитатском уровнях путем предоставления народам страны обширных правовых гарантий в области культуры и использования родного языка. Венгерские политики при этом считали необходимым согласовать национальные требования невенгерских народов с потребностью сохранения территориальной целостности Венгрии; для них определяющими являлись единство и неделимость страны. Опасаясь ее раздробления, они отказывались

пойти навстречу политическим требованиям представителей невенгерских национальностей о предоставлении последним территориальной автономии и федерализации Венгрии по национальному признаку, ссылаясь при этом на высокую степень этнического смешения населения страны. Исходя из этих соображений, венгерские политики, в частности И.Этвёш, достижение компромисса с невенгерскими национальностями считали возможным на основе расширения личных прав и свобод, гарантий равноправия всех граждан Венгрии вне зависимости от национального происхождения. Лишь Л.Котут и Л.Мочари были склонны пойти дальше других в отношении уступок национальным меньшинствам и признать коллективные права наций, населяющих Венгрию. Но и они не могли согласиться с созданием национальных территорий, рассматривая такие стремления как шаг на пути к развалу государства. В этом выражалось основное несоответствие между взглядами венгерских политиков и национальными требованиями невенгерских народов. Ведь радикальные устремления каждой нации так или иначе вели к обретению своего независимого национального существования, вплоть до создания самостоятельных государственных структур.

Национальный вопрос в 60-е годы XIX в. обсуждался в Государственном собрании Венгрии; высказывались различные предложения по его решению. Эти дебаты фактически и выявили те концепции, которые разработали венгерские политические деятели. По предложению Этвёша в 1861-1868 гг. был подготовлен проект закона, регулирующего национальные отношения, в основу которого легли именно его идеи и взгляды. Вынесенный на обсуждение в парламенте законопроект И.Этвёша отражал его стремление к достижению примирения между венграми и невенгерскими народами страны. Однако, окончательный вариант документа, принятый в качестве закона после внесения в текст дополнений и уточнений, свидетельствовал об определенных уступках венгерскому национальному движению, отдельные руководители которого желали видеть национальные меньшинства, населяющие страну, в ка-

честве единой с венграми политической нации. В конечном счете "Закон о национальном равноправии", принятый парламентом в 1868 г., явился результатом компромисса с этими силами. Поэтому содержащийся в нем тезис о единой политической нации ущемлял национальные права сербов, словаков, румын и других невенгерских народов, давал основание говорить об отказе признать их существование в качестве самостоятельных наций. Правда, за счет включения тезиса о единой политической нации в законе были сохранены практические положения проекта Этвёша, отражающие либеральные устремления его создателей. Таким образом, "Закон о национальном равноправии" 1868 г., хотя и внес много нового как в плане теоретической разработки национальной проблематики, так и применительно к практической деятельности в сфере национальной политики, тем не менее не удовлетворил требования о признании коллективных прав невенгерских национальностей. И все же его принятие явилось важным правовым завоеванием, открывшим возможность для всестороннего развития языка, культуры и образования всех народов, населяющих Венгрию, предоставив им широкие права и свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Lagyarak a Kárpát-medencében*. Budapest, 1988. 163. old.
2. Hacsány L. *Nemzetiség // Hacsány Lajos emlékkönyv.*
Hacsány L. *Programm a nemzetiség és a nemzetiségek tárgyában.* Pest, 1860; Eötvös J. *A nemzetiségi kérdés // Eötvös J.* *Reform és hazafiság.* III.köt. Budapest, 1978.
3. Az 1861. év április 2-án Pesten egybegyűlt Országgyűlés képviselőházának irományai. I-II. köt. Pest, 1861 (далее - Irományok, 1861); Az 1861. év április 2-án Pesten egybegyűlt Országgyűlés képviselőházának naplója. I-II. köt. Pest, 1861 (далее - Napló, 1861); Az 1865. évi december 10-re hirdetett Országgyűlés képviselőházának irományai. I-VI. köt. Pest, 1865-1868. (далее - Irományok, 1865; Irományok, 1867); Az 1865. évi december 10-re hirdetett Országgyűlés képviselőházának naplója. I-XI. köt. Pest, 1865-1868 (далее - Napló, 1865-1868).

4. *Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában.* I. köt. 1867-1892. Budapest, 1952.

5. История Венгрии. Т.2. М., 1972; Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991; Освободительные движения народов Австро-Венгерской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981. Magyarország története 1849-1918. Budapest, 1972; Magyarország története. 6.köt. Budapest, 1979; Miklós I. Nemzetiségi jog és nemzetiségi politika. Kolozsvár, 1944; Szabad Gy. Forradalom és kiegyezés végazzártján. 1860-1861. Budapest, 1967; Tóth E. Mocsáry Lajos élete és politikai pályakezdete. 1826-1874. Budapest, 1967.
6. Kann R. Nationalitätenproblem der Habsburger-Monarchie. Bd. I-II. Graz; Köln, 1964; Weier J. Eötvös und die ungarische Nationalitätenfrage. München, 1966.
7. Исламов Т.М. Федерализм как способ организации многонационального государства в восточной части Центральной Европы // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты. М., 1991. С.165-167; Magyarország története 1849-1918. 116.old.
8. Magyarország története. 6.köt. 513.old.
9. Szalai Gy. Kossuth politikai pályafja. Budapest, 1977. 123. old.
10. Magyarország története. 6.köt. 514. old.; Исламов Т.М. Указ.соч. С.177;
- 11. Magyarország története 1849-1918. 37. old.
 - 12. Magyarország története, 6.köt. 509.old.
 - 13. Locsáry L. Programm... 100.old.
 - 14. Tóth Z. Op.cit. 67-68.old.
 - 15. Eötvös J. Reform és hazaifiség. III.köt. 357.old.
16. Eötvös J. Vállomások és gondolatok. Budapest, 1974. 669.old.
17. Kann R. Op.cit. S.103.
18. Iratok... 14.old.
19. Napló.1861. 133.old.
20. Irományok.1861. 32.sz. 34.old.
21. Napló.1861. II.köt. 106-107.old.
22. Weier J. Op.cit. S.133.
23. Szabad Gy. Forradalom és kiegyezés végazzártján. 1860-1861. 553.old.
24. Irományok.1861. 45.sz. 345-348.old.
25. Ibid.346.old.
26. Ibid.345-348.old.
27. Szabadság Gy. Forradalom...300.old.
28. Miklós I. Op.cit. 181.old.
29. Magyarország története 1849-1918. 111.old.
30. Iratok... 45, 48.old.
31. Ibid. 45.old.
32. Irományok.1865. I.köt. 58-59.old.
33. Napló.1865. I.köt. 232.old.
34. Ibid. III.köt. 162.old.
35. Irományok.1867. II.köt. 251.old.
36. Ibid.
37. Ibid. VI.köt. 134.,135.old.

38. Ibid. 134.old.
39. Kapt. 1867. V.köt. 274.old.
40. Ibid. VI:köt. 57.old.
41. Ibid. 1868. XI: 6-8.old.
42. Ibid.
43. Ibid. 24.old.
44. Ibid. 100.old.
45. Ibid. 136-137.old.
46. Ibid. 15-16.old.
47. Ibid. 76-78.old.

С.М.ФАЛЬКОВИЧ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Возникновение революционно-демократической мысли, отражающей интересы и чаяния трудящихся масс, связано с процессом перехода от феодализма к капитализму. Наряду с революционностью и демократизмом характерными чертами этой идеологии принято считать также интернационализм, наличие социальных акцентов, элементов утопического социализма. Поскольку мысль не существует абстрактно, а лишь в виде взглядов ее конкретных носителей, идеальный образ революционной демократии складывался объективно на основе обобщения взглядов целого ряда идеологов, каждый из которых далеко не всегда обладал набором всех черт, присущих революционному демократу. Скорее всего в большинстве случаев приходится говорить об элементах революционного демократизма, и это весьма осложняет общую оценку позиции того или иного идеолога, препятствует безоговорочному зачислению его в стан революционных, радикальных или просто демократов.

Отмеченная особенность революционно-демократической мысли, вытекающая из факта множественности составляющих ее компонентов, была связана также с длительностью процесса перехода от феодализма к капитализму: на протяжении всего периода происходило развитие, обогащение, изменение взглядов отдельных идеологов и революционно-демократической идеологии в целом. У разных народов этот процесс протекал в разное время, что накладывало отпечаток на формирующуюся революционно-демократическую мысль. Стадиальное несовпадение обусловило невозможность возникновения единого международного лагеря революционной демократии. Однако в некоторых странах происходило совпадение процессов по времени, направленности, по главным акцентам развития. Так, в частности, в России, Польше и ряде других стран в центре общественной жизни на этом

этапе встала борьба аграрной демократии. Это определило известное сходство и в плане складывания революционно-демократического течения, несмотря на то, что в каждой из стран существовали свои особые, специфические условия, оказывавшие воздействие на развитие идеологии.

В России и Польше революционно-демократическая идеология сформировалась примерно одновременно. Она вобрала в себя наиболее прогрессивные традиции дворянской революционности. Однако в национальном вопросе русская и польская идеологическая традиция существенно различалась в силу объективного различия в положении польского и русского народов: для угнетенного и разделенного польского народа национальный вопрос был прежде всего вопросом своей национальной свободы и независимости, для русского – вопросом национального и социального освобождения угнетенных царизмом народов как необходимого условия свободного поступательного развития своей родины.

Большая обнаженность социальных задач, не завуалированных национальным моментом, помогала русским революционным демократам в осознании необходимости идейно-политического размежевания с буржуазно-демократическим течением, левое крыло которого как в России, так и в Польше смыкалось с революционной демократией в ходе освободительной борьбы. У польских революционных демократов процесс размежевания осложнялся влиянием идеи "единства нации" – традиционной идеи шляхетской революционности. Национальный классовый солидаризм был в условиях разделов Польши весьма актуален, и представители круга польской революционной демократии часто не умели ему противостоять. Влияние идеи "единства нации" сказывалось на их программах и тактике, на практической деятельности. Оно прослеживалось в их позиции как в 40-е (Ю.Гослар), так и в 60-е годы XIX в. (Я.Стелла-Савицкий). И хотя в восстании 1863 г. в Королевстве Польском польские "левые" трактовали "национальное единство" как объединение всех сил общества в борьбе за программу независимости и демократических преобразований Польши, объек-

тивно это "единство" как раз тормозило борьбу и способствовало ее поражению.

Более четкое выделение социальных моментов и осознание неразрывного единства национальных, политических и социальных задач было характерно для русской революционной традиции, начиная с декабристов. Ее развили участники организации Петрашевского, а наиболее ярко выразили революционеры-демократы 50-60-х годов, вождь которых Н.Г.Чернышевский впервые дал классовый анализ национальной проблемы, исследовав польско-украинские отношения. Эта традиция оказывала влияние и на развитие передовой общественной мысли в Польше. В 30-е годы члены тайного Содружества польского народа ("свентокшижцы") еще только вырабатывали верный подход к решению социальных и национальных задач. Одни из них выступали за чисто национальную борьбу, другие, как, например, А.Венжик, за сочетание ее с борьбой социальной, третьи вообще проявляли национальный нигилизм. Так, Г.Эренберг и С.Морозевич считали, что национальный вопрос решится сам собой в результате демократических преобразований, а кое-кто из "свентокшижцев" заявлял: "Мы не признаем в своем ученье ничего такого, что бы имело связь с патриотизмом"¹.

К 40-м годам уже сформировалась концепция аграрной революции в Польше как необходимого условия ее национального освобождения. Эта новая, революционно-демократическая позиция ярко проявила в Краковской революции 1846 г. Тенденция соединения национальных и социальных задач прослеживалась у польских эмигрантов, создавших организацию "Люд Польский": название одной из его громад (объединений) "Умань" подчеркивало социальный смысл национального украинского вопроса. Руководитель тайной революционной организации в Королевстве Польском П.Сцегенный, осуждая национальную вражду и кровопролитные войны, связывал эти явления с социальными проблемами. Он делил людей не по национальному или религиозному, а по классовому признаку, утверждая: "Нашим ближним является каждый человек - католик или еврей, поляк или украинец, русский или немец"². Попытка вложить социальное со-

дование в понятие патриотизма отмечалась и во взглядах конспираторов из Союза литовской молодежи. Ряд польских революционных демократов (так же как и русских) связывали решение национальной проблемы с преобразованиями не просто социальными, но носящими социалистический характер.

Таким образом, русская и польская революционная демократия действительно отражала интересы нации в широком их понимании, т.е. как социальные, так и национальные: ведь без осуществления социальных преобразований поляки не могли добиться освобождения от национального угнетения; русский же народ не мог сбросить с себя ярмо политического и социального гнета без разрушения царской тюрьмы народов. Выступление революционной демократии показывало ограниченность патриотизма имущих слоев, способствовало разоблачению идеи "национального единства". Это подтверждалось и самим ходом освободительной борьбы, в которой революционные демократы, при всей непоследовательности и ошибках, играли роль наиболее активного и решительного авангарда.

Революционные демократы России и Польши в лице своих наиболее последовательных представителей явились предшественниками революционных социал-демократов, в том числе и в национальном вопросе. Их достижения в этой области, и прежде всего выдвижение принципа самоопределения наций, стали вершиной теоретической разработки национальной проблемы в допролетарский период. При этом важную роль играла перекличка идей, их взаимовлияние, взаимодействие самих русских и польских революционеров.

В русской прогрессивной общественной мысли уже в конце XIX - начале XIX в. провозглашались принципы национального равенства и естественного права народов. В частности, такие взгляды высказывал Ф.В.Каржавин, который, так же как В.Г.Анастасевич, П.А.Словцов и др., осуждал разделы Польши, выражал полякам горячее сочувствие, выступал в защиту прав польского и других порабощенных царизмом народов. Разделы Польши и участие в них России осуждали также декабристы. П.И.Пестель писал о естественном праве польского народа,

предусматривая создание независимого, преображенного в социальном и политическом плане Польского государства; он же выдвигал требование объединения всех польских земель, в том числе и находившихся под властью Австрии и Пруссии. Со временем декабристов осознание неотъемлемых прав польского народа на свободу и представление о необходимости целостности Польши укоренились в русском освободительном движении и передовой общественной мысли. Оно было подтверждено практикой русско-польского революционного сотрудничества во время польского восстания 1830 г., когда члены русских революционных кружков делали попытки помочь повстанцам (кружок Н.П.Сунгрова в Москве), а затем нашло дальнейшее продолжение и развитие. В 40-е годы XIX в. революционно-демократическое крыло организации петрашевцев выступило с осуждением ликвидации Краковской республики после революции 1846 г., приветствовало восстание 1848 г. в Познани. В национально-освободительном движении поляков и других народов России петрашевцы видели резерв общероссийской народной революции. М.В.Петрашевский считал, что падение или ослабление царизма приведет к распаду империи и освобождению народов.

Вера в революционный потенциал польского народа подкреплялась начавшимся с конца 50-х годов подъемом борьбы в Королевстве Польском, вылившимся в 1863 г. в восстание. В этот период русские революционные демократы последовательно выступали за свободу Польши. О праве Польши на независимость заявили в 1861 г. П.Г.Заичневский и Н.Н.Освальд. О том же говорилось на страницах "Великорусса" и "Колокола", в статьях М.А.Бакунина, А.И.Герцена, Н.А.Огарева, в прокламациях "К молодому поколению", "Молодая Россия" и др. Права Польши и других народов решать свою судьбу требовали революционные организации "Земля и Воля", Комитет русских офицеров в Польше. За независимость Польши высказывался в 1862 г. в своем проекте конституции России Н.А.Серно-Соловьевич; видя в национальных стремлениях знамение времени ("характер века"), он выступал за ликвидацию национального

гнета и предоставление свободы Украине, Белоруссии, Прибалтике, поддерживал национально-освободительное движение итальянцев и австрийских славян. Национальное угнетение в Австрии клеймил также Н.Г.Чернышевский. Но главным объектом атак русской революционной демократии был царизм, против которого в это время сражались польские повстанцы. "Земля и Воля" открыто заявила о поддержке восстания; в прокламации "Льется польская кровь...", в воззваниях, на страницах русской бесцензурной печати звучал призыв обратить оружие не против польских повстанцев, а против самодержавия. Откликом на это было участие русских в повстанческих отрядах, всемерная помощь борьбе поляков.

Лозунг польской свободы остался на знамени русской революционной демократии и после поражения восстания. В обстановке разгула шовинистической реакции в России дело защиты прав польского народа продолжил за границей герценовский "Колокол". Тем самым Герцен "спас честь русской демократии"³ и ее революционную программу; его голос стал аргументом против поднявшейся в Польше ответной волны национализма. Позиция передовой русской общественной мысли помогала, таким образом, левому крылу польского освободительного движения в его идейной борьбе, способствовала утверждению на позициях интернационализма.

Если для русских революционеров пробным камнем интернационализма было отношение к национальным правам угнетенных царизмом народов, и прежде всего их позиция по польскому вопросу, то у революционеров-поляков интернационализм проверялся на отношении к народам тех государств, которые осуществили разделы Польши, и к народам "кресов" бывшей Речи Посполитой. В польскую освободительную традицию уже в конце XIX в. вошла идея борьбы совместно с народами России, Австрии и Пруссии: к ней призывало Общество польских республиканцев. Речь шла, в первую очередь, о российско-польском революционном союзе. Мысль о том, что существуют две России, что нужно отделять русский народ от царизма, призыв к революционному сотрудничеству "за нашу и вашу ско-

боду" звучали в восстании 1830 г. Эти идеи высказывали в своих выступлениях И.Лелевель и А.Мицкевич, С.Ворцель и Г.Каменский; они развивались в документах эмигрантских организаций (Польское демократическое общество, "Люд Польский"), на страницах польской заграничной печати, в литературных произведениях и к 40-м годам утвердились прочно.

Попытки осуществить революционное сотрудничество на практике делались еще со временем декабристов, но лишь в начале 60-х годов союз с революционной Россией был заключен благодаря усилиям польских революционных демократов. После поражения восстания 1863 г. представители именно этого течения (Я.Домбровский, Ю.Токажевич, Л.Булевский, В.Врублевский, А.Медекша, В.Мрочковский, Я.Загурский) защищали русских от обвинений в "захватнических инстинктах", выступали против национализма, расизма. Так, Токажевич опубликовал в органе демократической эмиграции "Неподлеглость" статью, направленную против расистской теории Ф.Духиньского, объявлявшего русских "турано-монголами", исключавшего их из славянского мира и из круга союзников Польши. Революционно-демократическое и радикальное крыло польской эмиграции: отстаивало лозунг русско-польского революционного союза на страницах "Неподлеглости" и "Гмины". Он звучал в обращении к "Колоколу" в 1866 г. и приветствии Токажевича по случаю 10-летия герценовского издания, в воззвании Республиканского центра (Огниска) Булевского "К русским братьям" (1867 г.). В 1870 г. эта группа польских эмигрантов добилась принятия Объединением польской эмиграции манифеста, содержавшего идею русско-польского революционного союза - союза с русским народом - "слепым орудием" царизма⁴.

Создание революционного союза народов России против самодержавия зависело и от позиций польских революционеров в отношении национальных устремлений украинцев, белорусов и литовцев. Поэтому такое значение придавали ей русские революционные демо克拉ты, видевшие в справедливом решении национального вопроса для этих народов залог успешной борьбы с царизмом. Они опирались на утвердившуюся в освободитель-

ном движении России традицию декабристов, которые лозунг свободы самоопределения применяли и к этим народам, требуя определения границ между ними и поляками по этническому принципу. При этом М.Н.Муравьев, П.И.Пестель, К.Ф.Рылеев предлагали выявить волеизъявление населения путем опроса, учитывая его языковую и религиозную принадлежность.

Революционные демократы 60-х годов последовательно пропагандировали интернационалистскую концепцию по вопросу о границах Польши. Герцен акцентировал право наций на самоопределение по отношению к жителям "кресов". Серно-Соловьевич выступал за уничтожение в России национального гнета и установление добровольного союза свободных народов. Подобная постановка вопроса, противопоставлявшая право на самоопределение историческому праву, содержалась и в воззвании Комитета русских офицеров в Польше в 1862 г. Она привлекала внимание польской "левицы" к существеннейшей для Польши проблеме: ведь вопрос о свободе украинского, белорусского, литовского крестьянства "кресов" тесно связывался с вопросами аграрной революции, а следовательно, и национального освобождения Польши.

Воздействие русской революционно-демократической мысли имело тем большее значение, что в традиции шляхетской революционности упрочилась концепция "единой польской нации" в границах 1772 г., отрицавшая существование украинской, белорусской, литовской национальности. Она довлела не только над польской демократией в целом, но и над революционно-демократическим течением. Так, идеолог "Люда Польского" Т.Кремповецкий выступал за создание на основе всевластия народа единой демократической Польши, в которой все народы будут равны. Требуя границ 1772 г., польские патриоты исходили из стремления вести борьбу за свободу на всей территории бывшей Речи Посполитой, сконцентрировать в ее пределах все силы, способные бороться за новую, социально преображенную Польшу. Они не понимали, что только признание права наций на самоопределение может привести их к добровольному единению, а значит, и к успеху борьбы. Преодолеть

это непонимание, эту ограниченность национальных программ, идущую от шляхетской традиции, могло помочь освоение позиции русских революционных демократов как по польскому вопросу, так и непосредственно по вопросу прав народов "кресов", т.е. по вопросам, являющимся составными частями общей проблемы национального самоопределения.

Огромное значение имело то, что в начале 60-х годов принцип национального самоопределения был включен русскими революционными демократами в союзный договор с поляками. В значительной степени в результате влияния русской общественной мысли в идеологии польского освободительного движения этого времени получили широкое распространение лозунги равноправия и автономии украинского, белорусского и литовского народов (в частности, такие взгляды исповедовали члены заграничного Общества польской молодежи), а наиболее последовательные идеологи польской революционной демократии признавали право этих народов на самоопределение. В ряде случаев это были выходцы с "кресов", осознавшие связь лозунгов крестьянской революции и сотрудничества в ней всех народов, как, например, Я.Домбровский, С.Бобровский. Последний, в частности, писал в 1861 г.: "Тот народ, который хочет быть с нами, пусть остается, а тот, который не пожелает этого, пусть будет свободным"⁵. Сераковский, особенно глубоко понимавший сложность межнациональных отношений, не исключал и возможности автономного существования Польши, Украины, Белоруссии и Литвы в составе демократической России. Революционные демократы добились включения пункта о праве на самоопределение народов "кресов" в письмо Центрального национального комитета, готовившего восстание в Королевстве Польском, "Колоколу". Однако ни в опубликованной программе ЦНК, ни в манифесте повстанческого правительства этого пункта не было: говорилось об уважении прав народов, о равенстве без различия национальности, языка и религии в будущей демократической Польше, восстановленной в границах 1772 г. и находящейся в революционном союзе с другими странами, прежде всего славянскими.

Пойдя на компромисс во имя "единства нации", "левые" расчитывали на деле дать программе радикальную трактовку. Это было особенно важно в свете большой интенсивности крестьянского движения в Литве, Белоруссии, на Украине. Наиболее прозорливые из действовавших здесь во время восстания 1863–1864 гг. революционных демократов (З.Сераковский, К.Калиновский, А.Машкевич, Л.Звеждовский и др.) стремились объединить в борьбе усилия людей различных национальностей.

Польская революционная демократия оказалась недостаточно последовательной в вопросе о правах народов "кресов". Важно было не провозглашение границ 1772 г., что само по себе отнюдь не всегда являлось выражением национализма, а чаще представляло собой противопоставление, с одной стороны, объединенным силам внешней реакции, разделившим Польшу, а с другой – тройлоялиズму – концепции лояльности поляков в отношении чужеземной власти в каждой из частей Польши. Более существенным недостатком при формулировании лозунга границ 1772 г. являлось отсутствие оговорок о праве народов на самоопределение и о социальных преобразованиях. В этом заключалась разница между позициями русских и польских революционных демократов, здесь проходила линия размежевания в среде послеповстанческой эмиграции.

Последовательно выступал за право народов "кресов" решать свою судьбу Я.Домбровский. "Потребность в свободе, когда народ ее ощущил, – заявлял он в 1867 г., – дает ему неотъемлемое право избавиться от опеки; всякое же навязывание чужого влияния или власти есть насилие. И насилие это тем отвратительнее, если его совершает народ, борющийся за собственную независимость. Такой народ лишает себя моральной основы..."⁶. Конкретизация этого тезиса содержалась в Открытом письме Домбровского депутату галицийского сейма Л.Дунину-Борковскому, написанном в 1866 г.: "Польский народ, борющийся за независимое существование, слишком хорошо понял, что не может отказывать в нем никакому народу под угрозой восстановить против себя всех тех,

у кого он отнял это право, под угрозой отказа от идеи, заявленной на знаменах, под угрозой самоубийства". Домбровский напоминал, что повстанческое правительство, признав за украинцами "все права самостоятельного устройства и развития", утвердило мысль о том, что "Польша ни силой, ни угнетением не будет никого принуждать к слиянию с ней в единое целое – если кто снова захочет жить вместе на основе законов свободы и равенства, тем лучше, а если нет, – то ему вольная дорога, мы⁷ останемся при своем – чужого не хотим и нам его не нужно".

Не отрицая возможности добровольного объединения народов "кресов" с Польшей, рассматривая этот вариант как оптимальный для успеха их совместной борьбы за свободу, Домбровский подчеркивал, что нужно приближать такую возможность, и требовал заложить фундамент украинской независимости в Галиции, провозгласить право на самоопределение для белорусов и литовцев. Создать центры будущей независимости польского и украинского народов соответственно в Кракове и Львове предлагала также эмигрантская "Змова", на страницах которой выступали Домбровский, Рожаловский и Медекша; газета заявила о поддержке национально-освободительных стремлений украинцев, белорусов и литовцев в интересах демократической Польши и призывала их к союзу против внешних и внутренних врагов. "По мнению польских революционеров, – писал Медекша, – Украина не Москва и не Польша, а самой себе должна принадлежать"⁸. За национальное самоопределение стояли также В.Мрочковский и Л.Правдзич, отрекавшиеся от старых приудильных уз, но не исключавшие в перспективе добровольного союза народов в результате их совместной борьбы. Против всякого национального гнета, за свободную волю народов высказывалось "Огниско"; его руководитель Л.Булевский рассчитывал на участие украинских крестьян в будущем восстании,ставил цель просвещения их и революционной пропаганды на их родном языке. В известной степени эту позицию разделяла свободная от националистических претензий "Гмина".

Взгляды этой части эмиграции отражали те изменения, которые произошли в идеологии польского освободительного движения как под влиянием революционно-демократических концепций, сформулированных к этому времени в Польше, России и на Западе, так и под влиянием самого революционного опыта поляков – опыта восстаний 1830, 1846, 1863 гг. Это осознавали и сами польские революционные демократы: Домбровский, выступая за право на самоопределение, подчеркивал важность задачи "показать, что добытый кровью и потом идейный прогресс не погибает зря и не пропадает бесплодно, а постоянно прорастает и развивается"⁹. Прогресс в вопросе об отношении к украинскому, белорусскому, литовскому народам проявлялся и в том, что в среде польских эмигрантов, даже не признававших право на самоопределение, разрабатывались планы автономии украинских, белорусских и литовских земель в составе Польши (газеты "Ле Пёль Плонез", "Неподлеглость") или федерации их с польскими землями (Ю.Токажевич, Ю.Гауке-Босак и др.) и эти планы связывались с задачей социальных преобразований и осуществлением революционной солидарности народов. Выдвигались также требования развития национальной культуры населения "кресов" (М.Акелевич).

Однако часть демократической эмиграции соглашалась лишь на уступки культурно-языкового характера, а определенные круги (сторонники Л.Мерославского, организация Отул и др.) выступали против предоставления украинцам, белорусам и литовцам каких-либо прав, безоговорочно требуя границ 1772 г. Очень многие радикальные демократы, и даже из круга революционной демократии, не понимали и не принимали принципа самоопределения народов. Против Домбровского выступили ведущие деятели Объединения польской эмиграции, в том числе В.Врублевский, Ю.Токажевич, Б.Свентожецкий. В манифесте Объединения утверждалось, что Украина получит свои права в демократической Польше. Токажевич, Врублевский, Булевский, А.Франковский видели в Люблинской унии, 300-летие которой отмечалось в 1869 г., союз свободных и равных народов, а Босак, в первые годы после восстания не настаивавший

на границах 1772 г., превозносил украинские "вольности" в Речи Посполитой. Опыт восстания 1863 г. показал наличие острых национальных противоречий на Украине, что подтверждалось и обострением национальных конфликтов в Галиции. Для их устранения Босак считал необходимым заключить польско-украинское соглашение, охватывающее все социальные слои. Таким образом он игнорировал классовую сущность этих противоречий.

Характерной чертой революционно-демократической идеологии было сочетание патриотизма и интернационализма. У русских революционных демократов и эта линия шла от эпохи декабристов, чьи взгляды ознаменовали начало более глубокого подхода к пониманию этой проблемы. Углубить представление о патриотизме им помог, в частности, опыт Отечественной войны 1812 г. "Подлинное понимание собственной родины, — писал о декабристах С.Ворцель, — научило их уважать чужую"¹⁰. Понятие патриотизма в русской прогрессивной общественной мысли все теснее связывалось с гуманизмом и интернационализмом. Как считал Н.А.Добролюбов, "патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду... Настоящий патриотизм как частное проявление любви к человечеству не уживается с неприязнью к отдельным народностям"¹¹. Для передовых русских мыслителей истинный патриотизм не означал априорной апробации всего "своего", национального; наоборот, проявлением его становилась резкая критика российской действительности. Не случайно П.А.Чаадаева, Т.Н.Грановского и др. страшила перспектива победы России в Крымской войне как победа николаевской системы; они готовы были даже к поражению, если бы оно столкнуло Россию с пути "своего собственного порабощения и порабощения других народов"¹².

Таким образом, полное отсутствие национализма и более глубокое понимание интересов родины определяло отношение к освободительной борьбе народов, порабощенных "родным" царизмом. Петрашевцы подчеркивали, что освобождение польского и других народов России жизненно важно для народа русского.

Мысль о том, что патриотизм требует отказаться от Польши, звучала в печати и воззваниях революционных демократов на кануне и во время восстания 1863 г. ("Великорус", "Льется польская кровь..." и др.). Ее разделяли Серно-Соловьевич и Бакунин. Последний в 1862 г. доказывал, что без освобождения Польши не может быть свободна Россия. Герцен же заявил предельно четко: "Мы с Польшей, потому что мы за Россию"¹³. Герцен подчеркивал, что защищая польское дело и после восстания, он остался верен своему народу.

Подобные взгляды были характерны также для части польских революционных идеологов. В словах, очень близких к высказываниям Добролюбова, выражали свое представление о патриотизме Э.Дембовский, утверждавший, что "любовь к народу и к человечеству – это одно и то же"¹⁴, Г.Каменьский, писавший, что любовь к своей национальности "не исключает любви ко всему человечеству, а подкрепляет ее"¹⁵. Перекличка идей слышалась и в заявлении поляка-петрашевца Я.Ф.Ястшемского о готовности пожертвовать Польшей ради счастья других народов. А Я.Н.Яновский, подобно подлинным русским патриотам, видел истинный патриотизм в том, чтобы не замалчивать язвы родной страны, а горевать над ними; он призывал брать из национальных традиций только лучшее, не идеализировать прошлого Польши. "Национальной идеи" польского мессианизма, культивировавшего религию и национализм, противопоставлялась солидарность с прогрессивными стремлениями и революционными движениями других народов. Процесс выработки интернационалистских взглядов включал, в частности, борьбу против расистских теорий, вроде теории Ф.Духиньского о "монгольском" происхождении русских. Сложнее обстояло дело с преодолением польского эгоцентризма: обусловленный в значительной степени национально-освободительными стремлениями польского народа, он был распространен и в демократической среде. Даже такой радикальный деятель польской эмиграции, как Я.Н.Яновский, с конца 40-х годов стоял на позиции "экономии польской крови" для "чужих" дел и рассматривал служение Польше как

"служение человечеству"¹⁶. Это мнение разделяло немало польских революционеров.

Преодолению таких взглядов и утверждению в польской общественной мысли понятия подлинного патриотизма, исключающего всякие националистические моменты, способствовала практика интернационального революционного сотрудничества. Если возникшее на переломе XIX-XIX вв. Общество польских республиканцев провозгласило себя "другом всех свободных народов"¹⁷, то в 20-е годы XIX в. стали складываться постоянные контакты польских революционеров с революционерами других стран, а в 30-е годы возникли многонациональные революционные организации, в которых поляки активно участвовали. В это время идеи интернационализма заняли прочное место в программах польских конспираторов и демократической эмиграции. Так, члены тайного Демократического общества в Вильно объявили своей целью "внушать между всеми, что нации равны и ненависти не должен никто питать друг к другу, несмотря на разность наций"¹⁸. "Свентокшижцы" считали, что каждая нация имеет долг не только перед собой, писали о единстве целей освободительного движения всех народов Европы и их обязанности помочь друг другу в борьбе. В 40-е годы в результате накопления социального и политического опыта лозунг интернационализма получил у польских идеологов более глубокое истолкование и социальное наполнение. Его выдвигали П. Сцегений, объявлявший "ближними" всех угнетенных без различия национальности¹⁹, и Ю. Госляр, выступивший накануне Краковского восстания с призывом к совместной революционной борьбе всех угнетенных народов. Дембовский также связывал свободу и социальное благодеяние одного народа с интересами всех других, так как видел в будущем перспективу их объединения в один народ, хотя и говорящий на разных языках.

На этапе шляхетской революционности и национально-освободительных восстаний идея интернационализма, международного революционного сотрудничества нашла наиболее полное воплощение в революционном союзе, заключенном русски-

ми и польскими революционными демократами. Уже в 40-е годы на территории Российской империи складывались многонациональные революционные организации, а лозунг интернациональной солидарности стал составной частью идеологии русских, польских, украинских революционеров. В 60-х годах в условиях революционной ситуации в России возникли новые формы межнационального сотрудничества, многонациональные организации вошли в общую систему под началом "Земли и Воли". Наивысшим проявлением интернационализма явилось участие в подготовке и проведении восстания 1863 г. революционеров разной национальности. Идея межнационального революционного сотрудничества находилась в тесной связи с общим характером идеологии, со степенью ее радикальности, и потому у революционных демократов как русских, так и польских, она занимала наиболее прочные позиции.

Польские революционеры поддерживали широкие интернациональные связи и с европейским освободительным движением. Эта традиция была заложена еще в XVIII в. и связывалась с Великой французской революцией и войной Американских штатов за независимость, в которой приняли участие Т.Костюшко и другие поляки. В первое десятилетие XIX в. развивались контакты польских революционеров с карбонариями; в 30-е годы "Люд Польский" установил связь с Ф.Буонарроти, с чартистами, С.Ворцель, И.Лелевель и ряд других представителей демократической эмиграции участвовали в международной революционной организации "Молодая Европа". Созданное эмигрантами Польское демократическое общество подчеркнуло в Учредительном манифесте 1832 г., что "будущее Польши зависит от будущего других европейских народов"²⁰. О том же писал Лелевель: "Дело свободы не является уделом одного народа: оно принадлежит всему человечеству"²¹. Эти слова поляки подтвердили в 40-х годах активным участием в европейской "Весне народов"; они сражались в Германии, Венгрии, Италии. К 40-50-м годам относится и сотрудничество польских эмигрантов в международном обществе "Братские демократы", Международной демократической ассоциации, Центральном Комитете

европейской демократии. С.Ворцель, Л.Булевский и др. находились в тесном контакте с Д.Мадзини, Д.Гарибальди, Л.Кошутом. В это время польская эмиграция (и в том числе революционные демократы) строила планы выступления поляков совместно с итальянскими, венгерскими и славянскими революционерами. Подобные планы разрабатывались и после восстания 1863 г., которое еще сильнее сблизило революционные силы Европы с польскими патриотами. Большую активность в подготовке совместной борьбы народов, угнетенных Габсбургами, проявляли Босак, М.Крук-Гейденрейх, А.Домбровский, В.Рублевский и другие деятели радикального и революционно-демократического крыла эмиграции.

Интернационализм польских революционеров носил на себе печать известной парадоксальности: польские "интернационалисты" активно поддерживали освободительную борьбу других народов, но при этом их целью всегда оставалось освобождение Польши. Такой эгцентризм, обусловленный угнетением и расчленением Польши, накладывал отпечаток на интернационализм польских революционеров, порой вел к ограниченности и практицизму. Идея революционного союза с народами не мешала даже революционным демократам обращаться к правительству ради "пользы" польскому делу: так, в момент Восточного кризиса 1877-1878 гг. Рублевский и Гейденрейх вошли в контакт с британским кабинетом, а польские революционеры весьма радикальных взглядов, такие, например, как Б.Рагоза, участвовали в войне на стороне Турции. Эти факты метаний между симпатией к славянским народам, боровшимся против османского ига, и ненавистью к царизму свидетельствовали о влиянии на польскую революционную демократию и в 70-е годы традиций освободительной борьбы периода шляхетских восстаний. И хотя практика революционного интернационального сотрудничества вела к изживанию польского эгцентризма, он еще давал о себе знать в ряде вопросов, актуальных для польских революционеров, в том числе революционных демократов.

Одним из них был вопрос о месте Польши в славянском ми-

ре, тесно связанный с представлениями о разрешении национальной проблемы и будущем народов. Идеи славянской общности, планы создания демократической славянской федерации играли немалую роль в выработке интернационалистских взглядов как у польских, так и у русских революционных демократов. В основе их славянских концепций лежал лозунг борьбы против международной реакции за социальное и национальное освобождение народов, при этом в центр выдвигалась идея русско-польского революционного союза; идея славянской взаимности трактовалась как идея свободного союза вольных равных народов в виде федеративной или конфедеративной республики в противовес реакционному панславизму, гегемонизму, представлениям о славянской исключительности. В постановке русской и польской революционной демократии идея славянской федерации очистилась от реакционных тенденций и стала связываться с идеями национального равенства, самопределения, интернационального союза в борьбе за демократические социальные преобразования, с идеями утопического социализма. На этой революционно-демократической основе лозунг федерации получил возможность дальнейшего развития и углубления на следующем этапе освободительного движения.

В русской революционной традиции уже декабристы связывали идею славянской общности с демократическими преобразованиями и борьбой за освобождение народов, в том числе и польского. Многих из них именно славянские мотивы побуждали к поддержке польской независимости; учреждение "свободных правлений" в Польше и других славянских землях провозглашалось миссией России²². Не случайно было и само название организации, разработавшей эту программу. — Общество соединенных славян. Концепция декабристов, нацелившая на борьбу с самодержавием, отразилась также в "славянских" проектах конца 20-х годов. В 30—40-е годы разработку идеи славянской общности под углом зрения демократических преобразований и русско-польского революционного союза продолжили прежде всего те революционные организации в России, которые были связаны с поляками. Программа Кирилло-Мефодиев-

ского братства содержала лозунг демократической республиканской федерации поляков, русских, украинцев и других славян, причем представитель революционно-демократического крыла организации Н.И.Гулак подчеркивал необходимость самостоятельности каждого славянского народа; выдвигалась задача уничтожить всякую племенную и религиозную вражду. Подобные акценты были и в славянских концепциях петрашевцев, хотя не все из них опирались на право наций на самоопределение: так, например, В.А.Головинский требовал федерации Польши с Россией, включая в последнюю Украину и Литву. В 1848 г. Бакунин сформулировал программу "демократического панславизма", в 60-х годах в воззвании "Русским, польским и всем славянским друзьям" предложил план объединения славянства на "социальнх основах". Герцен выдвинул лозунг федерации демократических славянских республик на базе общественной собственности, связав ее с общиной, с аграрным социализмом. Хотя лозунг этот был утопичным, он носил революционный и демократический характер, поскольку звал народы к объединению в революционной борьбе за свободу, и подтверждением этому служило его присутствие в воззваниях и обращениях русских революционных демократов накануне и во время восстания 1863 г. Положение их в славянском вопросе имела особенно большое значение, так как противостояла реакционному панславизму, который в 60-е годы растворил в себе либеральное славянофильство в России.

Польские революционеры также еще с 30-х годов пропагандировали идею славянской федерации. Она звучала в период восстания 1830 г., которое деятели левого лагеря А.Лаский и Л.Набельяк считали началом общероссийской революции, в конечном итоге ведущей к объединению славян на демократической основе. О братстве с русскими как соплеменниками поляков говорилось во многих повстанческих документах и, в частности, в "Воззвании к русским" утверждалось: "Великая идея Федерации славянских народов, провозглашенная на берегах Невы, может быть воплощена в жизнь только посредством совместного их возрождения"²³. Таким образом, польские пов-

станцы вспоминали о традициях декабристов, формулируя свои лозунги славянского единения. Тот же мотив звучал и в выступлениях идеологов демократического лагеря послеповстанческой эмиграции. В 1832 г. в годовщину восстания декабристов А.Мицкевич и И.Лелевель обратились к русским с воззванием, где напомнили об идеях революционного союза и славянской федерации. Лелевель неоднократно отмечал связь судеб Польши с судьбой всех народов, борющихся за свободу, и прежде всего славянского мира, в котором "готовятся великие события"²⁴. О том же напоминал Г.Каменьский. "Можно утверждать, - писал он в 1861 г., - что безумием был бы замысел освобождения одной лишь Польши и что только полное освобождение всей славянщины из-под иностранного господства относится к разряду возможных вещей"²⁵.

Подход революционно-демократического крыла польской эмиграции к славянской проблеме отличался тем, что оно делало акцент на ее социальных аспектах. С.Ворцель, выдвигая лозунг славянской федерации, подчеркивал, что будущее братство народов означает полную перемену общественных отношений. С идеалами утопического социализма связывали славянскую федерацию идеологи "Люда Польского" и П.Сцегенный; деятели эмигрантской организации "Збур братний" разделяли концепцию Герцена, соединявшую "демократический панславизм" с общинным социализмом; планы Бакунина объединить славянские народы на социальных основах поддерживали В.Мрочковский, С.Тхожевский, Я.Загурский и другие радикальные польские эмигранты. По мысли Дембовского, демократическое и социальное развитие каждого народа славянщины должно было возвести ее на качественно новый уровень. При этом Польше отводилась главная роль. О том же мечтал и Домбровский. Он полагал, что "высота нравственных принципов и превосходство политических взглядов обратили бы к Польше глаза и сердца всей угнетенной Славянщины. Руководящая роль внутри славянского племени, утраченная в результате вековых ошибок, была бы вновь завоевана"²⁶.

Не все польские демократы признавали за Польшей лидерство

среди славянских стран. Этот момент отсутствовал, в частности, у Каменского, хотя он и призывал поляков приложить все усилия, чтобы объединить вокруг себя славян и тем обеспечить себе силу и непобедимость, а путь к этому также видел в достижении Польшей "духовной зрелости", способной привлечь к ней славянские народы²⁷. На доминировании польского народа в славянщине не настаивали З.Сераковский и ряд других польских радикальных деятелей, но многие из них противопоставляли Польшу России как сопернице в славянском мире, опасались гегемонии последней и не включали ее в будущую федерацию. Здесь сказывалось неумение отличить реакционный панславизм от "демократического панславизма" как идеологии русской революционной демократии. Лишь Ю.Токажевич отводил России место в федерации, которая возникнет в результате освободительной борьбы славян и коренных социальных преобразований. Он, как и Я.Домбровский и некоторые другие представители радикальной послеповстанческой эмиграции (А.Мадекша, Л.Правдзиц, Л.Булевский, В.Мрочковский, А.Щенснович), связывали это с общественной собственностью.

В традициях русских и польских революционных демократов намечалась тенденция выхода за рамки славянской федерации к более широкой интернациональной общности, учета революционного потенциала угнетенных народов Европы в целом. Это подтверждали концепции декабристов: Общество соединенных славян включало в славянскую федерацию Венгрию и Молдавию. Каменский также указывал на связь дела освобождения славян с проблемой независимости Венгрии и Румынии и предлагал создать восточноевропейскую федерацию. Общность целей освободительных движений народов Европы и необходимость объединения их революционных усилий отмечали "свентокшицы", Ю.Госляр. Если в 1865 г. Босак выступал за федерацию Польши, Литвы и Украины на основе социального равенства, то в 1867 г. он, Мрочковский, Загурский и другие польские эмигранты в Швейцарии выдвинули программу демократической социальной федерации народов Европы и собирались пропагандировать ее в газете "Федерасьон". В речи на II конгрессе

Лиги мира и свободы, проходившем в Берне в 1868 г., Мрочковский заявил, что решение национального вопроса возможно лишь в результате всеевропейской революции и создания Соединенных Штатов Европы на основе полной автономии и децентрализации. Год спустя, на III конгрессе Лиги в Лозанне, Босак также провозгласил лозунг республиканской федерации народов Европы. При этом он отвергал путь ограничения мирными средствами и частичными реформами, настаивал на справедливой освободительной войне, преобразующей весь социальный строй. Позиция демократизма и республиканизма сочеталась у Босака с отсутствием как классового подхода, так и польского эгоцентризма, гегемонизма: он требовал решения польского, чешского и восточного вопросов, разоблачал австрославизм и "федерализм" Габсбургов, противопоставляя ему федерацию на базе добровольного согласия свободных народов. За широкую демократическую федерацию народов Европы на основе национального самоопределения и равенства выступали Домбровский, Правдзиц, Токажевич, Медекша, Булевский, Мрочковский, Щенснович, т.е. те, кто в своих проектах и славянскую федерацию строил на новых социальных и демократических началах. Идея федерации сопрягалась у них с радикализмом в постановке социальных и национальных проблем, и это снижало остроту вопроса о месте и роли того или иного народа в межнациональной общности. Преодоление национального эгоизма и гегемонизма, так же как и выход за рамки идеалистических представлений о славянской исключительности, являлись значительным достижением польской передовой общественной мысли. Большой заслугой польских "левых", в том числе идеологов революционной демократии, было вынесение на форум международной демократии выработанных ими взглядов по национальному вопросу. Так, конгресс Лиги мира и свободы в 1868 г. на основании выступления Мрочковского принял принцип самоопределения наций.

В 60-70-е годы под влиянием I Интернационала и Парижской Коммуны польские и русские революционные демократы сделали новый шаг по пути осознания национальных проблем и

усвоения интернационализма. Союз Люда Польского во главе с Врублевским, находившийся в тесном контакте с Интернационалом, выдвинул лозунг восстановления Польши при помощи союза с борцами за славянскую федерацию и за социальное освобождение рабочего класса. Эту концепцию разделяла сотрудничавшая с Союзом русская революционно-демократическая группа "Вперед". Хотя Союз Люда Польского по-прежнему противопоставлял лозунг славянской федерации панславизму и пангерманизму и выделял особую роль Польши как "солнца для остальных славянских народов"²⁸, но теперь задача всенародного возрождения Польши сочеталась с задачами социального освобождения народов России и Германии. Польская революционная демократия признала единство дела Польши и международного пролетариата. Это был переход к новому этапу освободительной борьбы.

Таким образом, на всем протяжении предыдущего этапа в русской и польской общественной мысли революционно-демократического направления отмечались идеическое взаимовлияние и сближение позиций по ряду важнейших вопросов. Одним из них, имевших ключевое значение для освободительного движения Польши и России, был вопрос национальный. Объемностью и широтой спектра этой проблемы обуславливается, в частности, тот факт, что между идеальными позициями русской и польской революционной демократии не было полного совпадения, что отдельные аспекты национального вопроса, приобретавшие большую актуальность и остроту для той или другой стороны, рассматривались и решались ими с большей или меньшей степенью последовательности. Тем важнее, что в конечном итоге по основным, принципиальным моментам было найдено взаимопонимание, и прежде всего это касалось права народов на самоопределение. То обстоятельство, что в среде польских радикальных деятелей эта идея не нашла всеобщего признания и поддерживалась лишь немногими, не умаляет значения самого факта достижения польской общественной мыслью высшей на том этапе точки разработки национальной проблемы. Несомненно и то, что достичь этих высот помогло постоянное взаимо-

действие и взаимный обмен идеями с представителями передовой общественной мысли России, в первую очередь, с революционными демократами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дьяков В.А. Освободительное движение в России. 1825-1861 гг. М., 1979. С.168.
2. Там же. С.180.
3. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.21. С.260.
4. Manifest Zjednoczonej Demokracji Polskiej na wychodz-
ztwie 22.I 1870. Warszawa, 1870. S.6.
5. Общественно-политическое движение на Украине в 1856-
1882 гг. Киев, 1963. Т.1. С.213.
6. Dabrowski J. Listy. Warszawa, 1960. S.58.
7. icid. S.79.
8. Zmowa. 15.XII 1870. 1 I.
9. Dabrowski J. Op. cit. S.36.
10. Postępowa publicystyka emigracyjna. 1831 - 1846. Wy-
bór źródeł. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1961. S.355.
- II. Добролюбов Н.А. Собр.соч. М., 1962. Т.3. С.227-228.
12. Звенья. Т.III-IV. М., 1934. С.380.
13. Гарден А.И. Собр.соч. Т.XVII. М., 1959. С.91.
14. Избранные произведения прогрессивных польских мыс-
лителей. Т.III. М., 1958. С.153.
15. Избранные произведения... Т.II. М., 1956. С.772.
16. Demokrata Polski. 26.XIII 1848.
17. Herdelsmar K. Ideologia polityczna Towarzystwa Re-
publika now polskich /1798-1807/. Warszawa, 1923. T.1. S.179.
18. Очерки революционных связей народов России и Поль-
ши. 1815-1917. М., 1976. С.89.
19. Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоз-
зрение Петра Сцегенного (1801-1890). М., 1972. С.226.
20. Избранные произведения... Т.II. С.427.
21. Lelewel J. Wybór pism politycznych. Warszawa, 1954.
S.201.
22. Горбачевский И.И. Записки и письма. М., 1963. С.II.
23. Избранные произведения... Т.II. С.223.
24. Там же. С.233.
25. Prawda. Genewa-Berlin, 1861. N 4-5. S.156.
26. Dabrowski J. Op. cit. S.93.
27. Prawde. 1861. N 6. S.252-253.
28. Kobaldowa I. Pierwsza Międzynarodówka i lewica
Wielkiej emigracji. Warszawa, 1964. S.276.

НАРОДНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА В ВЕНГЕРСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Для филолога народное творчество либо понятие народности литературы являются отдельными предметами изучения, которые обладают самодостаточной ценностью. Однако бывают периоды, когда в жизни какой-либо страны филологические изыскания, связанные с тематикой народной жизни или с использованием фольклорных форм, приобретают значение некоего символа. В этом случае литературные произведения и дискуссии литературоведов выходят за рамки как искусства, так и науки и приобретают общенациональное значение. Такая ситуация сложилась, например, в 40-е годы XIX в., когда начался спор славянофилов и западников, продолжающийся по сию пору. Для венгерской литературной и общественной мысли подобным периодом стали 60-80-е годы прошлого столетия, когда главенствующие позиции в отечественном литературоведении заняла так называемая народно-национальная школа. Обозначенные нами десятилетия были временем ее расцвета. Предпосылки же для ее возникновения возникли гораздо раньше, а начиная с конца 80-х годов народно-национальная школа постепенно становится символом реакционного национализма, литературного застоя, и тем не менее именно в борьбе с ней рождается новое венгерское искусство XX в.

Уже в первой половине XVIII в. некоторые признаки национального самосознания отмечались у венгерского дворянства¹. С именем Дёрдя Бешенеи (1740-1811) венгерские исследователи связывают не только возникновение венгерского Просвещения, но и начало первого этапа национального движения в Венгрии².

Для "классического" (английского, французского, немецкого) Просвещения национальные идеи совсем не характерны. Присутствие их (в определенной степени) в просветительском движении в Венгрии может объясняться как тем обстоятельством, что здесь оно сформировалось почти на столетие позже, чем, скажем, в Англии, и хронологически совпало с возникно-

вением в Западной Европе уже романтических настроений (для которых как раз внимание к вопросу национального чрезвычайно важно), так и большей остротой национальной проблемы в Венгрии. Но чем бы ни объяснялся этот факт, несомненно, что следующий – романтический – этап развития венгерской культуры характеризовался обращением к национальному аспекту в первую очередь.

"Романтическое мироощущение в Венгрии первоначально всецело определялось порывом к национальной свободе, вне которой не мыслилась никакая иная, ни личная, ни социальная", – пишет О.К.Россиянов, характеризуя магистральную линию развития венгерской литературы 20–30-х годов XIX в.³ К 20-м годам была в основном завершена борьба за обновление венгерского языка. В это время налаживается выпуск журналов, альманахов, доступных более широким, чем ранее, слоям населения. Можно сказать, что Просвещение дало свои плоды: в первой половине XIX в. происходит бурное развитие венгерской национальной культуры – и в плане создания оригинальных художественных произведений, и в плане широкого их обсуждения.

С 1821 по 1836 год основным центром культурной и литературной жизни Венгрии был художественный альманах "Аурора", первым его редактором стал Карой Кишфалуди (1788–1830) (образованное в 1836 г. литературное общество его имени долгое время объединяло лучших венгерских художников). В группировавшийся вокруг альманаха литературный круг входили Йожеф Байза (1804–1858), Михай Вёрёшмарти (1800–1855) и Ференц Толди (Шедель, 1805–1875). Они составили в 30-е годы так называемый "великий триумвират" венгерской литературы. К их оценкам, суждениям, мнениям в первую очередь прислушивалась венгерская образованная публика.

В кружке альманаха "Аурора" широко обсуждались проблемы национального на теоретическом уровне. Принадлежавший к кружку поэт Ференц Кельчей (1790–1838) опубликовал в 1826 г. большой труд "Национальные традиции", написанный под влиянием идей Гердера и Шиллера. С одной стороны, Кельчей выступил в этом произведении как последователь Ф.Казинци-бор-

ца за обновление венгерского языка (1759-1831). С другой – вступил с ним в полемику, настаивая на необходимости не переводов на венгерский лучших произведений западноевропейской литературы, но создания оригинальных произведений, в основном на темы национальной истории. Провозглашенная в "Национальных традициях" ориентация на национальное прошлое, являющееся, по Кельчей, общим достоянием всего народа, оказалась сильное влияние на венгерскую литературу всего XIX в. Как бы восполняя отсутствие оригинального народного эпоса на венгерском языке, в 1825 г. И. Верешмарти создал "Бегство Залана". Несколько позже к форме национального эпоса обратится Янош Арань.

Окончательно формулирует сознательную установку на создание теоретической базы развивающейся национальной культуры Й. Байза в своем труде "Теория эпиграммы" (1828). Его творчество открыло следующий этап в развитии венгерской эстетической мысли в вопросе о национальном в искусстве. Байза настаивал на привлечении к этой проблеме современной и даже политической тематики. Этому принципу он следует как в своих художественных произведениях, так и в теоретических работах. В 20-е годы он изображает в своих песнях, жанровых картинках из жизни народа национальное сопротивление Габсбургам. Теме национальной борьбы польского народа посвящены его стихотворения середины 30-х годов "Апофеоз" и "Прощение вождя", нашедшие живой отклик венгерского общественного мнения. В исследовании о жанре романа (1833 г.) Байза связывает чисто литературоведческую проблематику с вопросами национальной духовной жизни. Одновременно он отвергает точку зрения, согласно которой природа прекрасного выводится из своеобразия той или иной нации, и настаивает на том, что чувство прекрасного свойственно человеку вообще вне зависимости от национальности.

Таким образом, в трудах Казинци, Кельчей и Байзы выстукивается некая линия последовательного развития венгерской эстетической мысли, во многом подготовившая появление впоследствии народно-национальной школы.

Говоря о предпосылках ее возникновения в первой половине XIX в., нельзя также не сказать о деятельности Ф. Толди, которого называют отцом венгерской истории литературы (эта область исследований будет особенно любима теоретиками народно-национальной школы). Его основополагающие труды по истории национальной литературы относятся уже к послереволюционному периоду. В 30-е же годы он выпускает "Справочник венгерской поэзии" (1828) и публикует в "Научном сборнике" исследование о творчестве М. Верешмарти⁴. Поэзию последнего он считает завершением этапа расцвета венгерской литературы. Творчество Ш. Петефи и Я. Араня, которое выберет народно-национальная школа в качестве эталона венгерского искусства, Толди воспринял как "плебейское". Но именно из трудов Толди перейдет в исследования народно-национальной школы восприятие литературы как формы проявления "национального духа".

С начала 40-х годов понятия народного и национального в венгерской эстетике начинают сближаться. Эпоха, во время которой национальный вопрос решался в основном в кругах аристократии, практически завершилась еще к 30-м годам. Как в политику, так и в искусство и в науку в это время пришли выходцы из обедневшего дворянства и даже из крестьян. Соответственно перестают восприниматься обвинения поэзии того же Петефи в "плебействе". Сам Иштван Сечени остро ощутил в начале 40-х годов, что руководство национальной оппозицией "выскользывает из рук аристократии" и критиковал резкость выступлений Л. Кошути в газете "Пешти хирлап"⁵.

В венгерской эстетической мысли в это время против аристократической замкнутости искусства начинает выступать Имре Хенсльманн (1813-1888). В 1841 г. был опубликован его концептуальный труд "Параллель между древними и современными взглядами на искусство и развитие искусства в Венгрии". В этом произведении идея народного искусства приобретает демократический характер. Хенсльманн утверждает, что до сих пор венгерское искусство было практически оторвано от современной народной жизни: с одной стороны, худо-

жественные произведения были сосредоточены в руках аристократии, с другой – господство канона делало искусство недоступным восприятию простого народа. В качестве задач современного искусства называется не только изображение национального прошлого, но и обращение к отечественной современности, а также использование форм народной поэзии и пр.⁶ И.Хенсльманн боролся за утверждение демократических принципов в национальном искусстве не только теоретически, но и практически: он первым начал организовывать в Пеште художественные выставки-продажи⁷.

Этот поворот в теоретической разработке проблемы народности тесно связан с политической ситуацией, ключевыми вопросами которой были вопросы капитализации страны и ее национальной независимости. Так что взгляды Хенсльманна в венгерской эстетике 40-х годов были не исключением. Разделял их, например, Иштван Эрдэй (1814–1868)⁸, для творчества которого тема народности стала главной. Собственно, именно его можно считать непосредственным провозвестником народно-национальной школы венгерского литературоведения.

На 40-е годы приходится творчество Шандора Петефи (1823–1849) и первый период поэтической деятельности Яноша Араня (1817–1882). Произведения того и другого будут приняты народно-национальной школой за образец народности в искусстве. Эрдэй признает их поэзию сразу же. Его филологические и философские изыскания этого времени, тесно связанные с категорией народности, позволяют включить в общий ряд развития мирового искусства современных поэтов. Из работ Эрдэй корифеи народно-национальной школы Пал Дюлай (1826–1909) и Я.Арань усвоили принцип непосредственной связи народного и общечеловеческого (который Эрдэй, в свою очередь, перенял у Гердера). Таким образом, эта линия развития венгерской эстетики в 40-е годы (Хенсльманн–Эрдэй) практически наметила курс последней по крайней мере на два десятилетия вперед. При этом особенно важным представляется то обстоятельство, что уже в 40-е годы в творчестве вышеназванных ученых выдвигалась задача нацио-

нального единения, которая станет ключевой политической целью страны в 50–60-е годы. Соответственно роду своих занятий они видели одну из форм объединения нации в литературе и искусстве, лишенных сословной замкнутости.

Говоря о развитии категории народности в венгерской эстетической мысли до 1848 г., следует подчеркнуть, что, с одной стороны, разработки этой темы базировались на отношении к ней романтиков (в основном немецких), в глазах которых бесконечное разнообразие местных, временных, национальных индивидуальных особенностей имело определенный философский смысл: оно было обнаружением богатства единого мирового целого – универсума. С другой – особое внимание именно к этой категории определялось политическим положением Венгрии. Стремление к национальной независимости подразумевало необходимость доказывать самобытность и самоценность отечественной культуры. Если до поражения революции 1848–1849 гг. венгерские филологи, философы и эстетики могли не ставить перед собой такую задачу осознанно, воспринимая ее как некое "вение времени", то после 1849 г. ими уже достаточно четко осознавались и политические цели культурно-исторических изысканий. Основатель народно-национальной школы Пал Дюлаи (1826–1909), будучи талантливым историком литературы и по существу кодификатором венгерского литературоведения, идеально соответствовал по своим убеждениям тем политическим задачам, которые стояли перед Венгрией в 50–60-е годы.

Происходивший из очень бедной дворянской семьи, он оказался тесно связан с трансильванской аристократией, так как до 1846 г. был воспитателем сыновей графа Яноша Бетлена. Эти связи привели его во время революции в Партию мира (в качестве секретаря Д. Телеки). Так что революционность его была достаточно ограниченной, хотя он и являлся одним из издателей в 1848 г. сборника политических революционных стихов "Национальные цветы". Мы специально останавливаем внимание на этих фактах биографии Дюлаи, чтобы подчеркнуть свое несогласие с утверждением

И.Херманна с его "двуликости", "резком повороте его убеждений после поражения революции"⁹. Скорее он на протяжении всей своей жизни и деятельности придерживался умеренно либеральных взглядов, которым вполне соответствовал тот факт, что в начале 50-х годов он примкнул к партии Ф.Деака. При этом не следует забывать, что к моменту образования этой политической группы взгляды Дюлай-эстетика уже в основном сложились: к этому времени он уже выступил со своей теорией трагического, обосновал свое стношение к народной поэзии и эпике¹⁰. Так что то обстоятельство, что творчество Дюлай "обслуживало" партию Деака, было исключительно удачным совпадением его взглядов и "социального заказа".

Говоря о взглядах Дюлай на исторический процесс и на категорию народности, следует остановиться на зарубежных источниках его творчества. Труды его предшественников в венгерской эстетике, о которых говорилось выше, опирались в основном на опыт в этой области Гердера и немецких романтиков. Воспользуемся кратким описанием этого опыта немецким исследователем Р.Вейманом. В основе концепции Шлегеля - как и Гердера и Шиллера - лежит диалектическое понимание отношения историка, живущего в своей современности, к историческому процессу. Живая современность и все прошлое должны слиться, чтобы историк мог "устремиться мыслью в далекое будущее". Эта "ассимиляция" (в гумбольдтовском смысле) "исследующей силы" и "исследуемого предмета" конституирует то единство настоящего и прошлого в историографии, в котором заключена "вся суть". Этот тезис служит методологической предпосылкой того, что и история литературы добилась, наконец, объединения двух аспектов: истории возникновения и истории воздействия литературного произведения на читателя¹¹. Известно, что Дюлай основательно изучал труды Шлегеля, полемизировал с ним относительно творчества Мольера¹². Но взгляды романтиков на историю и нацию к середине XIX в. в общем уже вошли в обиход венгерского литературоведения, и в творчестве Дюлай, пожалуй, более важными представляются влияния немецкого лите-

ратуроведа Г.Гервинуса и английского историка Т.Б.Маколея.

Гервинус создает в 1835–1842 гг. историю литературы, проникнутую идеей национального развития – крайне актуальной для Венгрии второй половины XIX столетия, когда после поражения революции стране необходимо было доказать свое право на автономное существование идеологическим, а не военным способом. В 50-е годы Дюлаи изучал труд Гервинуса о Шекспире¹³. Маколея же он называл родным себе по духу¹⁴. Действительно, литературные теории и их политические проекции у Маколея и Дюлаи очень близки.

Жизнь и творчество Маколея приходятся на расцвет в Англии викторианской эпохи. Взгляды его полностью совпадали с проводимой в это время политикой (в 1839–1841 гг. он был военным министром). В своем основном труде "История Англии от восшествия на престол Якова II" (1849–1861) он устанавливает позитивную связь между викторианской Англией и великой эпохой буржуазной революции в Англии XVII в. Поэтому, в личности и творчестве которого воплотились высокие революционные идеи великого века, он считает Джона Мильтона. По мнению Маколея, своеобразие и независимость ставят Мильтона "в один ряд с великими людьми, которые, родившись в те времена, когда цивилизация лишь начиналась, и опираясь на свои собственные силы, не имея ни примеров, ни образцов, сумели создать и завещать потомкам образцы, достойные подражания"¹⁵.

Еще раз обратимся к работе Р.Веймана, чтобы кратко определить особенности подхода Маколея к вопросам истории литературы и нации. По мнению Веймана, будучи апологетом буржуазной революции 1688 г., Маколей конституирует устойчивую традицию, в которой сочетаются взаимопроникающие поэтические, этические и политические установки и оценки... Именно потому, что Маколей ищет в прошлом образцы, подтверждающие господствующие взгляды его времени, и находит их у Мильтона, этого "мученика английской свободы", традиция у него выступает столь естественной и действенной¹⁶. При этом очень важно, что английский историк вос-

принимает революцию 1688 г. как последнюю в Англии¹⁷.

Английское безреволюционное в последние столетия развитие было политическим примером для партии Деака. При этом только что потерпевшая поражение революция представлялась героической эпохой борьбы за национальную независимость. Ближайшей политической задачей было достижение независимости мирным путем. Для ее выполнения требовались, с одной стороны, некоторые политические маневры по отношению к Вене, с другой же – мирное объединение нации на основе общей культуры и общих воспоминаний о 1848 г. с одновременным воспитанием у нации идеи дальнейшей нереволюционной борьбы. Одновременно следовало утвердить концепцию последовательного исторического развития венгерской нации, которая как бы конституировала ее право на самостоятельность.

Как в произведениях Маколея роль национального героя прошлого сыграл Мильтон, так у Дюлаи подобное место занял Шандор Петефи. Но в силу описанной специфики венгерской ситуации в 50-е годы на первый план вышла проблема народности его поэзии (естественно, полностью отсутствовавшая в работах Маколея о Мильтоне). Вторым таким героям стал соратник Петефи Янош Арань – поэт и впоследствии также критик народно-национальной школы.

Термин "народно-национальная школа" впервые употребил Дюлаи в 1851 г. в рецензии на полное собрание сочинений Й.Байзы. При этом он ссылался на работу Я.Эрдэйи "Наша народная поэзия за рубежом" (1851). Характерно, что уже в этой ранней работе наблюдается схожая с маколеевской позиция взаимопроникновения поэтических, этических и политических установок. Начиная свою борьбу с эпигонами Петефи, которые лишь "играют с народом", Дюлаи пишет: "Всем нам надо стать лучшими венграми и в большей степени венграми, чем доинне"¹⁸. Собственно говоря, уже в ранних работах Дюлаи прочитываются также истоки его позднейшего догматизма. Полная уверенность в своей правоте привела его к мысли о возможности лишь единственной школы в венгерском литературо-

ведении и – шире – в венгерской эстетической мысли.

В 1854 г. вышел первый большой труд Дюлаи "Шандор Петефи и наша лирическая поэзия". Сформулированные здесь взгляды на развитие венгерской литературы практически не будут меняться на протяжении всей большой и плодотворной жизни Дюлаи. По мнению венгерских исследователей, это обстоятельство свидетельствует не о его неспособности к развитию, но лишь о том, что Дюлаи уже в начале своей карьеры ¹⁹ выступил как сложившаяся зрелая личность. Добавим лишь, что поставленные им уже в начале 50-х годов вопросы оставались для Венгрии актуальными в течение очень долгого времени.

Основная задача, стоящая перед "народно-национальной" литературой, была сформулирована Дюлаи уже в упоминавшейся статье 1851 г. следующим образом: венгерская поэзия "должна развиваться на основе народно-национального элемента, чтобы достичь европейского уровня, заявив о себе как о собственно венгерской"²⁰. То есть уже здесь на один из первых планов выходит тенденция некоторой демонстрационности венгерской литературы – необходимости "показать" ее окружающему миру. Задача создания показательных (но не показанных!) произведений венгерского искусства ставится и в монографии о Петефи. При том, что труд этот очень основателен, что признавалось всеми последующими исследователями творчества Петефи, содержит массу собранных Дюлаи у его современников биографических подробностей и детальный стиховедческий анализ, он тем не менее очень политизирован. Особенно заметен этот уклон при сравнении с вышедшей в 1854 г. монографией о Петефи Я. Эрдэйи, которая является исключительно филологической работой.

Очень важной представляется Дюлаи борьба с эпигонами Петефи, которых он обвиняет в пустом "народничанье". Он требует от художников не спекуляции внешними элементами народной жизни, но проникновения в ее суть. Во многом с этой проблемой связываются в творчестве Дюлаи категории "реального" и "идеального". Назвать это выступлением за

реализм в противовес романтизму было бы, пожалуй, некоторым упрощением. О.К.Россиянов пишет: "Кто в литературе, в общественно-литературной мысли отстаивал вечный, "естественный" мадьярский народный характер, закрывая глаза на урбанизацию, расслоение нации, крестьянства и самого дворянства, тот застrevал на почве обветшалого, в дурном смысле романтического - патриархально-националистического - мировоззрения, даже если в поэтике стоял за бытовую подлинность, "эпичность", реалистические изобразительные приемы. Такова была историческая судьба господствующей народно-национальной школы во главе с Палом Дюлаи, хотя она и внесла известный первоначальный вклад в реалистическую эстетику"²¹.

"Патриархально-националистическим" мировоззрение народно-национальной школы стало к концу столетия. Что же касается романтизма в венгерской литературе, то он просуществовал весь XIX в., давая как прекрасные (например, уже в 1901 г. "Звезды Эгера" Г.Гардони), так и неудавшиеся плоды. В своем художественном творчестве, занимавшем лишь небольшую долю его деятельности, Дюлаи оставался романтиком. В литературоведческих же и критических работах он последовательно выступал за реализм не против романтизма вообще, но против романтизма поверхностного, внешнего, свидетельство - дискуссия Дюлаи и М.Йокай в 50-е годы (Йокай выступал на страницах "Пешти напло", а Дюлаи - "Мадьяр шайто"). Термин "реализм" у Дюлаи употребляется не в современном смысле - под ним подразумевается изучение жизни и изображение ее в литературе определенным образом. При этом он одним из первых в венгерском литературоведении вводит понятие психологизма художественной литературы,

Необходимо также отметить, что Дюлаи отдавал себе отчет в том, что происходит классовое расслоение венгерского общества, и требовал от литературы вполне определенного отношения к этому процессу. В 1854 г. он писал: "Превращение национальной литературы в литературу, принадлежащую какому-то определенному классу, всегда ведет к большо-

му провалу. Она должна быть или выше или ниже классового деления общества"²². По всей видимости, этот тезис следует относить не столько к эстетическим, сколько к политическим взглядам Дюлай (мы уже отмечали их тесное переплетение в его творчестве). Идея общенациональной, внеклассовой литературы служила идею консолидации венгерского общества.

Эти взгляды Дюлай уже в 50-е годы разделяли еще два выдающихся венгерских эстетика - Ференц Шаламон (1825-1892) и Агошт Грегуш (1825-1862)^{*}. Одно из основных отличий их работ от трудов Дюлай и Эрдейи заключается в том, что категория народности лишается некоторого демократического духа. Термин "народ" употребляется Шаламоном и Грегушем как культурная категория, в отношении же проблемы реального и идеального большее значение получает последнее. Таким образом, можно утверждать, что именно их (особенно Грегуша) труды послужили основанием для развития народно-национальной школы в конце XIX в. в направлении национализма. Некоторым подтверждением этому может служить тот факт, что, хотя популярность Дюлай и падала по мере того, как он занимал все более высокие официальные должности, на него практически не было нападок со стороны молодого поколения вовремя борьбы с народно-национальной школой в начале XX в. Более того, его творчество приветствовал лидер нового венгерского искусства Эндре Ади в стихотворении "Борющийся Пал Дюлай".

Ф.Шаламон в своих литературоведческих работах выстраивал концепцию национальной литературы, как бы даже не сосредотачиваясь специально на литературе венгерской. В 1855 г

* Мы сознательно не включаем в данный очерк анализ взглядов такого видного представителя народно-национальной школы, как Я.Арань, так как его теоретические работы, как правило, достаточно вторичны. Скажем лишь, что он в основном разделял взгляды этого направления в литературоведении и иллюстрировал их своим художественным творчеством, которое несравненно интереснее его теоретической деятельности.

он писал в статье "Мировая литература": "Главным стремлением литератур всех ныне живущих наций является представить свою жизнь в чувствах, фактах и образах"²³. При этом, согласно его взглядам, "верность действительности" наилучшим образом проявляется не при соблюдении фактической стороны, но при следовании логике характеров. Как и Дюлаи, он видит лучшие образцы венгерской литературы в творчестве Ш.Петефи и Я.Араня.

А.Грегуш в большей степени, чем остальные вышеназванные представители народно-национальной школы, занимался вопросами собственно эстетики и философии. Категория народности у него менее политизирована. В начале 50-х годов он определяет ее практически по-гердеровски²⁴. С этой точки зрения он проводит дефиницию народного и национального искусства (народное – как низшая ступень и национальное – как высшая).

Однако с течением времени взгляды Грегуша постепенно начинают изменяться в более радикальную сторону. Его занятия философией привели к национал-дарвинизму. (Следует заметить, что по основной специальности Грегуш был врачом, поэтому многие его выступления в Академии наук проходили по секции естествоиспытания, где постоянно возникали вопросы о дарвинизме, материализме и идеализме и проч.). В 1867 г. Грегуш присягнул доклад на XII Конгрессе венгерских врачей и естествоиспытателей "Как нам укрепить венгерское общество?"²⁵, в котором пытался соединить национал-дарвинизм с провозглашенной Й.Этвешем программой национальной культуры. А в 1875 г. в статье "О нравственной природе прекрасного" писал о победе в исторической "борьбе за выживание" более сильных рас. Именно в это время, после соглашения 1867 г., народно-национальная школа начинает восприниматься как националистическая. Дюлаи продолжает выступать по-прежнему за утверждение венгерского искусства как равноценного западноевропейскому, в трудах его современников и товарищей по лагерю начинает возникать концепция превосходства венгерской культуры по отношению к куль-

турям других народов империи Габсбургов.

Опуская чисто литературоведческие дискуссии 50-70-х годов (о реализме и романтизме, об иерархии жанров и т.д.), мы не можем не сказать о некоторых философских дискуссиях, в которых принимали участие представители народно-национальной школы. Работы Дюлай были практически лишены связи с современной философией. Но уже он тесно связывал литературные и нравственные (поэтические и этические) проблемы. Грегуши же, последовательно выступая против материалистического мировоззрения, не ограничивался научной аргументацией, но привлекал аргументацию моральную. Он писал, например: "Материалистическое мировоззрение разрушает правду, красоту и добро, делает невозможными научные исследования, уничтожает искусство, разрушает нравственный порядок"²⁶. Процитированное высказывание интересует нас в настоящий момент не с точки зрения споров между материалистами и идеалистами в Венгрии, а с точки зрения открыто догматической формы. Представляется, что во многом подобный способ вести дискуссию, наряду с националистическим уклоном, который приняла народно-национальная школа после 1867 г., привел к резкому ее неприятию со стороны многих венгерских художников конца XIX – начала XX столетия.

Но благодаря таланту Дюлай его имя (а вслед за ним и название его школы) стало в 60-70-х годах символом духовной жизни эпохи. При этом, чем чаще повторялись в теоретических работах словосочетания "национальный дух", "национальный характер", тем явственнее становилось, что в литературной жизни наступил застой. Последний стихотворный цикл Я.Араня (конец 70-х годов) пронизан глубоким пессимизмом и разочарованием в жизни. После его смерти в 1882 г. можно говорить о смерти народно-национальной школы как художественного направления. Многочисленные произведения М.Йокай – "венгерского Дюма" – хотя и претендуют на изображение венгерского национального характера, могут рассматриваться как пример интернационального приключенческого жанра. По словам Ади, "Йокай лучше знал Россию, чем Венг-

рию". (В России Йокай никогда не был.)

Апофеозом национализма народно-национальной школы становится в 80-90-х годах творчество Колта Бёти (1848-1922). Особенno важно то обстоятельство, что его теоретические работы издавались как пособия для школ и школьных учителей, выдерживали множество переизданий и в первые десятилетия XX в. В 1877-1879 гг. Бёти издал двухтомный труд "Исторический очерк венгерской национальной литературы", по которому с отечественной литературой знакомилось целое поколение. Но еще большей популярностью в среде консервативных учителей пользовалась небольшая книга "Зеркало венгерской литературы" (1896 г.), всего 150 страниц. Естественно, ничто не могло бы до такой степени способствовать популярности этих произведений как несомненный талант автора, его глубокие познания в области отечественной литературы, любовь к ней, хороший стиль. Но их идеологическая направленность определяется уже не только национализмом, но венгерским шовинизмом. Практически все переиздания произведений Бёти открывались картинкой "Мадьяр на Волге", и далее следовал текст о победоносном шествии великой венгерской литературы.

В среде передовой интеллигенции начала ХХ в. (т.е. поколения, выросшего на книгах Бёти) подобные идеологические тенденции вызывали резкое неприятие. Борьбу с народно-национальной школой начал в первые годы нового столетия самый народный венгерский писатель ХХ в. Жигмонд Мориц. Эта борьба велась опять-таки с позиций категории народности. Новое поколение художников слова, объединенных вокруг журнала "Ньюгат" ("Запад"), начинает "стирать хрестоматийный глянец" с имени Петефи, возникают новые дискуссии о проблемах народности искусства. Национальный вопрос по-прежнему оставался большим для всех народов Габсбургской монархии, поэтому и искусство не могло остаться в стороне от него. Скомпрометировавшая себя на рубеже XIX-XX вв. народно-национальная школа стала служить в это время некоей точкой отталкивания для выработки нового подхода к категории народности в эс-

тетике и, как это ни парадоксально, может быть, в этом была ее последняя заслуга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I. Kosáry D. Ujjaépitése es polgárosodás 17III-1867. Budapest, 1993. I22.o.
2. Ibidem.
3. История Всемирной литературы. Т.6. М., 1989. С.529.
4. Toldy F. Aesthetikai levelek Vörösmarty Mihály epikus munkairól// Tudományos gyűjtemény. Pest, 1826-1827.
5. История Венгрии. Т.2. М., 1972. С.69.
6. Henszlmann I. Párhuzam az ó- és újkori művészeti nézetek és nevelések közt, különös tekintettel a művészeti fejlődés Magyarországon. Pest, 1841.
7. Magy E. A magyar esztétikai történetéből. Budapest, 1983.427 o.
8. Подробнее о его творчестве см. статью в настоящем сборнике
Hermann I. A gondalat hatalma. Budapest, 1978.259 o.
- IO. См.: Kovács K. Fejezet a magyar kritika történetéből. Budapest, 1963. 75 o.
- II. Вейман Р. История литературы и мифология. М., 1975.
- C.29.
 - I2. Hermann I. Op. cit. 260 o-
 - I3. Kovács K. Op. cit. 75 o.
 - I4. См.: Hermann I. Op.cit. 260 o.
 - I5. Macaulay T.B. "Edinburgh Review", August, 1825.
 - I6. Вейман Р. Указ.соч. С.58.
 - I7. Macaulay T.B. The History of England from the Accession of James II. London, 1906.V.2.2I4 p.
 - I8. Gyulai P. válagatott művei. Budapest, 1972. 365 o.
 - I9. A magyar irodalom története. 4 к. Budapest, 1965, 202 o.
 20. Gyulai P.Op. cit. 364 o.
 21. История Всемирной литературы. Т.7. М., 1991. С.5I8-
- 5I9.
 22. Gyulai P. Jegyzetek Kemény egy grófbirálójának cukkához // Pest Napló.1854. I244 o.
 23. Цит. по: A magyar irodalom története.4 к. 224 o.
 24. См.: Greguss A. Tájékozások ujabbkori lantosítésszetről körül. Pest, 1853.
 25. Greguss A. Hogyan erősödjünk társadalmilag? // Rimaszombat, 1867.
 26. Greguss A. A tanulmányai. Pest, 1872, 42 o.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
О.В.Хаванова. Восприятие идей французского Просвещения венгерским дворянством в конце XVIII в. (на примере Ф.Вольтера и Ш.Монтескье, Е.-Ж.Руссо).....	5
Е.Н.Масленникова. Распространение идей Гегеля в Венгрии XIX века.....	22
Н.М.Филатова. Польский политический либерализм в 1815-1820 гг.	44
А.И.Миллер. У истоков польского реформистского консерватизма. Социальные взгляды Леона Жевуского.....	70
К.В.Павловский. Монархия социальных реформ как единственная форма государства будущего (концепция Лоренца фон Штайна).....	89
Г.В.Макарова. Об истоках идейных воззрений членов "Организации 1848 года" в Королевстве Польском..	105
И.В.Попова. Венгерское дворянское сознание и словацкий панславизм (начало 40-х годов XIX в.)...	124
С.М.Фалькович. Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австро-славизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50-70-е годы XIX в.)....	135
Г.И.Еремеева. Идеология чешских радикальных демократов 40-60-х годов XIX в.: национальные и социальные аспекты.....	163
Ч.Б.Желицки. Взгляды венгерских общественных деятелей на решение национального вопроса в Венгрии в 50-60-е годы XIX в. (Идеи, подходы и проекты).....	189
С.М.Фалькович. Национальный вопрос в русской и польской революционно-демократической мысли....	213
Е.Н.Масленникова. Народно-национальная школа в венгерском литературоведении.....	237

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(конец XVIII – 70-е годы XIX в.)

Сборник статей

Ответственный редактор

доктор исторических наук С. М. Фалькоевич

ЛРН № 020935 от 9 ноября 1995 г.

Оригинал-макет сборника подготовлен
в редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Подписано в печать 14.06.1995 г. Тираж 300 экз. Заказ № 40

Усл. печ. л. 11,5. Цена договорная

inislav